

Игорь Пронин

Пираты²

Книга вторая

ОСТРОВ ПАУКА

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2011

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2011

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П81

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Пронин, И.

П81 Пираты 2. Книга вторая: Остров Паука. – М.: Издательско-торговый дом «Этногенез», 2011. – 256 с.

Потеряв отца, Кристин Ван Дер Вельде стала капитаном пиратского корабля и с богатой добычей собирается вернуться в 1650 год. Однако у полковника Бенёвского и его необычных товарищей, встретивших пиратов на острове Демона, другие планы. А тут еще таинственный Прозрачный ставит перед Кристин и Джоном новую задачу...

И вновь впереди опасные приключения, обманчивый блеск золота, настоящая любовь и подлое предательство, новые враги и новые загадки удивительного мира, где невидимые соперники разыгрывают странную партию. Но ветер удачи несет «Ла Навидад» сквозь все иллюзии к единственной истине....

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П81

© Рыков К., 2011
© Пронин И., 2011
© Издательско-торговый дом «Этногенез», 2011

ISBN 978-5-904454-33-3

ПРОЛОГ

Польша, 1632 год

В этом сне она была совсем маленькой. Зима, снег. Стояла ясная погода, солнце ласкало румяные от мороза щеки, и по глаза укутанная в шаль девочка щурилась, улыбалась всему миру. Ей было десять лет в том далеком году.

– Моника! Стой там, жди меня!

Выйдя из костела, мать остановилась поболтать с кем-то из знакомых. Кажется, это был воскресный день... Да, погожий воскресный день! Мимо шли люди, бедные и богатые, добрые и злые, но в тот день одинаково любезные. Все были опрятно одеты, все улыбались. Или маленькой Монике только так казалось? Даже во сне она удивилась: будто мир был совсем другим! Не было в том мире ни ненависти, ни крови, ни унижений.

– Здравствуй, красавица!

Моника обернулась и увидела высокую, статную пани. Пани, конечно, заслуживала внимания, но девочка во все глаза уставилась на шубу. Мех блестел на солнце, и его было много, очень много! Хвостики, спинки... Ей отчаянно захотелось погладить мех, уткнуться в него носом, потереться щекой!

– Шубка моя нравится? – пани присела и заглянула Монике в глаза. – Это русские соболя.

– Я знаю! – она и правда знала, только вчера услышала от дедушки Анджея. – Это из Московии, где наши солдаты! Они воюют и скоро у всех в Польше будут такие соболя!

– Время нынче смутное... – пани чуть помрачнела и без нужды поправила на Монике шаль. – Да что нам до Москвы? Тебя ведь зовут Моника Бенёвская, верно?

– Да! – девочка осмелилась и тихонько погладила шубку. Даже сквозь варежки она почувствовала – или придумала это чувство? – нечто невообразимо приятное. – Мы шляхтичи, но бедные, и солдат нет, некому за соболями ехать... Вот вырастет Вацлав, мой братик, и привезет нам, и маме тоже!

– Конечно! Конечно, привезет... Только мне надо идти. Поэтому слушай внимательно! Вот тебе подарок.

При слове «подарок» Моника наконец отвлеклась от шубы и посмотрела в бледно-голубые глаза пани. Так она и осталась в детской памяти: соболя и эти глаза, будто выцветшие, хотя пани вовсе не была старой.

– Это... Ну, допустим, это такая рыбка, – на узкой ладони женщины оказался маленький металлический предмет. – Видишь, к хвостику привязана веревочка? Это чтобы не потерялся. Его можно на шею повесить, и никто не заметит.

– Рыбка! Это мне? – Моника осторожно взяла диковину и та будто чуть обожгла пальцы. Наверное, остыла на морозе. – Спасибо!

– Не потеряй! – голос пани зазвучал строже. – Она принесет тебе удачу. Но только это не совсем для тебя подарок, слышишь?

– А для кого?!

– Для того, кто еще не родился. Ты сохранишь дельфина... Ну, вот эту рыбку, и сделаешь так, чтобы он достался Маурицию Бенёвскому, который родится еще не скоро. Но другого Мауриция в семье не будет, поэтому главное: не забудь! А пока дельфин твой, никому его не показывай. Все поняла?

– Да! – Моника отправила рыбку поплавать себе в рукав. – Мауриций... А когда он родится у мамы?

– Не у мамы! И не скоро, успеешь наиграться. Просто не показывай его никому, и будет тебе счастье! – пани вздохнула и поднялась. – Встретиться бы мне с тобой попозже, да другого шанса уже не будет! Моника, я умоляю тебя, не забудь: дель-

фин должен достаться Маурицию Бенёвскому! Он родится...
Ах, ты не запомнишь! Научилась уже писать?

– Да! Все буквы знаю и слов немножко! Правда, ошибаюсь иногда... – поправилась Моника, как честная девочка. – Хотите, я вам свое имя на снегу напишу?

– Нет. Я хочу, чтобы ты написала письмо тому Маурицию, который однажды родится в вашей семье! Напиши и спрячь куда-нибудь, подрастешь – поймешь больше. Напиши, что Московии ему бояться не следует, что только там, далеко на востоке, он найдет и верного друга, и путь к своей цели! А когда соберешься... Ну, когда станешь старенькая, вложи в конверт и фигурку.

– Старенькая?! – Моника расхохоталась. – Пани, это же будет еще совсем-совсем потом!

– Да... – пани погладила девочку по голове и снова вздохнула. – Но ты напиши такое письмо, я тебя очень прошу. Это как в игре: главное, никому ничего не рассказывать.

– Что за игра?

– А вот вырастешь, и узнаешь! Повтори: письмо Маурицию, чтобы смело ехал в Москвию, там друг и путь к цели! Иначе ничего не получится! И не забудь передать с письмом предмет!

– Не получится... Предмет... Письмо... – послушно повторяла Моника, снова рассматривая шубу.

– Дочка! – девочка обернулась и увидела спешащую к ней мать. – С кем ты разговаривала?

– Вот с ней! – Моника повернулась назад, но пани уже не было. – Убежала куда-то! У нее шуба, русские соболя! Когда у нас такие будут, мама?

– Когда подрастешь и жениха тебе будем искать, вот как раз к тому времени уже будут! – мать обняла ее. – Что тебе говорила пани? О чем-то спрашивала? Незнакомо мне ее лицо!

– Спросила, как зовут... Больше ни о чем! – хитро улыбаясь, девочка спрятала рыбку в варежку. Мама недавно сказала ей,

что у взрослых женщин могут быть свои секреты. Раз так, и у Моники тоже будет хоть один! – Ни о чем не говорили.

– Да как ее зовут-то, знаешь? Эх, ты... Пойдем домой, морозно! – мать потащила ее за собой. – И больше не разговаривай с незнакомцами! Бывают такие, что... Вдруг она колдунья?

– Какая же она колдунья! У колдуньи нос большой и волосы седые, торчат! – Моника засмеялась: ну что за глупости? – А у пани шуба! Гладкая! И еще...

Игрушечная рыбка снова чуть обожгла руку холодом, будто попросила: молчи, не рассказывай обо мне!

– Что еще? – мать помахала рукой кому-то из знакомых.

– Ничего. Больше – ничего!

– Точно? – мать, щурясь на солнце, заглянула Монике в лицо.

– Что-то у тебя с глазами... Ладно, дома посмотрим. Я замерзла. Побежали?

– Я быстрей, я быстрей!

И Моника помчалась по белому снегу вперед и вверх, к сияющему солнцу далекой Польши своего детства. Она наверняка добежала бы, но неловко повернулась во сне, и боль в обожженной спине заставила вскрикнуть.

Вест-Индия, 1573 год

– Пся кревь! – она встала на колени и заскрипела зубами, пережидая приступ.

Спустя минуту боль немного отпустила и Моник смогла припомнить сон, в котором ее называли «Моника». Сон вышел удивительно красочным, ярким. Лица незнакомки припомнить не удалось, но вот ее слова...

– Не помню такого! – проворчала Моник и поднялась на ноги, опять выругавшись: обувь она потеряла при бегстве из горящего города, и вот уже около десяти дней шла по тропическому

лесу босиком. Ступни горели не хуже спины. – Да что же это такое?! Куда я иду, куда?

Проклятая девчонка Кристин выстрелила неудачно: пуля ударила в левое плечо и срикошетила от кости. Первое время Моник была уверена, что плечо раздроблено, но, к ее удивлению, это оказалось не так. Да и сама рана была явно неглубокой, хоть рассмотреть ее и не получалось, а попытки ощупать доводили до потери сознания. Во всяком случае, сильного кровотечения не было, а дня три спустя левая рука понемногу начала слушаться. Тем не менее, выстрел Кристин все же мог оказаться смертельным: от сильного удара и боли Моник потеряла сознание и упала в дверях подожженного пиратами дома. Она пришла в себя, когда два испанских солдата тащили ее из горящего жилища за ноги. Опоздай они еще хоть на минуту, она просто надышалась бы дымом до смерти.

– Может, оно и к лучшему бы? Дьявол забери эту диковину!

Постанывая от боли, Моник подошла к кустам и пересохшими губами собрала с широких листьев капли утренней влаги. Уже два дня, как не получалось отыскать ручей. Еще немного, и она не сможет идти. На очередном листе оказался паук величиной с ладонь, и женщина отскочила в сторону, снова застонав от боли в распухших ступнях.

– Да, надо было сдохнуть там! Где уже это проклятое море?!

В суматошной, полной огня и перестрелок ночи Моник ушла из Картахены в лес. Остаться значило не просто оказаться в цепких лапах инквизиции, но и получить новые обвинения. Город разграблен и сожжен, кто-то должен за это ответить. У Моник спросили бы, каким образом ее бывшие друзья смогли прорваться сквозь все оборонительные линии, как проникли в цитадель, что за сила им помогала...

– Проклятый дельфин! Может быть, и в самом деле был этот разговор о Мауриции. Но какой к чертям Мауриций! – разговарива-

ривая сама с собой, Моник подобрала с земли прихваченную из города шпагу, свое единственное оружие, и продолжила путь. – У нас в семье нет Мауриция… Или он уже родился и ждет моего письма? Нет, не родился, потому что дельфина я получила примерно в 1632 году, а сейчас 1573-й… Что будет раньше: я сойду с ума или меня загрызет какой-нибудь ягуар?

В семье Бенёвских была традиция: когда дети болели, их переставали кормить. Не из жестокости, а потому что верили, что это поможет скорее поправиться. Моник считала это глупым суеверием, хотя слышала в Мадриде о лекарях, что придерживались того же мнения. Так или иначе, она ничего не ела больше десяти дней, но все еще шла. Рука понемногу приходила в порядок, рана на плече не гноилась и не воспалялась, да и поджаренная спина теперь беспокоила все реже. Главной проблемой стали ноги.

Сперва Моник ушла как можно дальше от города, чтобы не попасть под облавы: наверняка в суете разбежались рабы. Поэтому просто шла и шла прочь, не стараясь приблизиться к морю. Там тоже будут искать прежде всего – поврежденный корабль пиратов мог встать на починку в бухте неподалеку. Но теперь, когда все немного улеглось, следовало выйти к берегу, только там можно встретить людей. А без них Моник обречена – сама себя обеспечить пищей женщина оказалась не в состоянии.

– Еще дня три, и сожру вот такого паука… – от омерзения Моник передернула плечами и снова застонала от боли. – Господи, пошли мне одинокого доброго охотника!

От платья мало что осталось: подол она сама пустила на хоть какую-то перевязку, почти все остальное осталось висеть клочками на колючих ветках. Засохшая кровь, грязь, слипшиеся, грязные волосы… Окажись перед ней зеркало, Моник старательно обошла бы его с закрытыми глазами. Ей хотелось лечь, но она гнала и гнала себя на запад. Если идти весь день, то ночью от усталости можно уснуть прямо на земле. Ей прежде

и в голову не приходило, как можно замерзнуть в этих вечно теплых краях! Но ночами, после дневного зноя, становилось холодно, мучительно холодно. Хотя в Польше такая ночь считалась бы теплой и нежной.

– Польша, Польша! – зло бормотала она в полубреду, едва перебирая ногами. – Нет для меня больше никакой Польши! Нет никакой Моники Бенёвска, и Мауриция нет! И дельфина тоже нет, будь он проклят... Зачем та ведьма мне его подарила, зачем?!

Тогда, в детстве, Моника никому не рассказала о фигурке. Это была ее собственная маленькая тайна. Хотя кому-то из подружек, кажется, рассказывала... Она не помнила. Так же, как не помнила и этих слов о нерожденном Мауриции, о письме, о Московии и какой-то цели этого Мауриция.

– Я должна об этом подумать! – Моника остановилась, опершись о шпагу, и повторила, обращаясь к внимательно разглядывавшему ее яркому попугаю. – Я должна об этом подумать, если останусь жива! Нерожденный Мауриций – это значит, что та ведьма знала о нем, то есть пришла ко мне из будущего... Зачем?! Нет, не могу думать, пока не поем. Чем ты пытаешься, гадина крылатая?! Тут же ничего нет!

Попугай повертел хохлатой головой и что-то протрещал.

– Мог бы хоть поговорить из вежливости к dame, – проворчала Моник и продолжила путь. – А ты только ждешь, чтобы мне глаза выклевать! Почему меня все ненавидят, что я вам всем сделала?

Она прошла еще немного и вдруг заметила на земле клочок грязной ткани. В ту же секунду в ноздри ударил запах дыма. Моник потрясла головой, чтобы немного прийти в себя, и поняла, что пахнет не дымом, а жареным мясом. Пытаясь не шуметь, она двинулась вперед. Это было опасно, очень опасно... Но запах тащил ее к себе, словно на цепи.

А потом из-за дерева вышел человек. Он явно только что проснулся, сладко потягивался и тер глаза. Заметив Моник, он сперва подался назад, но быстро сообразил, в чем дело, и рассмеялся.

– Эй, амигос! Да у нас гостья!

Спустя минуту Моник оказалась окружена семьью оборванцами, в которых без труда можно было опознать беглых рабов. Белые и черные, но одинаково грязные, они переглядывались и скалили зубы.

– Я много дней ничего не ела... Я ранена! – Моник опустилась на колени и простерла руки к тому, кто показался ей вожаком.

– Прошу вас, помогите мне!

– Тоща! – вожак приосанился и поправил нож, торчащий из-за пояса. – И страшна, как индейская старуха! Но другой-то нет, верно?

– Верно! – один из беглецов присел рядом с Моник, послюнявил палец и провел по ее грязной ноге, оставляя след. – Грязная и воняет! Хорошо бы ее в ручье прополоскать!

– Тебя бы тоже! – крикнул другой, и все загоготали.

– Ну, раз тебе надо почище, то жди, пока из леса другая выйдет! – вожак схватил Моник и легко закинул ее, изрядно потерявшую в весе, на плечо. От боли женщина почти потеряла сознание. – А мы пойдем подумаем, что с ней можно сделать, и как поступить по справедливости!

Он бросил ее возле костра, где жарилась тушка какого-то мелкого животного. Запах мяса вернул Моник к жизни. И все же дело принимало скверный оборот – для беглых рабов она лишь добыча. Покормить ее, может быть, не забудут, но дальнейшая судьба грозила чем-то даже худшим, чем рабство.

– Я могу показать вам, где золото! – Моник пыталась сосредоточиться, изменить ситуацию в свою пользу, но проклятый запах мешал сосредоточиться. О, если бы хоть кусочек, хоть косточку! – Я знаю, где сокровища! Я жена пиратского капитана!

– Да, да! – вожак, хихикая, потянул за остатки платья, и оно просто расползлось по швам. – Потом все покажешь и расскажешь! А платьице-то дорогое, не из простых бабенка!

– Да видно же – из Европы пожаловала, или еще какая цаца! – поддержал его «чистюля». – По разговору видно. Может, потом, как устроимся, сможем за нее что-нибудь получить из Картахены?

– Да ты посмотри на нее! Трех дней точно не протянет, и хорошо, если прямо сегодня не окочурится! Так что лучше поспешить.

Зарычав, словно животное, Моник рванулась к костру и, не думая больше ни о чем, схватила полусыре мясо. Увы, впиться в него зубами не удалось: сильные руки ухватили ее за щиколотки и рывком вернули на место.

– Отберите у нее жаркое! Это, милашка, наш завтрак! А на тебя, прости, не рассчитывали!

Мясо вырвали из рук Моник, и в ее затухающем сознании все потеряло смысл. Не помня себя, она развернулась и с неожиданной силой вцепилась вожаку в лицо, словно разъяренная кошка. Ногти впились в кожу, сразу появились капли крови. Моник, оскалившись, тянулась к нему, чтобы пустить в дело и зубы.

– Вот ведьма! – вожак вскочил и попытался оторвать Моник от себя, но сделать это можно было только вместе с кожей. – Дьявол! Она мне кожу с лица сдерет! Да помогите же!

Моник ухватили за ноги, за волосы, но и все вместе не могли справиться с этой животной яростью. Наконец, кто-то догадался заехать ей кулаком в ухо и, оглушенная, она сразу обмякла. Вожак швырнул ее на траву и провел ладонями по лицу.

– Вот же злая бестия! Свяжите ее, пока не очухалась!

Моник почувствовала, как ее руки грубо вывернули за спину, но у нее не было сил даже застонать. Однако на полянке вдруг повисла тишина, лишь ветки негромко потрескивали в огне. Руки, обхватившие ее запястья, вдруг разжались.

– Это еще что за черти?! – воскликнул вожак. – Откуда они взялись?!

Моник приподняла голову. Среди окружавших поляну деревьев темнело несколько фигур в одинаковой черной одеж-

де. Странные люди стояли совершенно неподвижно. Наконец один человек сделал пару шагов вперед. Он был весь перетянут тонкими ремнями, голову украшал не виданный прежде Моник убор с ярко блестевшей кокардой. Светло-серые глаза пристально смотрели прямо на пленницу.

– Вы – Моника Бенёвска? – спросил он по-польски с немецким акцентом и, сделав паузу, повторил по-испански: – Ваше имя – Моника Бенёвска?

– Да, – отчего-то на английском ответила она. – Да, это я. И даже если вы из инквизиции, пожалуйста, дайте мне поесть!

– Какого черта?! – вожак пятился к сваленному чуть в стороне от костра добру беглецов. – Кто вы такие? Какая инквизиция? Это наша баба! Парни, их всего пятеро, и я не вижу мушкетов!

– Мушкетов тебе? – немец не спеша расстегнул маленькую кожаную сумку, висевшую на его поясе, и вынул смешной пистолет с тонким коротким стволом. – Думаю, хватит и этого!

Вожак успел нагнуться и схватить оружие, но когда выпрямился, раздался совсем негромкий выстрел, больше похожий на хлопок, и в середине лба беглого раба появилось аккуратное отверстие. Он изумленно округлил глаза, покачнулся и упал. В тот же миг с руганью и мольбами разбежались в разные стороны его друзья.

– Струве, расставьте людей вокруг – кто-то может вернуться! – немец аккуратно убрал свой странный пистолет в не менее странную кобуру, снял шляпу – или она называлась как-то иначе? – и опустился перед Моник на одно колено. – Позвольте представиться: Отто фон Белов. Я здесь, чтобы спасти вас. Остальное, полагаю, пока не важно.

От потрясения голова Моник немного прояснилась. Фон Белов носил смешную прическу: длинные волосы спереди и коротко стриженые виски и затылок. Несмотря на правильные, пропорциональные черты, было в его лице что-то детское. Мо-

ник, стараясь не морщиться, села и как могла прикрылась обрывками.

– Струве, дайте dame какую-нибудь одежду. Сейчас мы доставим вас в безопасное место. Может быть, глоток коньяку?

– Воды... – попросила Моник. – И... Я очень хочу есть, я ничего не ела много дней.

– Полагаю, вам сперва следует показаться нашему доктору! – немец смешил брови, озабоченно рассматривая Моник. – Я не уверен, что вам сейчас можно принимать такую тяжелую пищу, как мясо! Струве, дайте dame воды!

Спустя минуту, когда Моник залпом осушила фляжку, фон Белов лично взял ее на руки и маленький отряд заспешил к берегу. По словам командира, дорога должна была занять не более двух часов. Моник сделала вид, что сознание оставило ее, и из-под полуприкрытых век наблюдала за странными моряками. Мушкеты у них все же имелись, только, также как и пистолет фон Белова, выглядели будто игрушки. Короткие стволы, прикладов нет вовсе... Моряки легко носили их на ремне.

«Сосредоточься! – мысленно приказывала себе Моник. – Не думай о еде! Думай, к чему эти перемены. Они из будущего, это ясно. Почему они ищут меня? Как они смогли найти меня в этом лесу? Думай, думай... Что они могут обо мне знать, чего они будут от меня требовать и что мне нужно попросить взамен? А этот Отто ничего, и глаза добрые – жалостливый... Но не надо спешить, да и не в том я виде, чтобы начинать действовать. Хотя знакомство вышло самое подходящее, ведь он романтик, ему нравится спасать. Выждать, Моник, выждать и думать... Если у них есть корабль и Ключ от острова Демона – а как они еще могли сюда попасть?! – то не все потеряно. И Кристин еще пожалеет обо всем, что сделала со мной!»

В обещанный фон Беловым срок они и правда вышли к океану. Перед Моник оказался самый странный корабль, который она когда-либо видела: длинный черный корпус едва виднелся

из воды, а посередине торчал будто горб. Ни мачт, ни парусов не было вовсе.

– Вот и наша подводная лодка! – с гордостью представил судно фон Белов. – Удивлены? Но не пугайтесь, все будет хорошо!

– С вами мне не страшно, – не смогла удержаться от кокетства Моник. – Скажите... Вы – капитан этого корабля?

– Нет! Но скоро вы познакомитесь с капитаном Шпеером. Уверен, он будет очень рад вас видеть... – по лицу фон Белова пробежала тень, и Моник поняла, что капитан не слишком ему нравится. Это лицо просто не умело ничего скрывать. – Струве! Сигнальте, чтобы нас забрали!

Когда в высшей степени странная лодка, приводимая в движение не веслами, а неким рычащим в воде аппаратом, донесла Моник до «подводной лодки», она уже кое-что начала понимать. По всей видимости, корабль умел плавать под водой, а двигался тоже с помощью каких-то приспособлений, безо всяких парусов. На металлической палубе она увидела странное орудие, всего одно, но сомневаться в его чудовищной убойной силе не приходилось.

«Наверняка такой корабль способен и догнать, и потопить «Ла Навидад»! – зло подумала она. – Что ему ваши пушки, ваши ядра?! Да он весь из железа! А почему тогда не тонет?.. Наверное, тонет и как-то по дну перемещается? Верно, деревянный – то он бы не утонул! – мысли Моник путались, да она и не старалась сейчас разобраться в устройстве корабля по-настоящему. – Если я смогу направить этих людей туда, куда мне нужно, меня никто не остановит... Если конечно, не появится еще кто-нибудь из того времени, для которого эта подводная лодка – как галеоны для фрегатов! Но пока их нет... Господи, надеюсь, меня наконец накормят?»

Бережно поддерживаемая любезным фон Беловым, Моник спустилась в узкий люк. Внутри оказалось тесно, но не темно, как она думала – на стенах и потолке были расположены стран-

ные светильники. Она оказалась перед невысоким, худым человеком со злым некрасивым лицом и сразу поняла, что это капитан Шпеер.

– Осмелюсь доложить, госпожу Бенёвска следует сразу же показать нашему доктору! – тут же сказал из-за ее спины фон Белов. – Дама крайне истощена и ранена!

– Без сопливых разберусь, Отто! – капитан развернулся и пошел куда-то по узкому проходу. – Давайте ее сюда, доктор уже ждет!

В крохотном отсеке и правда оказался врач – мрачный суальный человек в белом халате перебирал лежавшие на столике хирургические инструменты. Это Моник совершенно не понравилось, тем более, что фон Белова капитан внутрь не пригласил.

– Я времени терять не люблю! – сказал капитан, закрыв тяжелую дверь. По-английски он говорил плохо, перемежая речь немецкими словами. Впрочем, бывавшую в Германии Моник это не смущало. – Итак, спрашиваю сразу: где бумаги Мауриция Бенёвского?

– Какие бумаги?.. – растерялась Моник.

Доктор положил ей на плечи сильные руки и мягко усадил в кресло. Моник вскрикнула от боли в спине, а когда захотела смахнуть с глаз выступившие слезы, обнаружила, что руки ее уже пристегнуты к подлокотникам ремнями.

– Я вижу, ты любишь длинные беседы? – Шпеер приблизил к ней лицо, и на Моник пахнуло перегаром. – Так вот я не люблю! Поэтому сейчас доктор сделает тебе немного больно, тварь, а потом ты скажешь, где бумаги Мауриция Бенёвского!

Он отступил и перед ней появился доктор с блестящими щипцами в руке. Моник дернулась, поняла, что все бесполезно, и наконец потеряла сознание уже на самом деле. Даже ее подвижный разум отказывался принять такие повороты. Увы, скоро пришла боль, и ей пришлось очнуться.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Наследник тамплиеров

Я – Кристин Ван Дер Вельде. И пусть для кого-то это просто обыкновенное голландское имя, но я считаю иначе. Я считаю, что к капитану с таким именем – а я капитан! – следует относиться с особым уважением и, если хотите, с опаской. Даже если мне еще не исполнилось шестнадцати. Хотя как знать, с этими путешествиями во времени возраст надо отсчитывать как-то иначе... Не знаю, потом поразмыслию. В любом случае я – капитан Кристин Ван Дер Вельде, пират и дочь пирата.

И вот сперва меня и моих людей захватывает некий бородатый тип с труднопроизносимой фамилией Устюжин. И захватывает только потому, что у него более совершенное оружие. Мы были беспомощны... Тогда я впервые задумалась о том, насколько это вообще честно: приходить в другое время с такими штуками, как наши разрывные ядра или вот эти мушкеты, из которых пули летят, словно пчелы из улья. Да, не мне говорить о честности. И все же есть в этом нечто недостойное.

Однако наше плениение я еще могла принять, всякое в пиратской жизни случается. Но когда мы вошли в дом и там сидела живая и здоровая змеюка Моник, а этот то ли полковник, то ли капитан спросил, привезла ли я «его золото»... Меня просто затрясло.

– Простите, – говорю, – я не рассышала. Что за чертову чушь вы только что произнесли?

Джон прихватил меня за локоть. Ну конечно, мистер шотландец Мак-Гиннис решил не спешить и осмотреться! Я его этим локтем так под ребро пихнула, что он только охнул.

– Повторяю! – мужчина встал предо мной и поклонился. Это он умел, сразу видно – из Европы. – Мое имя – Мауриций Бе-

нёвский. Мой воинский чин – полковник. Но в последнее время я командую морскими судами, и поэтому одновременно капитан. Еще я пригласил вас разделить с нами трапезу и извинился, что питаемся мы здесь не на много лучше, чем в остроге на Камчатке. Камчатка – это такой полуостров в восточной России. Удивительный край!

– Я не о том! – про полуострова я и сама много что могу рассказать. – Вы что-то спросили о золоте?

– Золото! – Бенёвский, будто танця, изящно прошелся по комнате. – Проклятый металл! А может быть, нет? Может быть, металл-то как раз священный, а проклятие достается людям, которые касаются его недостойными руками?

– Вы сейчас, простите, о чьих руках? – я и правда начала закипать. – Меня вот ничьи руки не заботят, пока они не тянутся к моей добыче!

Дюпон протиснулся вперед и наполовину закрыл меня плечом. Его явно больше всего интересовала Моник, и это мне тоже не нравилось.

– Нет, я никого конкретно не имел в виду! – Бенёвский всплеснул руками. – Я просто пытаюсь объяснить вам, моя прекрасная леди, что золото – субстанция особая... Оно принадлежит всем и никому. Оно – дар людям от богов! Именно золото способно дать людям счастье, и именно оно причина наших вечных бедствий! Вы, слушаем, не читали труды по алхимии?

– Бенёвский, я вас умоляю! – Моник скривила губы и я заметила, что ее щеку украшает шрам. Выглядел он зажившим, да и вообще гадина вроде как постарела. – Что она могла читать?! У них на корабле даже Библии нет. И выражайтесь, пожалуйста, короче.

Подошел прежде незамеченный мной светловолосый мужчина лет тридцати – тридцати пяти, кивнул нам и сел рядом с ней. Я заметила, как он украдкой погладил Моник по руке. Ну конечно, наша красотка времени не теряла! Руки чесались

ее прикончить, но я постаралась успокоиться. Все-таки я капитан, а значит, отвечаю за всю команду. Пока расклад был не в нашу пользу.

– Как вам будет угодно, прелестная Моник! – Бенёвский нахмурился. – Хорошо, скажу проще: у вас на борту золото там-плиеров. Я – наследник ордена Храма, поскольку истинный его Храм – это Храм знаний. Поэтому не сердитесь, но именно это золото по праву принадлежит мне. Впрочем, это вопрос не самый важный...

– Как мило вы за меня все решаете!

– Погоди, капитан! – Клод прошел вперед. – Если я верно понял, нас приглашают за стол, и кое-что объяснят? Может быть, поговорим не спеша?

– Да! – расцвел Бенёвский. – Именно это я и имел в виду: давайте поговорим не спеша! Присаживайтесь, леди Кристин и...

– Джон Мак-Гиннис, к вашим услугам! – Джонни даже шляпу приподнял. И этот во все глаза пялился на Моник. А она ему еще и подмигнула. – Но хочу сказать сразу: я во всем поддержу своего капитана!

– А я разве прошу о чем-то противоречащем? – Бенёвский руками поманил меня к столу. – Ну же, леди! Займите свое место!

Клод и Джон повернулись ко мне: садись, мол! Да, я должна была сесть, должна была начать переговоры... Но сесть за один стол с убийцей моего отца?

– Пусть она уйдет.

– Кристин, сейчас не время! – Моник с досадой сорвала с головы свою дурацкую пилотку и швырнула на пол. – Поверь, я сожалею! И не отказываюсь, как видишь... Но именно с моей помощью все можно исправить. Только с моей помощью, Кристин.

Исправить?! На меня будто наковалня упала: почему я сама не подумала?! Ключ, остров Демона! Мы можем вернуться во

времени прямо туда, в тот проклятый день, и все исправить! Отец не умрет! Я зашаталась, и Клод меня подхватил.

– Не торопись! Не торопись ни на что соглашаться! – прошептал он мне в ухо. – Сядь, и давай-ка побольше слушать!

Мы кое-как разместились за столом. Пришел и Устюжин, но ему места уже не хватило, он устроился возле окна. Моник старательно отводила от меня глаза, но ни на грош я не верила в ее искренность. Только постаралась успокоиться. Нужно было понять, что она имеет в виду – «только с моей помощью». Бенёвский хлопнул в ладони.

– Руди! Накрывайте, прошу вас – гости наверняка голодны!

– Вообще-то, моя команда сыта, – сказала я. Пусть наши припасы и истощились, но мы сюда не побираться пришли. – Так что не очень беспокойтесь. Тем более, что у вас, как я поняла, кормят как в тюрьме, да?

– Острог – не совсем тюрьма... – Бенёвский задумался. – Впрочем, как вам угодно. Однако не все так скверно. Я лишь хотел сказать, что у нас нет ни изысканных кушаний, ни достойного вина. Впрочем, коньяк совсем неплох. Из личных запасов покойного капитана Шпеера, а он знал толк в выпивке!

Явился смешной рыжий паренек Руди, принес железные банки и стал их открывать ножом. Заодно на столе появились несколько фляг и железные же кружки. Все это выглядело крайне странно, но нам ли привыкать к странностям? Я взяла ближайшую флягу и наплескала коньяка нам с Клодом и Джоном.

– Может быть, начнете рассказ? – я откинулась на стуле и отхлебнула из кружки. Как по мне, так вонючая дрянь, и горло дерет похуже рома.

– Как прикажете! – Бенёвский закатил глаза, развел изящно руками и выдал что-то на латыни, насколько я поняла. – Вот, в целом, как меня можно охарактеризовать...

– Простите, что перебиваю, но лучше бы вам пользоваться английским.

– Как прикажете! – повторил он. – Хотя я обожаю латынь. Латынь – язык мудрости! Я происхожу из древнего благородного семейства и с детства был приучен тянуться ко всякому истинному знанию. Собственно, вернее было бы называть меня барон Де Бенёв. Так я и предпочитаю подписываться, но некоторые сложности с признанием моего титула... Впрочем, это не важно. Важно, что я, Мауриций Бенёвский – истинный тамплиер, истинный рыцарь, борец за идеалы всеобщего счастья! Увы, великие державы душат тот слабый огонек свободы, что едва затеплился в Европе... Пытались расправиться и со мной. Я участвовал в польском восстании, но слуги русского трона схватили меня. Я бежал, был схвачен снова... Они отправили полковника Бенёвского на край света – на Камчатку! И тем сами себе навредили: именно там я встретил Ивана Устюжина, моего друга и ученика!

Устюжин, едва ли не покраснев от удовольствия, поклонился.

– Прошло время, и мы сумели объяснить простым русским людям, ссыльным и свободным, но столь же притесняемым, что жизнь может быть совсем иной! Что все человечество может обрести счастье, и есть путь к нему! Мы взбунтовали острог. Губернатора, правда, пришлось застрелить... Но гарнизон не решился оказать нам сопротивление – люди ждут подлинной свободы! Не только на Камчатке – по всему миру люди ждут и готовы пойти за тем, кто укажет им путь! И путь есть, спасибо Ивану – ведь это его предок, по счастливой случайности, служил в канцелярии самого Петра Великого, и имел доступ к некоторым бумагам! Когда основатели Либертии на острове Мадагаскар пытались получить помощь от русского императора, то немало рассказали ему. К счастью, у Петра Великого не хватило сил и времени, чтобы послать на юг экспедицию. И, к счастью, Иван Устюжин знает, о чем писалось в тех бумагах.

Моник откровенно скучала. А вот ее соседу, как мне показалось, речи Бенёвского не нравились. Я, честно говоря, пока мало что понимала. Покосилась на Джона – слушает внимательно, глаза горят... Ну что ж, Джон мальчик умный, может быть, он понимает, куда клонит Бенёвский? Но Клоду эта речь надоела.

– Я прошу прощения, полковник, но вынужден вас прервать! – букиньяр передвинул ближе ко мне открытую железную банку и подмигнул: можно есть. – Прошу прощения снова, но мы не знаем, кто такой Петр Великий. Возможно, это связано с тем, что мы жили с ним в разные времена?

– Само собой! – Бенёвский состроил печальную гримасу. – Ах, я иногда бываю так рассеян!

– Пустяки, это бывает со многими великими умами! – Клоду иногда удается здорово что-нибудь такое ввернуть. И не знаешь: издевается или всерьез? – Нам было бы проще все понять, начни вы рассказ... Ну, например, какому счастливому ветру мы обязаны присутствием здесь Моник?

Бенёвский согласно кивнул и повернулся к авантюристке. Она отставила кружку.

– Хорошо, мсье Дюпон. Кстати, хочу представить вам моего друга: Отто фон Белов. Это ему я обязана своим спасением.

Немец кивнул, недобро покосившись на Дюпона. Я поняла, что Моник описала ему Клода в не самых лестных выражениях.

– Отто служил под командой капитана Шпеера, которого, к счастью, с нами нет. Меня подобрали в лесу в тот миг, когда я наткнулась на банду беглых рабов и... Я уже желала смерти, но...

Моник помрачнела, и даже губы задрожали, вот только не верила я ей. Не верила и все! То есть про рабов и про скитания в лесу я поверить могла, а вот в искренние слезы Моник – никогда! Такая и лук будет чистить – не расплачется, как говорил старик Мерфи. Зато у фон Белова глаза и правда заблестели. И в

лицо ей заглядывает, и видно, что по-настоящему переживает. Есть люди с такими лицами, искренними, что ли. Захочет такой человек что-нибудь скрыть, а ты по его лицу все прочтешь. И еще, конечно, выглядел он глупо. А мужчина глупо выглядит в основном, когда влюблен по уши. Впрочем, в этом можно было не сомневаться. Я осторожно покосилась на Джона и поймала его улыбку. А сам-то на кого был похож совсем недавно? – хотелось мне спросить, но Моник продолжила.

– Я не понимала, куда попала и чего от меня хотят. Каких-то бумаг Мауриция Бенёвского... Но в моей семье не было человека с таким именем! Меня пытали. Если бы не Отто, я умерла бы очень быстро – Шпеер был абсолютным сумасшедшим. То мутил меня, то напивался и рассказывал про своего фюрера. Так у меня появился этот шрам... – она коснулась щеки. – И не только этот. К счастью, когда капитан отдыхал, Отто поддерживал меня, как мог. От него я узнала, что спустя много лет Германия поведет за собой народы против... – Моник повернулась к фон Белову и тот подсказал одними губами. Она повторила: – Против сил мирового капитала и против большевистских орд.

– Весьма интересно! – Клод допил и снова потянулся к фляжке. – Я, признаться, очень хотел бы об этом послушать, но сперва хотелось бы понять, как тебя нашли. Потому что эти большевич... В общем, нам эти слова ровным счетом ничего не говорят!

Фон Белов смерил букиньюера недобрый взглядом, и тут уж Моник погладила его по руке.

– Все просто: они знали, где и когда меня искать. Откуда – нам точно неизвестно, но Шпеер тряс передо мной копиями записок некоего Ивана Устюжина, штурмана капитана Бенёвского, из которых стало известно и о Ключе, и об острове Демона, и много о чем еще. Где они их обнаружили и когда, нам тоже неведомо. Их прислали Шпееру какие-то люди, которые занимались секретной работой. Отто многого не знал.

– Каюсь... – пробасил Устюжин от окна. – Я мог, наверное, оставить такие записки. Но клянусь, пока ничего не писал.

– Так напиши обязательно, Иван! – Моник рассмеялась. – Ведь если не напишешь – за мной не вышлют подводную лодку и не спасут! Эти люди в Германии двадцатого века должны найти твои записки!

– Не знаю, как это так получается... – вздохнул Устюжин. – Не все понимаю. Налейте-ка мне коньяку, пожалуйста!

– Подводная лодка? – Клод вскинул брови. – Они послали за тобой подводную лодку? Железная, с одним горящим глазом?

– Да, – кивнула Моник. – Это ее вы видели на подходе к острову. И там уже была я, но капитан Шпеер был жив и вел нас к острову Оук, чтобы отправиться в иное время. Хотя нам привычнее звать его островом Демона.

– Значит, название, которое придумал Роб, все же прижилось! – присвистнул Джон.

Я прикинула, сколько прошло времени за этой болтовней. Роберт остался за старшего на «Ла Навидад» и, поскольку корабль никуда не переносился, уже должен был начать нервничать.

– Постойте-ка! – все-таки я капитан и должна думать о команде. – Время идет, а если Роб отправится нас искать, может случиться перестрелка. Тем более, уже темнеет. Джон, ты должен вернуться на «Ла Навидад» и успокоить Роберта.

– Но почему? – любопытному Джону, конечно, не хотелось уходить. – Может быть, полковник Бенёвский мог бы послать кого-нибудь из своих людей? А ты бы написала письмо.

Я мысленно вздохнула. Этот болтун Бенёвский, кажется, не на шутку заинтересовал Джона. Да и Моник говорила интересные вещи. Как же: далекое будущее! Наверное, ерзает от желания спросить про любимую Британию, патриот. И все же мне хотелось, чтобы именно Джон присмотрел за Робертом. Тот мог наломать дров: чего стоила случайно взорванная «Пантера».

– Слишком длинное письмо получится! Иди, Джон, это приказ капитана.

– Приказ капитана! – передразнила Моник и тут же прикусила язык. – Я хочу сказать – ничего не поделаешь, Джонни, поболтаем в другой раз.

Этот странный Отто теперь и на Джона уставился, как бык на красную тряпку. Прежде чем наш шотландец ушел, я, конечно, немного пошепталась с ним. О том, чтобы вступать в открытый бой с таким противником, и речи быть не могло – может быть, у них и подводная лодка где-то поблизости? Мне совсем не хотелось получить в своем корабле пробоину от носа «железного кита». И все же приготовиться следовало к худшему. Мы отошли к дверям.

– Огни не жечь! Паруса не ставить! В темноте промерять глубину, а потом тихо сняться с якоря, шлюпки на воду – и пусть буксируют «Ла Навидад» из бухты! Как рассветет, быстро ищите, где спрятать корабль, тут много островов. Если «железный кит» или еще что-то вас найдет – возвращайтесь. Главное – сохранить корабль.

– Как?! А ты?

– Не перебивай! Выслите команду туда, откуда будет видно Оук. Мы будем сигнализировать в полдень. Если один столб дыма – уплывайте немедленно и забудьте обо всем. Значит, пути на остров Демона нет.

– Мы тебя не бросим!

Конечно, ни Джон, ни Роберт меня не оставят, это я знала. Но долг капитана – заботиться о команде.

– На корабле много людей, Джон, и у каждого из них собственная жизнь, и у каждого – одна. Если будет два дыма – смело возвращайтесь, мы договорились. Если три – пусть шлюпка подойдет, не выдавая местоположения «Ла Навидад». Значит, придется еще поиграть. Ну, а если дыма не будет вовсе – нас уже нет в живых.

— Ты так говоришь, что я сейчас никуда не пойду! — заупрямился Джон. Это шотландцы хорошо умеют. — Пусть идет Клод!

— Роберт не доверяет Клоду и никогда не станет его слушать! Поэтому пойдешь ты, а корабль и золото на нем — единственное, что у нас есть. Больше торговаться не о чем.

Наконец, мне удалось спровадить Джона. Но прежде, чем выпустить его, Устюжин устроил обыск.

— Не беспокойтесь: то что ищете, у меня! — Клод спокойно достал из кармана Ключ и показал его Моник. — Все в порядке.

— Почему бы тебе не отдать его мне? — спросила Моник. — Ну, или полковнику Бенёвскому.

— А зачем? — Клод беспечно пожал плечами и спрятал Ключ обратно. — Все равно только я знаю, как им пользоваться.

Бенёвский и Моник быстро переглянулись. Мне показалось, что этот полковник держит Моник «на коротком поводке» и пытается решить дело миром. Чего-то он очень опасался. Возвращаясь на свое место, я ненароком пнула ногой брошенную Моник пилотку поближе к себе. Потом уронила ложку из странно легкого металла, нагнулась за ней и подняла вещицу вместе с головным убором. Теперь оставалось лишь опустить голову пониже, чтобы глаза не выдали, и сжать под столом в ладони пилотку и фигурку лягушки, которую передали мне парни. Да, волшебная лягушка была со мной, и я могла выслушать рассказ дурацкой тряпки. Так же, как пару дней назад выслушала рассказ Ключа — Клод, похоже, и не догадывался, что справиться с подземельем Демона я теперь могу не хуже его.

Заметил Дюпон мои маневры или нет, но стал препираться с Моник из-за того, кто кому больше должен доверять, припомнил, как ему досталось по ее милости у испанцев... Эх, я бы тоже ей припомнила! Но я капитан и должна быть хладнокровной. Я готовила себя к этому с детства, но никогда не думала, что будет так: вести переговоры с убийцей отца!

Волшебный предмет согрел мою ладонь, звуки разговора в домике на острове стали тише, будто я куда-то удалилась, и головной убор моряков из далекого будущего заговорил. Увы, он мало что мог сообщить – вот его сшили, кажется, с помощью каких-то машин. Вот его с тысячами таких же везут на какой-то склад, и я даже не видела, на чем. Потом загрузка в подводную лодку – хотя бы ее я увидела! Но мельком, и разговоры рядом с пилоткой велись на немецком, которого я не знаю. Хотя что-то зловещее мне виделось в этом корабле, в этих мрачноватых людях, в их дисциплине, деловитости... Люди были будто частью машины, так же, как и их корабль. Огромной и страшной машины.

Темное, крохотное помещение, куда иногда заглядывали, чтобы взять запасную одежду. Потом, спустя долгий срок, пилотка досталась Моник – вот такое разочарование, она оказалась ее первой владелицей. И, хуже того, нацепила ее на голову совсем недавно, пару часов назад или около того. Подводная лодка уже находилась в 1573 году, и очень скоро обладательница пилотки наблюдала вход «La Навидад» в бухту.

Но кое-что за эти два часа все-таки произошло. Головной убор сидит высоко, видит далеко! Я видела остров почти глазами Моник и сделала несколько важных выводов. Во-первых, команда Бенёвского совсем невелика. Человек пятнадцать-двадцать. Во-вторых, немцев среди них почти нет: только рыжий Руди и Отто фон Белов. И, в-третьих, Моник была влюблена в этого Отто! Никак иначе я не могла объяснить ее постоянные взгляды в его сторону. Она сама тянулась к немцу! Вот это последнее открытие меня просто ошарашило. Уж от Моник я такого не ожидала.

– Ну, хватит! – все это «путешествие» заняло несколько секунд, и когда Бенёвский крикнул это, я уже опускала лягушку в карман. – Хватит! Неужели вы не понимаете, что прежние ваши отношения – мелки и теперь не важны абсолютно?! Мы

можем, нет, мы должны привести человечество к счастью! Нежели так важно, кто кому больше причинил зла в прошлом? Освободитесь от прошлого, и пусть сияние великой цели осветит ваш путь!

– Прошу вас, полковник, не начинайте снова! – взмолился Клод. – Подождите с вашими великими целями! Давайте сначала разберемся наконец с вопросом попроще: как вы все тут оказались?

– Моя страна ведет великую борьбу! – вдруг мрачно проговорил молчаливый фон Белов. – Ту самую великую борьбу за великую цель, о которой мечтаете вы, Бенёвский! Но вы не представляете себе, с какими жертвами, с какими усилиями всей нации это связано!

Клод покосился на меня и чуть заметно кивнул. Я поняла: мои глаза вернули обычный цвет. Значит, он все заметил, хитрец. Тихонько сбросив ненужную больше пилотку на пол, я подняла голову в тот момент, когда Бенёвский опять заладил свое:

– Не нужно ждать до двадцатого века! Не нужно тех войн, о которых вы говорите! Ничего не нужно – все можно сделать прямо сейчас, здесь! И Либертalia появится на острове Мадагаскар раньше, гораздо раньше, и на этот раз победит!

– Может быть, вы оба выйдете, и продолжите спорить снаружи, а мы тут дослушаем Моник? – предложила я. – Все остальное нам непонятно и, простите, не нужно. Мы хотим воспользоваться островом, чтобы укрыть корабль и добычу, а ваши цели нам не интересны.

Бенёвский сердито нахмурился, сложил руки на груди и кивком предложил Моник продолжать. Все же он был тут главным. И это тоже показалось мне странным: обычно там, где Моник, всем заправляет именно она. Или дело было в их одинаковых фамилиях?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Счастье для всех

– Это было страшно, – Моник подвинула к своему Отто кружку, и тот плеснул в нее коньяка. – Нет, Клод, не смотри на меня так! Я сейчас не о том, что меня пытали. Я говорю о другом страхе... Будто вокруг меня были не люди, а какие-то другие существа. Всем, кроме Отто, на меня было просто наплевать. Женщина я или мужчина, из какого времени, умоляю их или ругаюсь – все равно! Капитан Шпеер хотел исполнить приказ. Я могу это понять... Отто, он был совершенно сумасшедшим, как и большинство команды! Ты ни в чем не виноват.

«Так, так! – отмечая про себя. – И все-таки Моник вывернула эту подводную лодку наизнанку, раз от команды почти никого не осталось, а этот Отто сидит рядом с ней! Ловка, ничего не скажешь».

– В лесу мне приснился странный сон, будто бы какая-то женщина дарила мне дельфина с просьбой передать его Маурицию. И капитан Шпеер, и его люди тоже хотели узнать что-то о бумагах Мауриция. Но я просто не знала, что им сказать! Даже сорвать ничего толком не могла – как врать, если не знаешь, о чем врешь?!

– Да, это для тебя удивительное событие! – хмыкнул Клод.

– Помолчи! – Моник выпила и щеки ее покраснели, заблестели глаза. Я подумала, что пить сегодня больше не стану – не хочу так выглядеть. – Если бы не Отто, я не пережила бы тех первых нескольких дней.

Она нервно провела рукой по шраму на щеке и у фон Белова нервно дернулась щека. Мне подумалось, что именно этот шрам, возможно, стоил жизни капитану Шпееру и его команде.

– Когда Отто понял, что происходит, он попытался помочь мне. Он рассказал, что лодка послана за мной, что на основании найденных спустя века записок Ивана Устюжина, штурмана Мауриция Бенёвского, стало известно, где и когда меня искать. Но там же было сказано, что бумаги Бенёвского, ведущие к какой-то очень важной для Рейха – так называется в будущем Германия – тайне, находятся или при мне, или я уже где-то их спрятала, чтобы через годы передать информацию о них непосредственно Маурицию! Хмуришься, Кристин, трудно укладывается в голове? А представь, каково было мне! Да если бы мне предложили выбор, я бы вернулась к тем беглым рабам или сразу к инквизиторам! К бумагам должен был прилагаться некий «предмет «Д», исполненный в виде фигурки дельфина», так было записано у Шпеера. По вашей милости, у меня этого «предмета «Д»» уже давно не было. Все, что я могла им сказать, это что дельфин, видимо, находится у капитана Дрейка. Но где его искать?

Вдобавок у Шпеера были серьезные проблемы. Ключ, с помощью которого мы переносились во времени, не вечен, его можно использовать лишь двенадцать раз. Клод знает это. Кстати, сколько раз еще можно использовать ваш Ключ?

– А сколько – ваш? – усмехнулся Дюпон. – Давай-ка потом об этом. Какие там еще проблемы были у вашего Шпеера?

– Он не мой. Он уже ничей! – Моник хищно усмехнулась. – Вторая его проблема – горючее. Подводные корабли ходят с помощью особых двигателей, не используя паруса. Они передвигаются со страшной быстротой, но им нужно горючее – так называется вода, которую пьют эти машины. Особая вода, которую можно получить только в том времени, где эти машины построены.

«Снова машины! – подумала я. – Там не корабли, там машины! Не люди, а машины! Страшное какое-то времечко. Наверное, Моник не врет, что перетрусила».

– Я знала кое-что еще, из того сна. Правда это или нет – понятия не имела, но во сне говорилось о друге из Московии, который поможет Маурицию. Я решилась и сообщила Шпееру об этом друге, о том, что бумаги, наверное, у него. К тому времени от моего друга, – Моник положила руку на плечо мрачного Отто, – я уже знала, кто такой Мауриций Бенёвский, в какие века он жил, и знала, что в Московии он был один раз. Тогда и угодил в Камчатский острог. Я не знала, что там полковник встретит Ивана, который и передаст ему недостающую информацию о тайне тамплиеров, но больше мне просто нечего было сказать!

– Бумаг никаких не было! – пожал плечами Бенёвский. – То есть были бумаги тамплиеров, которые я нашел самостоятельно, и были бумаги в канцелярии Петра Первого, но ни тех, ни других у меня в остроге не имелось. Впрочем, какая разница?

– Никакой, – кивнула Моник. – Теперь – никакой, вот только для нас история такая штука, что все еще может иметь значение в будущем. Иван, я прошу вас, напишите в своих записках, что бумаги были у меня! Или что я знаю, где они! Пусть уж меня найдет Отто в лесу, пусть мучает Шпеер, я согласна, не нужно больше ничего менять.

– Ладно! – кивнул Устюжин. – Я для памяти сегодня же запишу.

– Шпееру ничего не оставалось, как поверить мне, – продолжила Моник. – Но он оказался перед тяжелым выбором. Ключу, который у него имелся, оставалось «повернуться в замке» всего два раза. А когда лодка отправлялась из двадцатого века, «поворотов» было четыре – дело в том, что по непонятным причинам моряки оказались в каком-то совершенно другом времени, не в 1573 году.

– Не слышал об этом! – вскинулся долго молчавший Бенёвский. – И в какое же время вы угодили, господин фон Белов?

– Мы не знаем, – мрачно ответил немец. – Пошли на юг, но не увидели на берегах поселений. Только аборигены! Никаких

кораблей. Мы вернулись на Оук, только зря потратив горючее. Склад на острове удалось создать заранее, но мы не контролировали эту территорию. Пришлось сделать его подводным, и вмешал он не так много... Проклятые канадцы!

– Канадцы – это жители здешних мест через много лет, – пояснила Моник. – Они воевали на стороне врагов Германии. Так вот, судя по всему, подземелье Демона разрушается. И в двадцатом веке этот механизм работал уже плохо. После того, как со второй попытки удалось найти меня, на Ключе остался всего один запасной «поворот». Большая часть команды хотела вернуться в свое время. Но Шпеер больше всего хотел выполнить приказ. Даже не знаю, отчего он так поверил мне. Наверное, потому что с каждым днем сходил с ума. Бормотал что-то о величии смерти, о Валгалле... Он обманул своих людей, и вместо двадцатого века мы попали в 1771 год, последний год пребывания Бенёвского в остроге. Подводный корабль взял столько горючего, сколько мог, и пошел в Азию кратчайшим путем – через Северный Проход.

Что такое этот «Северный Проход», я знала, так же как знала, что его долго искали, да никак не могли найти. Всей Европе, кроме разве что испанцев и португальцев, хотелось попасть в Китай и Японию кратчайшим путем – обогнув с севера Америку. Только все экспедиции кончались ничем, упирались или в землю, или в непроходимые льды.

– Это не тот Северный Проход, который искали в ваши времена, – пояснил фон Белов. – То есть, тот... Но для ваших кораблей – совершенно непроходимый. И наше путешествие было смертельно опасным. Шпеер полностью свихнулся, все мечтал преподнести фюреру лично оружие возмездия. Хотя кто сказал, что у Бенёвского было это оружие?! Мы тысячу раз могли погибнуть, лодка получила повреждения. А ведь у нас были лучшие, секретные для обычного флота карты... И все же мы обошли Канаду с севера и через Берингов пролив вышли в Ти-

хий океан. Единственное, что меня радовало – Шпеер оставил Моник в покое.

– Но не навсегда, конечно, – Моник еще выпила коньяка. – Прости Отто, но я не понимаю, как можно проводить на этом корабле столько времени! Мы часто плыли под водой, ниже льдов... В вечной темноте! Знаешь, Кристин, я скучала по «Ла Навидад».

– А «Ла Навидад» по тебе не скучал! – отрезала я. Давно уже было темно. Где теперь мой корабль, сумели ли его тихо отбуксировать прочь от острова? Судя по тому, что новостей от команды Бенёвского не поступало, пока мой план удавался.

– Насколько я понимаю, вы освободили Бенёвского из этого Камчатского острога?

– Нет, Мауриций успел сбежать сам – наше путешествие продлилось дольше, чем планировал Шпеер, – вот теперь я поняла, почему шрам на щеке Моник выглядел давно зажившим. Для нее прошло куда больше времени, чем для нас! Как понять это, как уложить в голове? – Мы высадили десант, который сообщил нам все новости. Шпеер едва не застрелился. Мы погнались за Бенёвским, приблизительно зная его маршрут. И нагнали его вовремя.

– Мне всегда везет! – хохотнул довольный полковник и под крутил короткие усики. – Много мы пережили опасностей в тех морях. Команда состояла в основном из людей непривычных к морским путешествиям, да и пакетбот, который нам удалось захватить, не годился для океана. Но мне всегда везет! Мы справились с бунтовщиками, мы пережили бури, нападения туземцев на лодках... До Макао оставалось совсем немногого, там я рассчитывал на содействие португальских властей. Дальше путь на Мадагаскар был открыт, а уж там бы я знал, что делать! То есть думал, что знал, до встречи с Моник. Все было хорошо. Но потом, на острове Формоза, где мы всего лишь хотели пополнить припасы, нескольких моих людей убили мест-

ные жители. Я должен был покарать убийц моих друзей! – глаза Бенёвского потемнели. – Разбираться, кто именно был виноват, и разыскивать их времени не было. Я с небольшой группой людей высадился на берег, где мы сожгли две ближайшие деревни. Провиант уже был на корабле, когда на нас напали люди тамошнего начальства. Случилась перестрелка, нам пришлось бежать, и в темноте мы потеряли свой корабль… Нам пришлось тут, однако ночь мы продержались. А утром у берега показалась подводная лодка – в надводном положении, конечно. Да, должен признать: появление на рассвете этого железного судна, расстрелявшего китайцев из чудо-оружия произвело впечатление! Мы, само собой, вынуждены были сдаться. Со мной было только двенадцать человек.

«Значит, их еще меньше, чем я прикидывала! – обрадовалась я. – В темноте или тесноте на корабле мы вполне могли бы справиться с ними, несмотря на скорострельное оружие! Особенно на корабле – мы знаем «Ла Навидад» как свои пять пальцев. Погасить огни – и все чужаки станут беспомощны против наших сабель!»

– Тут уж допрашивать стали меня! – хмыкнул Бенёвский. – Впрочем, я-то сразу им сказал, что либо не буду говорить вовсе, либо меня введут в курс дела. Шпеер понял, что я не шучу, и рассказал мне, чего хочет. Оказывается, его командование полагало, что в моих бумагах есть средство покорить мир. Что ж, если я когда-нибудь напишу эти бумаги, то такое средство в них и правда будет! Только не сверхоружие, а идеи. Идеи свободы, подкрепленные тайным знанием тамплиеров. Вот зачем нужно ваше золото!

Он простер ко мне руки, будто к чему-то призывал. Я снова не поняла, к чему. Лично я, как и мои друзья, свободны. И тот, кто на нашу свободу посягает, пусть будет готов умереть. Другие живут иначе? Что ж, это их выбор. Я не собиралась заботиться о свободе всего человечества. Тем более, что знаю я это чело-

вечество: дашь свободу испанцам – вырежут индейцев, дашь свободу индейцам – примутся за испанцев. Какая тут может быть свобода? Свобода – для избранных. Для тех, кто не воюет ни с кем и одновременно воюет со всем миром. Но излагать эти мысли Бенёвскому мне пока не хотелось.

– Другого оружия нет и быть не может, оно просто не нужно! – Бенёвский теперь обращался к немцу. – Когда я достигну своей цели, на всей Земле установятся справедливые законы, мы развеем тьму невежества, и люди сами станут управлять своими жизнями! Войны, от которой вы так счастливо убежали, просто не случится! Так помогите же мне.

Судя по лицу Отто, он не считал свой «побег с войны» счастьем. И вообще Бенёвский ему, кажется, не нравился. Но он любил Монику, а Моника слушалась полковника. Я почти полностью поняла, как обстоят дела, но несколько вопросов еще оставалось.

– Капитан Шпеер доставил вас и ваших людей на Мадагаскар? – спросила я. – Так что там спрятано тамплиерами? Неужели...

– Шпеер доставил нас на Мадагаскар, потому что я обещал ему, что там он получит то, за чем и отправился в прошлые века – оружие! – Бенёвский встал и заходил по комнате туда-обратно. – Оружие для бушующей где-то в будущем великой войны, в которой принимает участие весь мир... Интересно, теперь, когда миссия Шпеера закончена, так же как и его земной путь, а я на пороге исполнения своего плана – эта война все еще существует? Или, если вы, фон Белов, сейчас перенесетесь туда, ее уже нет?

– Я был на этой войне, – мрачно сказал Отто. – И никуда она не денется, Бенёвский. Такая война не денется никуда. Вы фантазер.

– Да как вам угодно! – поляк немного обиделся и снова подошел к нам с Клодом. – Милая Кристин, уважаемый Дюпон!

Когда-то в юности я, жадный до знаний, встретился с одним удивительным человеком. Он был одним из последних либери, граждан республики Либерталия, созданной на Мадагаскаре. Я сразу удивился – почему там? Почему именно на этой далекой земле европейцы решили выстроить первое свободное государство?

– Потому что Мадагаскар чертовски удобно расположен! – может, я и не бывала в тех морях, но карты видела. – Если иметь там хорошо укрепленную базу, можно захватывать португальские корабли. А они везут товары из Индии, Японии, Китая! Сказочно богатым можно стать очень быстро. Потому португальцы и не пускают никого за мыс Доброй Надежды на юге Африки – в тех морях они нападают на всех, хуже чем испанцы в Карибском море.

– Ну, это в вашем времени, милая Кристин… В том, которое я могу назвать своим, величайшей морской державой является Англия. Ходят там и французские, и голландские корабли, но зачем же сразу – грабить? Можно просто взять налог.

– Ага, как губернатор Тортуги! – хохотнул Клод. – Он тоже берет налог с награбленного. А те, кто ему платят, тоже берут налог – с тех, кто грабит индейцев и плантаторов.

– Да не надо никого грабить! – запротестовал Бенёвский. – Хотя в чем-то вы правы… Нашлись среди либери и такие, которые занимались пиратством. Но смысл республики Либерталия совсем в ином! И рухнула она всего лишь потому, что один из секретов, оставленных тамплиерами, не был ими раскрыт. Основатели Либерталии не смогли найти Храм. А находится он именно там, на Мадагаскаре. Так, Иван?

– Именно так, полковник! – Устюжин подошел к нам сзади и приобнял за плечи. Мы с Клодом отшатнулись в разные стороны. – Да нет, я просто… Вы же теперь с нами, понимаете? Вам Мауриций еще такое расскажет – закачаешься! Это же счастье для всех! Вы поймете, и мы подружимся! А я видел копии пи-

сем, что эти либери Петру нашему писали. Там все сказано: есть Храм, его строили тамплиеры, для этого Храма и золото им было нужно, и другое богатство. Когда в Европе это поняли монархи, то убили рыцарей Храма. Но тайны они не выдали! Только либери ее знали. И кое-что рассказали Петру Алексеевичу, когда просили помочи и дело совсем плохо стало. Эх, жаль, не получилось у него экспедицию снарядить, погибла Либертиалия.

– Свобода, равенство! Все трудятся наравне – вот принципы их республики! Белые, туземцы, все! И женщины имели права! – до моего лица долетели капли слюны из рта раскричавшегося полковника, и я демонстративно утерла лицо рукавом камзола. Бенёвский чуть смущился и достал из кармана платок, промокнул губы. – Их погубили. И либери не смогли защититься – ведь в Храм они так и не попали. Но совместив то, что знал я, и то, что рассказал мне Иван, нам почти все стало ясно. Вот только должен был быть еще какой-то «ведущий предмет» для входа в тайную бухту. Иначе ее не найти... Возвращаясь к капитану Шпееру, – Бенёвский взял себя в руки окончательно и снова зашагал по комнате. – Хоть «ведущего предмета» у нас и не было, я все равно собирался попытать счастья на Мадагаскаре. Туда я и направлялся, бежав с товарищами из острога. Корабль с оставшимися беглецами остался там, у берегов Формозы – я не мог позволить немцам захватить и их. А мы поплыли вперед... Чертовски быстроходная штука эта подводная лодка! Особенно если плыть над водой. Жаль, требует горючего... Внутри лодки тесно. Среди немцев никто не владел русским, с Моник я мог перекрикиваться по-польски. Я понял, что оказался под началом сумасшедшего капитана, который совершенно не разделяет моих идей. Я понял, что не имею права показать Шпееру даже часть пути к Храму тамплиеров. Иван и другие полностью поддержали меня. Но самое главное – я узнал от Моник, что такое «ведущий предмет»!

– Почему-то я, кажется, уже догадалась, – сказала я. Клод хмыкнул, качнул в мою сторону кружкой и выпил. – Должна вас разочаровать, Бенёвский, у меня нет дельфина. Сама бы с ним не рассталась, но так уж вышло.

– Дельфин! – как-то благоговейно произнес Бенёвский. – Много ходит историй о чудесных предметах, но мне нужен только этот... Дельфин – единственное, что может показать вход в тайную бухту. А в ней – Храм. Либери искали его долго, у них было время. Нет, если они не нашли, то и нам без дельфина не добраться.

– Да вы сами-то хоть знаете, что может в этом Храме находиться?! Тамплиеров давно нет, может, там пусто.

– Там, надо полагать, их золото, – сказал Дюпон. – Хотя уверенным быть нельзя. Часть оказалась в Америке, часть на острове Оук, но где их настоящие богатства... Да, если бы у нас был дельфин, стоило бы наведаться в этот Храм.

Я бросила быстрый взгляд на Бенёвского и увидела, что он смотрит на Клода с ненавистью. Но он тут же изменил выражение лица.

– Пираты! Вы все сводите к грабежу! Впрочем, я рад, что хотя бы заинтересовал вас Храмом.

– Как вы избавились от команды Шпеера?

– Нам помог господин фон Белов, – Бенёвский поклонился в сторону хмурого немца. – Он переговорил с малышом Руди, вы его видели. Вдвоем они могли справиться – руководя нами. Малыш Руди очень боится той великой войны и с удовольствием с нее сбежал! Был еще один парень... Но он погиб. Когда мы оказались возле Мадагаскара, капитан поднялся наверх, руководить пополнением запасов воды. Господин фон Белов своей властью приказал остальной команде построиться на палубе, они стали выходить через люк, и тогда... – Бенёвский резко присел. – Тогда мы погрузились! Совсем без выстрелов не обошлось, но и проблем особых не было – лейтенант успел тайком

вооружить кое-кого из моих людей. Так что спустя несколько минут часть команды Шпеера была мертва, а другая часть, большая, барахталась в воде! Возможно, кое-кто смог добраться до берега. Хотя я в этом сомневаюсь. Не грустите, фон Белов! Вы сделали великое дело, помогая нам!

– Я помогал Моник!

Немец сидел бледный, как смерть, и я поняла, что Бенёвский зашел слишком далеко. Отто предал своего капитана и – что еще хуже – свою команду. И свой корабль, передав командование Бенёвскому. Эх, мне бы такой корабль! Я вспомнила, как чувствовала жуткое ощущение людей-машин, изучая с помощью лягушки головной убор Моник. Может быть, Отто думал даже не о том, что предал друзей, а о том, что предал машину, частью которой являлся?

– Я сделал это ради Моник! – повторил Отто, и она обняла его. – Больше никаких причин предавать отечество у меня не было! Если бы не Моник, я бы не сделал этого!

Патриот! Я вспомнила, что у меня такой имеется в близких друзьях: мистер Джон Мак-Гиннис! Вот уж тоже патриот: ради величия Британии отдал дельфина Дрейку. А вдруг дельфин и в самом деле привел бы нас к золоту тамплиеров в куда большем количестве, чем то, что лежало у меня в трюме? Мне стало досадно. Что ни говорите, а погоня за золотом придает жизни какой-то особый азарт. Пряности, табак, шелк – все это ценные грузы, но вот такого азарта, когда добываешь их, не чувствуешь. В чем-то Бенёвский был прав, когда говорил, что это совсем особый металл.

– Пожалуйста, попросите его успокоиться! – Бенёвский подсел к нам с Клодом и налил всем коньяка. – Слезы, надо же! Солдат называется.

Рука Отто легла на кобуру, но так и не расстегнула ее. Моник гладила немца по голове. Полковник совершенно спокойно повернулся к фон Белову спиной, но его верный приятель Устю-

жин глаз не спускал с Отто. И за поясом Устюжина был маленький пистолет.

– Чтобы найти дельфина, нам пришлось вернуться сюда и встретить вас! – Бенёвский поднял кружку, приглашая нас с Клодом выпить. – К тому же по некоторым расчетам выходило, что вы привезете золото тамплиеров... А вдруг в Храме как раз его и не хватает? Вот почему я сказал «мое золото». Если оно не понадобится – оно ваше! Но если понадобится... То лишь на время. И потом, вы же сами сказали, что Мадагаскар – прекрасная база для морского разбоя. Что ж, можете заняться этим и заработаете куда больше. Но я уверен, когда вы поймете нашу цель, вы примкнете к нам.

– Я же сказала: дельфина у меня нет. Он у Дрейка, и как его отыскать в океане, я понятия не имею. Может быть, он на пути в Англию. Может быть, продолжает пиратствовать.

– Надо отыскать, – твердо сказал Бенёвский и посмотрел мне в глаза. – И это не все. Мы едва дотянули от Мадагаскара обратно. Проклятое горючее кончилось! Недоделанная какая-то штука, эти подводные лодки.

– Мы совершили кругосветное путешествие без дозаправки! – обиженно воскликнул Отто срывающимся голосом. – Ни одно судно в мире на такое не способно! Наша лодка – опытный образец, она совершила подвиг, и не смейте ругать тех инженеров и рабочих, которые создали это чудо! Они совершили подвиг для нации! А я... Я погубил все их дело!

Он забормотал что-то по-немецки, уже откровенно рыдая. Моник налила ему едва ли не полную кружку и заставила выпить.

– М-да, – Бенёвский неодобрительно покачал головой и негромко добавил: – Вот пример человека, не умеющего принять свою судьбу. С другой стороны, будь он покрепче, моя родственница не смогла бы его обработать. Мне жаль Отто, мне жаль тех, кто погиб – но что такая судьба нескольких людей по сравнению с судьбой всего человечества?

Мне такая логика совершенно не понравилась. Так же как и наши приятели в целом: хороша компания! Сумасшедший Бенёвский, который и друзей, наверное, легко продаст за «судьбу человечества», сентиментальный до соплей фон Белов, хорошо нам известная стерва Моник... Устюжин производил впечатление самого нормального здесь человека, но, кажется, был совершенно предан Бенёвскому.

– А вы уверены, что именно вы вершите судьбу человечества?
– Клод усмехнулся Бенёвскому в лицо. – Знаете, после некоторых событий в моей жизни я сильно сомневаюсь, что к судьбе человечества имеют какое-то отношение люди.

Прозрачные! Я совсем забыла о них. Забрать у Дрейка дельфина означало не просто поссориться с Джоном, но и снова оказаться в игре, ведомой Прозрачными. Игре, которую мы не знали и не понимали.

Близился рассвет. И сколько же костров, черт побери, мне разводить для Джона и Роба?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ультиматум и договор

— У вас, если не ошибаюсь, остался один «поворот» Ключа? — спросил Клод у полковника. — Последнее путешествие во времени.

— Мне и его не нужно. Мне нужен ваш корабль. Доставьте нас на Мадагаскар, Кристин, а уж дальше договоримся. Клянусь, я дам вам столько золота, сколько вы и на ста кораблях не увезете!

Не верила я Бенёвскому, но по глазам видела — он в свои слова верит! Золото. Золото тамплиеров. Грабить Храм Бенёвский, конечно, не собирается, но собирается как-то на нем заработать. Брать налоги с кораблей, огибающих Африку? Да против него выступит весь флот Португалии, бросив все остальные дела! Или в Храме и в самом деле есть какое-то оружие, о котором Бенёвский умалчивает? Полковник отошел, кажется, чтобы извиниться перед Отто, и я наклонилась к уху Клода.

— Их совсем немного! На борту мы бы легко справились в темноте!

— Не спеши, мы еще не все знаем об их оружии. И ты разве не слышала: внутри подводной лодки были какие-то светильники. Надо бы про них сперва разузнать.

Как все-таки сильно изменился Клод за последнее время! Когда я была маленькая, он частенько бывал на «Ла Навидад». Букиньеры запасали для пиратов мясо, а при нехватке людей с удовольствием участвовали в наших походах. Клод был одним из лучших стрелков, ужасно гордился этим и постоянно бахвалился, как хорошо быть букиньером. Потом, раз от раза сбегая из Европы обратно в любимые моря, я заставала Клода все

более взрослым. И видела его все более злым, жадным, но все равно очень привлекательным. Была в нем какая-то веселость что ли, обаяние... И еще мне нравились его волосы и глаза.

Только никогда я не видела так часто в этих глазах грусть. После нашего приключения Клод стал молчалив, все чаще морщил лоб, думал. О чем? Я стеснялась спросить – это его дело, в конце концов. Зачем мне лезть в чужие мысли? И все же очень хотелось знать: как он теперь относится к Моник, после того, как она переломала ему все пальцы на правой руке, и так быстро перезаряжать ружье он уже никогда не сможет? Мне, честно говоря, хотелось, чтобы он ее ненавидел. Но, кажется, выходило наоборот. После пережитого Клод стал добре ко всем и в том числе – к Моник.

– Но ты хотя бы считаешь, что нам стоит принять предложение? – спрашиваю. – Сила-то на нашей стороне, верно?

– Я в этом не уверен! – Клод улыбался, как будто с надоедливым ребенком говорил. – И никогда мы в этом не будем уверены, потому что здесь Моник. Ты же понимаешь, что она никогда не скажет всего. Впрочем, кое-что ты уже услышала.

– Что? Клод, не заставляй меня чувствовать себя дурой, я этого не люблю, и я все еще капитан!

Он еще вздохнул эдак тяжело, будто ему трудно разговаривать с деревенской дурочкой.

– Ты же слышала: у этого немецкого капитана на Ключе оставалось два «поворота». Один он использовал, чтобы отыскать Бенёвского. А сюда, из 1771 года в 1573-й, как они попали?

Вот тут я ахнула. Да, я дура, дорогой Клод. Если Бенёвский говорит правду, то свой Ключ они уже использовали до конца, чтобы найти нас. Чтобы отыскать дельфина и, черт возьми, заполучить «Ла Навидад»! Это значит, что у Бенёвского нет пути назад. И он ничего мне не предлагает – он ставит ультиматум. А золото тамплиеров, о котором я так беспокоилась, вообще сущая ерунда по сравнению с возможностью потерять корабль.

Или потерять жизнь, что, впрочем, одно и то же. Бенёвский просто вынужден получить то, что хочет, или умереть здесь, на острове. Вот только у него оружие сейчас есть, а у нас – нет.

– Мы должны принять условия Бенёвского или умереть, – повторила я в такт своим мыслям, глядя в спину полковнику.

– Потому он с нами и вежлив! Не давит, чтобы мы не затягивали тут последнюю битву. И еще, может быть, вообще не привык давить.

– Бенёвский? – я теперь ненавидела этого польского полковника. – С чего ты взял, что он не привык давить? Разливается соловьем, а сам, может быть...

Клод допил коньяк и отставил в сторону кружку.

– Я не верю Бенёвскому. Не то чтобы считаю, что он лжет, а просто не верю. Он, может, и не лгун, а вот верить ему все равно нельзя. И больше всего меня злит даже не его болтовня черт знает о чем, а то, что Устюжин явно за него горой. А Устюжину мне почему-то хочется верить. И те люди, что ушли с ним из острога, отправились через моря на корыте, которому только вдоль берега шастать, гибли с ним в пути, рисковали всем ради цели, которую он им показал... Вот это меня пугает, Кристин, – Клод, подумав, вернул кружку и плеснул себе еще коньяка. – А славная вещь, будто и правда из моей прекрасной Франции. Не похоже на бренди какое-нибудь. Может, и в самом деле оттуда?

– Ты думаешь, Бенёвский обладает какой-то силой внушения? – я бы уже ничему не удивилась. – Думаешь, Устюжин заколдован? Ты знаешь о Прозрачных, которые приходят во сне?

– Я знаю о Прозрачных кое-что, чего не знает никто из вас, – опять по-взрослому усмехнулся Клод. – Расскажу, когда будет время, и может быть, мы вместе об этом задумаемся. Но на нас Бенёвский не действовал, правда? На тебя и на меня. А вот Джон заслушивался. В чем разница между нами и Джоном?

– Мы пираты, – а какая еще могла быть разница? Джон как был, так и оставался хорошим парнем, и вряд ли когда-нибудь станет другим. Да и Роб тоже. А вот мы с Дюпоном – одной крови. – Мы... Мы свободны всегда. С рождения.

– В чем-то таком дело, да! – кивнул Клод. – Мы его торопили, перебивали, а он к такому не привык. Он привык говорить с людьми, которые ищут свободы. И вот он все твердит: свобода, свобода, счастье, счастье для всех... А нам с тобой этого не нужно. Мы пираты, буканьеры, мы привыкли добывать свое счастье сами и не боимся, что пока к нему идем, окажемся в гробу. Все там будут, верно? Так вот когда я был в Европе... – он наморщил лоб, подыскивая слова. – Они будто бы хотят подчиняться. Люнят это.

– Да брось! Никто не любит подчиняться!

Я сказала и задумалась. Да, дурная привычка – сначала сказать, а лучше выстрелить, и уж потом – думать. Но Клод в чем-то был прав. В Лондоне, когда приходилось временно там жить, чтобы придумать очередной план побега, я тоже немного удивлялась: многие и многие люди день за днем боролись с нищетой, подвергались унижениям со стороны тех, кто знатнее и богаче, и даже не пытались искать другой жизни. Я рассказывала там об островах, но их больше интересовало не то, чего можно добиться, а сколько там опасностей. Их интересовали только опасности. Там могут продать в рабство? Да, конечно! Там водятся огромные кусачие пауки? И насколько кусачие, и как больно, и как опухает рука! Там есть пираты, которые в любой момент могут налететь и разграбить, разрушить все то, что ты с таким трудом построил? Тысячу раз да! Только зачем искать поводы не ехать за океан, если есть столько поводов, чтобы ехать? Там тепло, там красивое море, там прекрасные фрукты, там красивые смелые люди, там... Нет, меня больше любили слушать, когда я рассказывала ужасы. И особенно, конечно, про ужасы, творимые пиратами. Я все хотела спросить:

а не хотели бы вы, дорогие мои лондонцы, вечно ругающие погоду своего вечно грязного города, вместо того, чтобы бояться пиратов, попробовать их жизни?

Конечно, люди из Европы валили к нам валом. Но хотели они не Карибского моря со всеми его прелестями и опасностями, а хотели построить за океаном такую же Англию, такой же Лондон, только чтобы в нем они сами были знатнее и богаче других. К счастью, никогда у них ничего такого не получится. Города будут возникать и сгорать в огне набегов, отстраиваться снова и жить быстро, ярко... Не так, как в старом, сырьом Лондоне.

Бенёвский, переговорив о чем-то с Моник и Отто, вернулся к нам. Он выглядел довольным, но и настороженным одновременно. Оценивающе посмотрел сперва на меня, потом на Клоду, словно прикидывая, о чём мы шептались.

– Скажу напрямик, Кристин: я бы ведь мог просто захватить ваш корабль.

– Чёрта с два! С тех пор, как капитан покинул борт, у порохового погреба стоит человек с факелом наготове. И поверьте, у него уже есть опыт по взрыванию кораблей. Если «Ла Навидад» не будет моим, он не будет ничьим! Ну, с тех пор, как не стало моего отца.

– Моник, кажется, хотела что-то предложить вам насчет отца... – Бенёвский нерешительно оглянулся. – Честно говоря, я и сам не знаю, что именно. Но Моник обещала сначала помочь мне. Потом – делайте что хотите. Я... Я отдаю ее вам.

Последние слова он сказал совсем тихо.

– Полковник, а кого еще и кому вы готовы отдать за счастье всего человечества? – так же тихо спросил Дюпон.

– Кого угодно и хоть дьяволу, – в том же духе ответил Бенёвский, глядя Клоду прямо в глаза.

– Так может, сразу все человечество и отправить к дьяволу? Чтобы быстрее счастье наступило?

Когда Дюпон на кого-то так смотрит... В другое время я не дала бы за жизнь Бенёвского и гроша. Но сила была на его стороне. Да и букиньяр мой изменился. К Джону стал относиться совсем по-дружески, а когда-то я всерьез опасалась потерять шотландского приятеля. Ну, а ко мне-то он всегда относился хорошо. Мне так кажется. Вот только не узнал, когда мы шли через океан на «Устрице». Потом, само собой, сказал, что не узнал, потому что я выросла и похорошела и просто красавица и всякое такое... Еще бы не улыбался, когда говорил – и мне было бы совсем приятно.

Впрочем, Бог с ним, с Дюпоном. У нас были проблемы по-сложнее – «Ла Навидад» мы уже почти спасли, а вот себя пока нет. Бенёвский куда-то вышел.

– Светает! – сказала Моник, глядя в окно. – Отто, давай немного прогуляемся к морю? За нашими гостями присмотрит Иван.

– Да что тут присматривать? Просто посижу с ними!

И Иван присел за стол. Вот только не рядом с нами, а напротив.

– Хорошо бы сейчас чайку, – сказал он и подмигнул мне. – Ты на мою племянницу похожа. Только та пугливая такая, невеста... А ты вон как разоделась, в штанах да сапогах! Чая нет. На лодке этой только кофий был. Паршивый, честно говоря, кофий, «эрзац-кофий» какой-то. Кстати, пистолет мой стреляет быстро и точно, а зарядов в нем много. – Иван менял темы не церемонясь. – Оттого стрелять буду по ногам. Ну и какой смысл ноги портить? Потом на них вообще никуда не пойдешь – ни назад, ни вперед. Так вот кофий этот... Крикнуть Руди, чтобы принес?

– Хороший вы человек, Иван, – сказал Клод. – Сразу видно.

– Да, – немного виновато кивнул Устюжин. – Хороший, оттого и в острог угодил – подговаривал команду выкинуть за борт плохих людей. Штурманом я служил. Ну вот и при Мауриции

штурман. К слову сказать, капитан Кристин, курс к Англии уже проложен – Дрейка будем караулить.

– Дрейк скорее пойдет ко дну, чем расстанется с дельфином! – я была в этом уверена. – Вы ничего не добьетесь от него силой. Во-первых, дельфин будет ему помогать. А во-вторых, вышвырнуть предмет за борт очень легко!

– Придумаем что-нибудь! – беспечно предположил Иван. – Главное, его найти, а там уж будем думать. Кофию, значит, не хотите. Правильно, я тоже эту дрянь не пью. А вы, Клод, мне тоже нравитесь. И я знаю, о чем вы сейчас думаете. Напрасно, этот пистолет и правда удивительная машинка, а я успел поупражняться.

Я взглядела Клода вести себя спокойно. Оружие, привезенное из – страшно подумать! – двадцатого века, производило впечатление. Люди чертовски хорошо научились друг друга убивать! А я привыкла думать, что мой мир останется прежним. Выходило, что по чудесным теплым морям будут плавать железные подводные корабли и расстреливать друг друга издалека. Хороши пираты – сидят под водой и прячутся.

– А пираты в двадцатом веке есть, не знаете?

– Не знаю, дочка, – Иван покрутил в руке пустую фляжку. – Но если верить Руди… Мне туда не хочется. Ты поговори с ним, когда к Англии пойдем, а потом к Мадагаскару. Руди расскажет. А вот Отто – молчун. Я за них приглядываю, и вам советую.

– А за полковником своим приглядываешь? – спросил Клод.

– Он мне не полковник, он мне капитан и друг, – Устюжин посерезнел. – У Мауриция есть мечта. И за мечту эту ничего не жалко. А вы просто еще не поняли. Когда поймете, пойдете за ним хоть куда. Ему для себя ничего не нужно, он только для всех старается.

– Брось, Иван! Ты же умнее, чем хочешь казаться! – Клод, судя по голосу, немного разозлился. – Не может быть счастья

для всех! Люди воруют счастье друг у друга, а впереди у всех одно: могила. Верно, Кристин?

– Я, вообще-то, не ворую, а отбираю, – мне такой тон не понравился. – И не счастье, а золото. Счастье – это что-то другое. Красивый закат на море, например. Его воровать не нужно, он один на всех.

Они оба на меня посмотрели, как на чудо какое-то.

– Капитан! – сказал Устюжин. – Ты и правда капитан! За тобой пойдут люди. Вот и Мауриций такой же, Кристин. Он счастья хочет, которое как закат, одно на всех.

Снаружи послышались быстрые шаги, потом дверь распахнулась настежь, и в домик ворвался Бенёвский. Сразу вслед за ним вбежала Моник и остановилась на пороге, в руке – пистолет.

– Где корабль?! – крикнул полковник. – Какого дьявола, где твой корабль?!

Глаза у него прямо кровью налились, приятно посмотреть. Сразу хочется погладить себя по голове и дать конфетку: умничка, Кристин, правильно все сделала!

– А вам какое дело? – спросила я, поправляя шляпу. – Это мой корабль.

И Клод сразу встал, шагнул вперед, заслоняя меня. Приятно, когда не одна, и есть кому подтвердить твои слова. Только капитан все же я, поэтому я его даже слегка оттолкнула – ну, попыталась, он тяжелый – и встала напротив Бенёвского. Он был гораздо выше, но мне не привыкать смотреть снизу вверх. Научилась ставить таких на место.

– Да, это ваш корабль, – наконец выдавил он. – Но в каком-то смысле, милейшая Кристин, это наш корабль! У нас больше нет подводного корабля!

– Я знаю. Сочувствую, капитан Бенёвский. Паруса, выходит, надежнее?

Зря я сказала, что знаю. У него сразу зрачки чуть расширились – удивился, запомнил, будет думать. Да, лягушка показала

мне, как Моник в новой пилотке плыла к острову. Я приблизительно знала, где их подводная лодка. И знала, что ее покинули все, а потом затопили, потому что иначе шторм все равно бы ее унес.

– Выходит, надежнее паруса! – он быстро взял себя в руки.
– Ну, тогда рассказывайте: что будем делать дальше? Я, признаюсь, просто не ожидал такого хода. Вы не могли отправить «Ла Навидад» далеко. Он где-то рядом, да? С другой стороны острова?

– Я не такая дура, мистер Бенёвский, чтобы знать, где он! – я состроила ему самую зверскую рожу, чтобы понял наконец, с кем имеет дело. – Поэтому можете мне все кишки на шпагу намотать или порох жечь на лице – я просто этого не знаю! И Клод тоже. Поэтому теперь давайте начинать разговор сначала. Время у нас есть. Моник, что там насчет моего отца и того, как ты можешь все исправить?

Она нервно переступила ногами.

– Прости, Кристин, но сейчас я не буду об этом говорить. Сперва надо заключить сделку.

– Сделку? – теперь все преимущества были у меня. – Давайте заключать сделку. Мои условия: вы складываете оружие, я сажусь за стол обсуждать с вами остальные детали нашей сделки, а вот она, – я кивнула на Моник, – пока посидит на «Ла Навидад» в трюме. Как вам такое начало отношений? Все по-честному: сначала вы разоружили нас, теперь мы вас, вот и потолкуем еще одну ночку.

– Хорошо, хорошо, ты нас переиграла! – Бенёвский поднял вверх руки и сладко улыбался. – Но теперь позиции всего лишь равны. Нам нужен корабль. Другого пути уйти с острова у нас нет. А еще нам нужен дельфин. Если вы нам не поможете, придется применить силу – Ключ у господина Дюпона и мы его видели. Это наш путь с острова Оук, он ничем не хуже «Ла Навидад».

– Хуже, – буркнул Клод. – Только вот какая штука...

Он достал из кармана Ключ и золотое индейское лицо блеснуло в лучах восходящего солнца.

– Вот он есть, – Клод показал Ключ Бенёвскому. – А вот его нет!

Миг, и Ключ улетел через окно, ставни которого были настежь распахнуты. Мы все дружно повернули головы, и я увидала мелькнувшую на миг фигуру, на лету подхватившую вешицу. Я чертыхнулась: Джон! А если он здесь, то и Роб, скорее всего, рядом. Ну и кто, скажите мне, командует моим кораблем?

Устюжин подбежал к окну, выхватывая на бегу пистолет, высунулся по пояс, но стрелять не стал.

– Тихон! Анджей! Посмотрите, куда они побежали! Руди, с другой стороны дома забегай!

Бенёвский пожал плечами и вышел за дверь. Спустя минуту два человека с немецкими мушкетами, или, если правильно, «автоматами», вывели нас с Клодом на поляну перед домом. Здесь я, к своему удивлению, увидела Джона. Он тут же показал мне пустые руки – успел избавиться от Ключа. Ну хоть на что-то они способны, эта парочка!

– Тогда разговор у нас будет простой. Я заранее прошу извинения, особенно у вас, леди, – Бенёвский, похоже, и в самом деле был расстроен. – Ваш человек пришел начать переговоры от имени команды. Другой, или несколько, сейчас скрываются на острове с Ключом. Да, искать их здесь придется долго, и они в любой момент могут уничтожить Ключ. Просто бросить его в воду. Но у меня в руках ваши жизни. Давайте тогда действовать быстрее, раз мои разговоры на вас не подействовали.

Бенёвский вытащил пистолет и наставил его на Клода.

– Я не уверен, что его жизнь ценна для вас, но просто хочу показать, что настроен решительно. Или верните нам Ключ, или впустите на корабль. Я считаю до десяти. Раз!

До десяти! Я чуть не рассмеялась. Нет, Бенёвский, может ты и прыткий мужчина, но на Карибах не жил. Пока считаешь до десяти, там погода три раза изменится, а уж все остальное...

– Джон, какого черта ты здесь делаешь? Кто с командой?

– Роберт отказался уходить без тебя! – шотландец развел руками. – Моррисон командует. Куда ушел корабль, мы тоже не знаем.

– Два! – считал Бенёвский. – Так вы думаете, я шучу? Три!

– Ключ у Роба? Очень хорошо. А у нас тут такая история: мистер Бенёвский хочет забрать у твоего любимого Дрейка дельфина. Что ты об этом думаешь?

– Ни в коем случае! – наш британский патриот даже глаза выпучил от негодования. – Он должен совершить кругосветное путешествие!

– Четыре! – Бенёвский зажмурил один глаз.

– Пять! – Клод рассмеялся.

– Шесть! – поляк просто трясся от волнения. – А следующим, кого я пристрелю, будет Джон!

– Семь! – меня это и правда забавляло. – А потом я, да? А потом вы тут все застрелитесь, без корабля? Восемь!

– Дельфина можно забрать у Дрейка после кругосветки! – вдруг завопил Джон. – К тому же, мы знаем, где и когда его «Золотая лань» будет находиться!

Ну конечно, Бенёвский опустил пистолет, даже не сказав «девять». А я и не верила, что он будет стрелять. Хотя если бы пальнул в Клода, это был бы его последний выстрел, и плевать мне на бдительного Устюжина.

– Я об этом не подумал. «Золотая лань»! 1580 год! Дрейк везет колоссальную добычу, награбленную в испанских колониях в Тихом океане, где его никто не ждал! – полковник утер пот со лба. – Его не так уж сложно перехватить у западного побережья Африки. Я помню кое-какие даты. Ну конечно, вот что вам интересно!

– Вот именно! – люблю подурачиться. – Если хотите своего дельфина, Бенёвский, то отправимся туда, в 1580-ый, и с помощью вашего оружия захватим корабль Дрейка. Все достанется нам, а вы получите билет до Мадагаскара и дельфина.

– Я согласен! – поляк подошел ко мне и протянул руку. – Я согласен! У вас есть условленный сигнал для корабля, верно? Подайте его. Пусть швартуются рядом и отправимся в Подземелье.

Я оглянулась на Клода. Он, улыбаясь, пожал плечами. Посмотрела на Джона – этот, конечно, стоял остолбенев и в глазах его читалось: «Нет, ты не можешь так поступить с моей Британией, потому что без Дрейка и его награбленного испанского добра история пойдет иначе!». Я отрицательно покачала головой. Пусть понимает это, как ему нравится. Джон так и сделал, и расцвел дурацкой улыбкой: решил, что я обманываю Бенёвского. А я сама еще не решила, кого обманываю.

– Прежде чем пожать вашу руку и вызвать корабль, полковник, я должна получить заложника. Ведь мы вверяем свой корабль вам и вашим людям.

Бенёвский наморщил лоб, что-то соображая, но Моник уже сама шла ко мне, на ходу снимая ремень с кобурой.

– Пусть, Мауриций, пусть! Она ничего мне не сделает. И ты знаешь, – она заглянула мне в глаза, – почему. Только я знаю, как все исправить. А без меня не получится, потому что с тобой не говорил Прозрачный именно об этом.

Клод подобрал ее ремень, нацепил на себя и быстро разобрался с оружием. Впрочем, глядя на то, как его применяли, понять все было легче простого. Он сделал пробный выстрел в дерево, а потом прижал ствол к спине Моник.

– Готово, капитан.

Я пожала до сих пор висевшую в воздухе руку Бенёвского. Взглянула ему в глаза и увидела в них какую-то детскую надежду. Он действительно во что-то верил, действительно считал себя носителем высокой миссии!

– Что ж, будем верными партнерами! – я подмигнула вполне довольному Устюжину и обняла Джона, шепнув ему на ухо: – Прикрой Клода со спины, следи за Отто. Он из-за Моник может наделать глупостей.

– Хорошо. Но мы ведь не будем грабить Дрейка, правда? Это-го нельзя допустить!

– Да как хочешь! – уж очень меня смешил этот его патриотизм. – На корабле мы сами себе хозяева. Не понимаю только: ты в самом деле считаешь, что после кругосветного плавания дельфина у Дрейка можно забрать?

– Не можно, а нужно, – серьезно сказал он. – Прозрачный говорил со мной ночью. Мы должны передать дельфина следующему хозяину.

– А с тобой не соскучишься, Джонни!

Теперь мне предстояло выслушать еще одну историю о том, как важно помочь морской славе Британии. Но я была не против, оказаться бы только сначала на корабле и выспаться... Но сперва надо было посетить малоприятное Подземелье.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Будущая война

Итак, мы договорились. Правда, я совершенно не имела оснований ни доверять Бенёвскому, ни помогать ему. Понимал ли это полковник? Не уверена. Он вырос где-то далеко, в Европе и в другом времени, среди книг и совершенно не похожих на нас людей. Договариваться с пиратами вообще мало кому рекомендуется, а уж делать это, угрожая пистолетом... Хорош договор!

Прежде чем сказать Бенёвскому, сколько зажигать костров, я еще раз все хорошенъко взвесила. Выходило, что прятать «Ла Навидад» действительно больше незачем: при свете дня наши пушки куда сильнее автоматов наших противников. А то единственное орудие, что я видела с помощью лягушки на подводной лодке, теперь находится на дне. Для разнообразия я сыграла честно и сообщила нужное число костров. Пусть мой корабль вернется, а уж держать пушки готовыми к бою у Моррисона должно было хватить ума.

– Джон, отыщи Роба. Пусть возвращается с Ключом.

Джон хотел было что-то сказать, но потом лишь кивнул головой. Да, мне тоже не хотелось, чтобы Бенёвский переложил Ключ себе в карман, но приходилось чем-то рисковать. В конце концов, пока у нас было достаточно козырей. И все же я решила немного прощупать нашего «компаньона».

– Полковник! Сейчас мой человек вернется с Ключом. Но я хочу, чтобы он оставался у мсье Дюпона. Клод уже им пользовался, он хорошо разбирается в работе этой дьявольской машины.

– Вообще-то, Отто тоже умеет обращаться с механизмом времени, – поджал губы Бенёвский. – Впрочем, вы правы. Отто

несколько расстроен. Ну как, капитан Кристин, хочется вам вписать свое имя в историю, ограбив самого Дрейка? С нашим оружием и вашим опытом это не составит труда!

Он мне даже подмигнул. Умный, образованный человек, а видел только то, что хотел видеть! Да, мы пираты, и думаем только о том, как бы набить трюм. И это правда. Вот только мы еще и не дураки. Впрочем, пока меня все устраивало: пусть Бенёвский расслабится, пусть не ждет подвоха с моей стороны. Я ему тоже подмигнула. Серьезно так.

Вернулся Роберт и, конечно, принялся по-собачьи заглядывать мне в глаза. Пришлось ему улыбнуться: да, молодец, все правильно сделал! Он от счастья чуть не запрыгал. Хороший парень, вот только совершенно напрасно чего-то ждет от своего капитана... Ну, ничего, пройдет со временем.

Когда «Ла Навидад» вернулся, встал на якорь и прислал шлюпку, уже начинался отлив. Самое время посетить Подземелье – вход-то через отверстие в стене колодца с морской водой. Роба и Моник я сразу отправила на корабль. Бенёвский, если и имел что-то против, промолчал. Клод тоже в мои действия не вмешивался, спокойно стоял в сторонке, сложив руки на груди, и только иногда поглядывал то на мрачного Отто, то на Устюжина.

Как выяснилось, полковник уже все подготовил для визита к Демону острова. В прошлое наше посещение никакого домика мы не видели, а теперь колодец оказался под ним, в чем-то вроде подвала. Когда мы спустились, меня сразу удивили две вещи. Первое: подвал оказался ярко освещен! Бенёвский гордо объяснил, что эти маленькие светильники называются «электрическими фонарями». Пришлось признать, что Клод прав: в темноте у людей Бенёвского, скорее, наоборот, было преимущество. И второе: в колодец уходила сброшенная кем-то веревочная лестница. Я указала Бенёвскому на нее.

– А не боитесь, что тварь оттуда выберется?

– Проклятье! – заметив лестницу, полковник похлопал себя по одному карману, потом по другому. – Не может быть!

– То-то Магнус все возле тебя терся! – Устюжин с досады сдвинул на лоб шапку. – Надо было сразу пойти проверить сюда! Не догадались.

– У меня пропали трое, – мрачно пояснил нам Бенёвский. – Двоих немцев из команды Шпеера и Магнус Мейдер, что бежал с нами с Камчатки. Он говорил, что наш Ключ, хоть на нем и закончились «повороты», все же надо проверить… Я не подумал, что они способны на такую глупость!

– А мне казалось, вы упоминали только Отто и Руди из членов экипажа подводной лодки.

– Да, нам помогали еще двое, – сознался Бенёвский. – Но они исчезли и… Что теперь говорить!

– Немцы хотели вернуться в свое время, у них там семьи, – пояснил Иван. – А Магнус тоже немец, все толковал с ними. Ну, вот и пошли, видимо, попытать счастья… Может, и получилось.

– Они мертвые, – уверенно сказал Клод. – Демон не пропустит никого, кроме хозяина Ключа и его спутников. Думаю, мы скоро увидим их тела. Постарайтесь не перепачкаться.

Держа в руке Ключ, Клод подошел к колодцу, заглянул и сел на невысокий бортик из камней. Я кивнула. Ждать было нечего.

– Полагаю, сперва спустимся мы с Иваном! – чего-то испугался Бенёвский. – Я хочу сказать, вслед за этим мсье. А вам, думаю, и вовсе незачем туда ходить.

– Нет, мы с Джоном тоже прогуляемся! – я оглянулась на нашего шотландца, и тот энергично закивал.

– Важно не ошибиться, Клод! Нам нужен 1580 год!

– Не волнуйся, Джонни! – Дюпон полез вниз. – Подземелье не знает той системы отсчета, которую используем мы, но управлять им проще, чем ты думаешь.

Глядя, как вслед за букальером в колодце исчезают Бенёвский и Устюжин, я вспомнила, как изучала Ключ с помощью лягушки. Это трудно объяснить, но Подземелью действительно не нужно называть год. Нужно лишь определиться для себя, куда хочешь попасть, вот и все. Может быть, поэтому Шпеер со своей командой сначала угодили не в то время? Дождавшись своей очереди, я тоже спустилась в колодец.

Нет смысла рассказывать, как мы проникли в узкий тоннель и долго ползли по нему к Подземелью. Демон нам не препятствовал и вообще не показывался. У входа в Подземелье все было так же, как и в прошлый раз, если только не считать просто-таки размазанных по полу, стенам и потолку человеческих останков. Здесь, в прохладной темноте, кровь еще не высохла.

– Попробуй тут не испачкаться! – Иван, презрительно переставляя сапоги по тому, что осталось от бывших товарищней, подобрал какую-то тряпичку. – Рубаха Карла, Мауриций! Наверно, все они здесь. Хотя дьявол разберет!

– Все! – Клод, которому тоже дали фонарь, посветил в угол, и даже мне стало жутковато.

Там лежали руки, оторванные в районе запястья. Они валялись в беспорядке, будто их кидали не глядя. Дюпон аккуратно разложил их в ряд.

– Шесть! – сказал он, хотя и без того все это видели. – Шесть рук, но ни одного пальца! И, похоже, они отгрызены.

– Да уж, не ножом отрезаны! – Устюжин взял одну руку и осмотрел. – Кому нужны пальцы?

– Может, это особый деликатес? – предположил Клод.

– Ага! Солит он их, на зиму! – Устюжин аккуратно положил руку на место. – А вот Ключа-то я не вижу.

– Если он уже не действует, то он уже не нужен! – мне все это начинало надоедать. Да и Джон как-то странно покачивался. Не хватало обморока! – Хватит разглядывать, пойдем дальше и сами спросим у Демона, зачем ему пальцы!

Дорога была знакома всем, и очень скоро мы оказались в той огромной пещере, где находилась ушедшая под землю башня Сатаны. Так же горело в стороне вырывавшееся откуда-то снизу пламя, будто через отверстие можно было попасть прямо в ад. Тут, когда свет фонарей рассеялся и потерялся в темноте пещеры, Джон схватил меня за плечо и приблизил губы к уху.

– Посмотри направо! Ты его видишь?

Я повернула голову и на фоне кромешной тьмы разглядела силуэт. Прозрачный?!

– Прозрачный! – эхом моим мыслям ответил Джон. – Он уже минуты три со мной. Я его слышу. А ты?

Теперь, когда я увидела Прозрачного, то каким-то образом услышала и его голос. Что за странные существа! То во сне приходят, а то вдруг наяву. И добрые ли они, злые ли – не понять.

– Ты упрямая! – сказал мне Прозрачный. – Лягушка в кармане, а попробуй, достучись до твоих мыслей! Идемте со мной, вы должны кое-что увидеть. Не бойтесь, Демон в башне.

Я оглянулась на спутников. Устюжин и Бенёвский следовали за Клодом, сосредоточив на нем все внимание. За нами с Джоном никто не спустился, и мы остались одни.

– Куда идти? – тихо спросила я. – Что вы еще от нас хотите?

– Разве Джон не сказал? – Прозрачный будто поплыл по воздуху в сторону, мимо пламени. – Сюда идите, вы не споткнетесь. Я говорил Джону, что дельфин уже сделал свое дело для Дрейка, дальше он справится сам. Есть другой моряк, которому нужен этот предмет.

– Для славы Британии? – мне было интересно, и я пошла за Прозрачным, но ноги передвигала по полу осторожно. Было очень темно, а факелов мы с собой не взяли. – Знаешь, кто бы ты ни был, но меня дела Британии беспокоят мало.

– А дело не только в Британии! Ты ведь теперь знаешь, что там, в будущем, идет большая война? Знаешь, что она уносит жизни не миллионами даже, а десятками миллионов?

– Нет, не успела расспросить подробнее, – конечно, я понимала, что война там идет страшная, но цифры Прозрачный называл какие-то просто нелепые. Я не знала, сколько на земле людей, но все равно это перебор. – И что нам до этой войны? У нас своя война есть. В каждом времени есть своя война.

– Но время одно! И если изменить что-то в прошлом, изменится и будущее. Пока я хочу вам лишь кое-что показать. К сожалению, Подземелье почти совсем разрушено даже в вашем времени. Сюда!

Мы оказались возле самой стены, уже достаточно далеко от башни Сатаны. Если бы не подземное пламя, можно было бы заблудиться в этой жутковатой пещере. Я провела рукой по стене и почувствовала совершенно гладкую, ровную поверхность какого-то камня.

– Этой войны человечество не может избежать, – продолжал Прозрачный. Тем временем камень под моими пальцами стал чуть теплым, и я убрала руку. – Но ее можно сделать другой. Я не смогу объяснить вам всей сложности той игры, которую мы ведем с нашими врагами, поверьте, что есть только один способ сделать так, чтобы эта война не стала той, что приведет человечество к многовековому рабству!

– Игры у них какие-то... – пробурчала я. – Джон, мне кажется, что нас снова используют. Ты как хочешь, но я...

Джон вдруг так сжал мои пальцы, что стало больно. Да я и сама едва не вскрикнула. На голых камнях стены пещеры вдруг появилось какое-то изображение. И оно светилось. А еще... Оно двигалось! И все было какое-то настояще, совсем непохожее на самый хороший рисунок!

– Это твоя Шотландия, Джон, – сказал Прозрачный. – По вашему летоисчислению – 1940 год от Рождества Христова. Она захвачена армией, к которой принадлежали и те моряки, что спасли Моник.

– Шотландия захвачена Германией? – ахнул Джон.

– Вся Британия захвачена Германией, – поправил Прозрачный. – И не только Британия. А война продолжается, и сколько еще людей должно умереть, во время нее и после, ты не можешь себе даже представить.

Мы видели серое осенне небо и поле. В поле солдаты в черной форме и железных касках на головах, с такими же автоматами, как у людей Бенёвского, методично расстреливали людей. Тела сваливали в выкопанный ров с помощью какой-то машины, которая давила их, смешивала с землей и потом еще утрамбовывала, чтобы в ров влезло больше. Лаяли собаки, хотя я не слышала ни звука. Картинка была такой настоящей и такой страшной, что я шагнула назад.

– Это не может быть Шотландией! – Джон стоял как вкопанный и продолжал сжимать мою руку. – Ты говорил, что морская слава не даст врагам Британии высадиться на ее берегах!

– На долгое время, – подтвердил Прозрачный. – Но лишь на время. У нас есть враги, и они тоже пытаются влиять на ход истории. Поверь, то, что ты видишь – не самое страшное, что можно увидеть на той войне. Сейчас картинка исчезнет, у Подземелья почти нет энергии. Но постараитесь ее запомнить. Хочешь, чтобы этого не было – сделай, что я скажу.

– Передать дельфина другому британскому моряку? – мрачно спросил Джон. Картина на стене и правда начала меркнуть. – И как это поможет? Просто отсрочит то, что произойдет?

– Ты не поймешь, даже если я попытаюсь объяснить. Мы ведем свою войну, с нашими врагами. И мы не хотим того, что ты видел. Не хотим тех страшных веков, которые придется пережить человечеству после того, как соотечественники Отто фон Белова победят. Кристин думает, что мы не друзья людям. Так и есть, мы не ангелы-хранители. У нас есть свои интересы, далекие от ваших. Но сейчас я прошу вас о помощи, потому что это поможет людям.

— Люди всегда стремятся к войне, да? — Джон немного пришел в себя и отпустил наконец мою руку, которую я уже с минуту пыталась вырвать. — Все бесполезно? А Бенёвский — он сможет привести человечество к счастью?

— Сами решайте, верить ли Бенёвскому, — уклончиво ответил Прозрачный. — Но дельфина должен получить не он.

— Мы не можем помогать тебе вслепую! — я начала злиться. — Расскажи нам все или уходи!

— Я не смогу! — Прозрачный вроде бы невесело улыбнулся. — Не смогу, а вы не сможете понять. Для того, чтобы эта война окончилась иначе, чтобы победила не Германия, придется сделать ее не Первой, а Второй Мировой войной. И в Первой тоже погибнут миллионы, но иначе нельзя. А еще нам придется принести в жертву огромную страну, чтобы немецкий паровоз не получил русского угля, потому что тогда его не остановить... Вам ведь это не понятно, верно?

— Так расскажи, чтобы было понятно! — упрямилась я.

— Вас зовут, — печально сказал Прозрачный. — Пока время истекло. Я постараюсь прийти еще.

— Стой! — я с досады хлопнула себя по лбу. — Это ты говорил с Моник?! Я об отце, она сказала, что знает, как...

— Он исчез, — Джон погладил меня по плечу, но у самого дрожали пальцы. — Идем, нас и правда зовут. Как бы не передрались.

Да, пришлось возвратиться в реальность. Мы почти бегом вернулись к пламени и оттуда разглядели силуэт башни Сатаны. Лучи фонарей светили с плоской крыши башни.

— Мы здесь! — закричала я. — У нас все хорошо, мы идем!

— Кристин, если вам нужно потолковать о чем-то с вашим молодым спутником, то вы не очень удачно выбрали время! — несколько визгливо закричал Бенёвский. — Мы ведь заняты важным делом, неужели поцелуй нельзя отложить на потом?!

Вот же гад! Джон тут же убрал руку с моего плеча, и я почувствовала, что краснею. В мыслях у меня такого не было и

вообще, при чем тут Джон? Я ускорила шаг, рука сама собой нащупала эфес. Никому не позволено так разговаривать с капитаном Ван Дер Вельде!

Я взбежала вверх по ступеням, подняла голову и встретилась взглядом с Клодом. Он ухмыльнулся и неодобрительно покачал головой. У меня даже вся злость пропала! Выходит, и он думает так же, как Бенёвский?! Вот уж не ожидала... От обиды я прикусила губу до крови.

С нашего последнего визита ничего не изменилось. Тот же каменный Круг Времени, в который следовало вложить наш Ключ. И Демон был здесь, но скорчился в стороне, у дальней стены, по которой иногда проскакивали будто какие-то искорки. Или это были лишь отблески горевшего в стороне подземного пламени?

– Пальцы там! – сказал Устюжин, поправляя на плече автомат. – Возле Демона.

– Какие пальцы? – невпопад удивился Джон.

– Как это какие? Которые он ребятам нашим отгрыз. Ну, и еще какие-то, там их много валяется. Есть свежие, а есть – кости одни.

– Ну, хватит о пальцах! – Бенёвский немного успокоился. – Простите меня, Кристин. Но мсье Дюпон тут собирался уже перестрелку устроить! А Отто остался наверху, кроме него с Ключом тут никто не справится.

– Я всего лишь сказал, что без своего капитана ничего делать не буду, – поправил его Клод. – И Ключ никому не отдам. Вы нервный человек, Бенёвский!

– А вы чересчур спокойный! – полковник опять повернулся ко мне. – Ну же, приказывайте ему, что ли! Мы не можем торчать тут вечно!

– Почему бы нет? – Клод, не дожидаясь моих распоряжений, вытащил из кармана Ключ и вложил его в выемку в центре Круга. – Возможно, здесь никакого времени просто нет. Возможно, именно сейчас мы как раз в вечности и находимся.

Он все же посмотрел на меня, и я кивнула. Да, пора отправиться в 1580 год и подняться на корабль. Я устала. Нужно выйти в море, выспаться и уж тогда спокойно решить, что делать и кому помогать. «Ла Навидад» мой дом, а дома и стены помогают. Точнее, борта.

Как всегда, ничего не изменилось. Просто что-то чуть слышно щелкнуло. Клод вытащил Ключ из выемки и внимательно рассмотрел. Бенёвский быстро и бесшумно шагнул за его спину, вытянул шею и довольно крякнул.

– Там еще семь «поворотов», Иван!

– Богато живут! – усмехнулся Устюжин и пояснил недовольно оглянувшемуся Клоду: – Это мы к тому, что механизм сбой может дать. Тогда придется поправиться, а «повороты»-то щелкают!

– Не нужно ничего поправлять! – Дюпону явно было досадно, что Бенёвский узнал слишком много. – И не нужно заглядывать мне за спину, если можно просто спросить. Все же мы теперь в одной команде.

– Именно! – подтвердила я, хотя тоже была недовольна. – Возвращаемся.

Или мне показалось, или Демон проводил нас долгим тоскливым взглядом. В это наше посещение он молчал, будто не имел к происходящему никакого отношения. По дороге назад я совершенно вымоталась. Да и все устали от бессонной ночи и нервного напряжения. Когда фон Белов галантно подал мне руку, я немного удивилась, но приняла ее и прямо-таки вывалилась из колодца. Следом в подвале оказались и остальные.

– Наверняка мы пока ничего знать не можем! – тут же сообщил своим Бенёвский. – Если произошла ошибка, то обнаружится это только, когда встретим какое-нибудь судно. Значит, надо поскорее отправляться в путь и надеяться на лучшее. В любом случае, на Ключе еще семь «поворотов»! Кстати, капитан Кристин, не хотите ли передать Ключ мне на хранение? Мы

ведь поднимемся к вам на борт, то есть вверим свои жизни вашей команде!

– Клод отлично хранит Ключ, – сказала я. – Вот пусть так и остается. А пуская вас к себе на борт, я оказываю вам доверие – куда уж больше?

Люди Бенёвского будто чуть-чуть придвинулись к нам, а лейтенант фон Белов прямо-таки буравил Клода ненавидящим взглядом. Ну еще бы, уж Моник наплела ему что захотела! Очень хорошо, что она сейчас на «Ла Навидад», подумалось мне. И там ни Робу, ни рыжему Моррисону не придет в голову даже с ней разговаривать, не то что доверять. И все же... Все же мне и самой хотелось там быстрее оказаться – для надежности.

– Полковник! – я из последних сил выпрямилась. – Вы можете силой забрать у нас Ключ. Но тогда я не впущу вас на корабль! И даже если кто-то захочет попытаться меня спасти, команда его не поддержит. Поэтому давайте-ка не ссориться.

– Да я и не собирался ничего у вас отнимать! – Бенёвский пожал плечами и первый стал подниматься вверх по небольшой лестнице. – Просто пока нам приходится больше доверять вам. Я надеюсь на вашу честь, но игра получается не слишком честной.

Я мысленно рассмеялась. Ну конечно, игра не честная! Ты еще будешь знать, как договариваться с пиратами, и как целись из пистолета в моих людей! Лишнего я не спрошу, но и по счетам вам, господин Бенёвский, заплатить придется.

Спустя минуту мы вышли из домика, или скорее охотничьей хижины, с которой за время нашего отсутствия, вроде бы, ничего не произошло. Погода, правда, изменилась: над островом висели тучи, вот-вот должен был начаться ливень.

– Уже вечер! – прикинул время Устюжин. – Но быть шторму. Не советую оставаться на якоре!

– Благодарю за такой ценный совет! – в другое время я бы сказала этому типу, что думаю о его советах, но теперь устала. – Сама все вижу. Снимемся, как только погрузим вас на корабль.

Груза у людей Бенёвского оказалось немного – по мешку на человека, да еще два каких-то больших ящика. На вопрос Клода Устюжин только пожал плечами равнодушно и скинул с одного ящика крышку.

– Оружие, что еще? Только не заглядывайся. Оно тут в разборе, а чтобы собрать, надо знать, как, – Иван захлопнул ящик. – На Мадагаскаре пригодится, когда республику общего счастья строить будем.

– Да, общее счастье без оружия никак не построить, – понимающе кивнул Клод.

Когда все оказались на борту, мы отошли от острова. Быстро стемнело. Шторм шел с севера, а мы быстро уходили от него на юг. Я разместила людей Бенёвского в трюме, на всякий случай удвоила вахту, наказав не спускать глаз с гостей, и отправилась спать. Даже на то, чтобы поговорить с Моник, сил не осталось. И все же прежде ко мне заглянул Джон.

– Отто требует, чтобы Моник выпустили из клети, – сказал он. – Я думаю, он прав.

– А может, лучше Отто посадить к ней в клеть? – уже почти во сне задумалась было я, но махнула рукой. – Выпусти ее. Мы поговорим обо всем завтра.

Но еще ночью шторм нагнал нас, мне пришлось встать к штурвалу и почти весь следующий день лавировать между островами, прорываясь теперь на восток, в океан. Не раз и не два я, зевая от усталости, вспоминала волшебную фигуруку дельфина и проклинала патриотизм мистера Джона МакГинниса, лишивший нас артефакта. А когда к вечеру вернулась наконец в постель, мне приснился ров, в котором страшная тяжелая машина утрамбовывала человеческие тела. Даже во сне я не знала, как поступить и кому верить.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Переговоры и предательство

Погода успокоилась. Мы вышли в Атлантику и двигались на юго-восток, к побережью Западной Африки. Бенёвский утверждал, что обладает феноменальной памятью и сообразит, где ловить Дрейка.

– Только нужно убедиться, в верном ли мы времени! – нервничал он и постоянно торчал на палубе, будто мог заметить корабль раньше марсового. – Может быть, стоило бы сперва заглянуть в более обжитые места, все разузнать?

– Все в порядке, – ворчал Дюпон. – Я просто знаю, что мы там, где нужно. Я держал Ключ, когда он перенес нас. Все хорошо. Думайте лучше, как бы Дрейк не проскочил. Все же у него дельфин, и даже быстроходному «Ла Навидад» не просто будет за ним гнаться.

– Вот уж об этом я позабочусь! – отмахивался Бенёвский и снова прижимал к глазам сдвоенную подзорную трубу, которую называл «бинокль». – Вы сделайте свою работу, я сделаю свою!

Мы с Джоном и Робом обсудили это и пришли к выводу, что уверенность Бенёвского должна быть чем-то подкреплена. И вряд ли дело в его памяти и точном знании маршрута. Дрейк и сам не смог бы пройти второй раз по тем же водам – в открытом море нет настолько точного ориентира! А ведь он боялся встретить испанские или португальские корабли и шел прямо через их воды.

– Полковнику кто-то помогает, – уверенно сказал Джон. – Может быть, те враги, о которых упоминал наш Прозрачный?

– Может быть, – согласилась я и вспомнила, что Клод кое-что о Прозрачных хотел мне позже сообщить. – Подожди, я одну вещь хочу выяснить у Дюпона.

Клод сидел прямо на палубе и, выложив на доски всякую мелочь из карманов, раскладывал ее в разном порядке, о чем-то снова размышляя.

– Голову не сломаешь? – я присела рядом. – Что это?

– Да ничего! – Клод смешал свою странную схему из пуль, цепочки и пары пуговиц. – Ничего не получается... Все эти штуки со временем, они ведь должны как-то быть связаны, не противоречить друг другу. Вот я прикидываю кое-что то так, то эдак, и все равно ничего не понимаю.

– Прозрачный говорил Джону, что время меняется. Будущее можно изменить, если изменить прошлое, – про нашу встречу с Прозрачным в Подземелье я как-то умолчала. Пусть думает, что целовались, дурак. – Может, время все время меняется? Ну, каждый раз, как Ключ срабатывает, все меняется?

– Может быть... – Клод наморщил лоб и снова стал раскладывать свои пули. – Даже наверняка. Но что будет, если мы сейчас прикончим моего папашу, например? Тогда я никогда не появлюсь на свет. И кто тогда встретит конкистадора на том острове, кто привезет сюда Моник из Испании?

– Не знаю! – я встала. – Мне голову, пожалуйста, этим не морочь. Может быть, кто-то другой займет твоё место. И проживет похожую жизнь, а отца твоего убивать не будет. И снова появишься ты, и тогда все снова... Да ну тебя!

Клод остался сидеть на палубе, а я, разозлившись, пошла к Моник. Только уже спустившись в трюм, где ей отгородили уголок, я сообразила, что так и не спросила у букиньюера о Прозрачных. Ну зачем он заговорил об отце? Я больше не могла ждать. В конце концов, единственная причина, по которой Моник еще была жива и плыла на моем корабле – это возможность все исправить. Я хотела, чтобы отец снова был жив! Как говорят легенды, некоторые и с того света возвращались. И уж мой старик точно был способен на такой фокус, а я должна ему помочь! Вопрос только – как.

– Это ты? – Моник как всегда сидела рядышком с Отто и что-то ему нашептывала в ухо. – Могла бы хоть иногда стучаться.

– А я такая же леди, как ты, и не обязана! – сказала я и поняла, что сказала глупость. – Нет, ошибка. Я не такая, как ты, и очень этому рада. Это раз. И я капитан этого корабля, это два.

Отто надулся, даже губы у него оттопырились – обиделся! Меня это только позабавило.

– Простите, лейтенант, но я хочу поговорить с Моник с глазу на глаз.

Она чуть хлопнула его по руке, и Отто тут же вышел, пряча глаза.

– Хорошо ты его выдрессировала, – я села на его место, чтобы не смотреть на Моник. Она немного отодвинулась. – Хватит тянуть, рассказывай.

– Нам еще долго идти до Африки... – протянула она. – А в общем... Главное вот что: нельзя вернуться в тот день и просто догнать «Ла Навидад» на еще одном «Ла Навидад». Нельзя увидеть самих себя.

– И что же случится?

Да, это, наверное, жутковато – увидеть саму себя... И как должна удивиться та Кристин, в тот злополучный день, когда Моник вздумалось убить капитана, чтобы восстановить контроль над нашей экспедицией! Что ж, придется через это пройти, и мне наплевать, кому это понравится!

– Ты не поняла. Этого просто нельзя сделать. В одно и то же время рядом друг с другом не могут существовать два корабля с двумя командами. Я и ты не можем существовать одновременно в двух экземплярах. Вернее, можем, но совсем недолго, и не в одном месте. Если уж такое случится, нам придется действовать крайне осторожно, прячась и не оставляя следов. Понимаешь, мир сам собой избавляется от такой помехи, как человеческий организм выталкивает занозу – и никакие предметы нам не помогут. Мы никогда не догоним «Ла Навидад» в

том дне – а если попытаемся, то, скорее всего, просто по какой-то глупой случайности пойдем ко дну. Или, что более вероятно, остров забросит нас в другое время. Подальше. Так сказал мне Прозрачный.

Я постаралась успокоиться. Мысли разбегались. Нельзя помешать случиться убийству в тот день? Первое, что мне пришло в голову: если я не могу сделать этого сама, надо найти другой корабль и заплатить другим людям, чтобы они предупредили нас! Но Моник продолжала:

– Выход есть. Нужно просто, чтобы я получила от себя весточку. Чтобы я знала, что убивать твоего отца ни в коем случае нельзя. Чтобы была уверена, что эта весточка – от меня, понимаешь? – Моник задумалась. – Не так просто это сделать. Я думаю, как. Поверь мне, Кристин, я очень сожалею о том, что случилось. Но сначала мы вместе должны помочь Маурицию. Он спас нас, его план вытащил нас из-под власти этого страшного Штеера. И вообще... – она вздохнула. – Если бы я не забыла, что сказала мне женщина возле костела, все пошло бы другим путем. Мауриций получил бы дельфина давно. Он его по праву.

Я силилась по ее лицу прочесть: искренне Моник сейчас говорит или нет? И почему она так поддерживает этого Бенёвского? Только потому, что он ее родственник? Это было непохоже на Моник. А уж благодарность за спасение совсем не по ее части. Она привыкла бить в спину. Вероятнее всего, Моник обдумывала какой-то свой очередной план, чтобы действовать только в своих интересах, как всегда. О своей мысли нанять корабль и команду для спасения капитана Ван Дер Вельде я, конечно, сочла лучшим промолчать.

– Ладно, думай, – я встала. – Время еще есть. Только думай хорошо, Моник, потому что мое терпение небезгранично. А каждой ночью мне снится, что я ломаю тебе пальцы, как ты Клоду, и подвешиваю за руки на рее, как ты Джона. Подумай об этом.

– Вряд ли это понравится полковнику и его людям! – она хищно улыбнулась, словно оскалилась. – И хотя я сожалею о содеянном, у меня вся спина в шрамах от ожогов, капитан Кристин!

На том мы с ней и расстались. Я поднялась на палубу и поняла, что теперь не спросила о Прозрачных у Моник. О чем они вообще с ней говорили, где, когда, зачем приходили?! Фыркая от злости на себя, встала за штурвал, оттолкнув ни в чем не винного Роберта. Он обиженно хмыкнул, но не ушел.

– Кристин, я сказать хотел... В общем, парни Бенёвского рассказали нашей команде, что мы идем захватывать добычу Дрейка.

– Ну и что?

Я знала об этом и не мешала. В конце концов, команда должна знать, куда ведет их капитан. А так как я сама еще не решила, куда и зачем их веду, пусть узнают сами. Но не от меня – передумаю, так и обвинить меня не в чем.

– Как что?! – Роб воровато оглянулся, как он всегда делал, и заговорил мне почти в ухо: – Ты представляешь, что с Джоном творится? Он же ночами не спит! Боится, что мы не сможем остановить команду. И я тоже боюсь – сама посуди, сколько там всего, на одном единственном корабле! С учетом того, что у нас уже есть и того, что еще добудем – по окончании рейса каждый сможет себе корабль купить! Как их удержать?

– А ты уверен, что я хочу их удержать?

Роберт раскрыл рот от удивления. Конечно же, я не хотела обманывать Джона. Да и отбирать добычу у Дрейка в самом конце его полного опасностей путешествия – по моим понятиям недостойно. Я вообще немного сожалела о нашей затее с помощью более совершенных пушек и быстроходного корабля нападать на тех, кто заведомо слабее. Но Прозрачные... Зачем они втягивают нас в свои игры, а сами ничего не рассказывают?

– Кристин, ты ему сама скажи, что задумала, – попросил Роб.
– Но знаешь, Джон наш друг. Я, конечно, с тобой... Но и с ним тоже.

Вот тут я посмотрела на Роба с уважением. Впервые набрался сил мне перечить. Так и надо, а то смотрит вечно в глаза... По крайней мере от него мне такое поведение не нужно. Хороший, но честный друг, вот каким я хотела видеть Роберта.

– Хорошо! – я отдала ему штурвал. – Поговорю.

Джон отдыхал в их с Робом каюте после ночной вахты. Как же, не спалось ему! Дрых как пьяный боцман. Мне пришлось пихнуть его в бок несколько раз, прежде чем Джон сел на койку и испуганно вытаращился на меня.

– Ты зачем Устюжина к карте подпускаешь? – спросила я для начала разговора. – Он не наш.

– Я штурман, он штурман... – пробормотал Джон, протирая глаза. Из-под сдвинутой подушки показалась рукоять пистолета, что мне понравилось. – Понимаешь, я ведь только учусь. А он из другого времени! Эх, жаль, нет их карт. Они точнее и подробнее. Прятать от него наши карты – смешно, он по памяти лучше нарисует.

– Не так прост этот Иван, как хочет выглядеть! Полковника надуть проще, чем его.

– Это я понимаю! – Джон пригладил волосы и проснулся окончательно. – Поэтому с оружием не расстаюсь. Но как бы ограничить общение людей Бенёвского и особенно его самого с нашей командой? Моррисон говорит, все шепчутся: скоро разбогатеем как короли! Ты обещала мне, что Дрейка мы не тронем, только заберем дельфина.

– Если он отдаст! – я очень в этом сомневалась. Плавание с дельфином – совсем особое удовольствие, не моряку и не понять. – Кроме того, мистер Мак-Гиннис, я вам ничего не обещала.

Люблю, люблю я немножко поиздеваться вот над такими простаками. У Джонни брови стали домиком, глаза растерянные... Захотелось ушипнуть его за нос, что я и сделала.

– Шучу! А Моррисону передай, что есть mestечко, где золота больше, чем у Дрейка. И Бенёвский может туда нас вывести, если не спугнуть. Золото тамплиеров, помнишь?

– Конечно! – Джон снова расцвел. – Это другое дело! Только вот еще: полковник без конца болтает о свободе, о счастье для всех... Это интересно, ты бы послушала. Мир, где не будет господ, где все свободны и сыты! Это возможно, если ему верить. Но я о другом сейчас, – Джон посерезнел. – Кристин, некоторые из наших смотрят ему в рот, так же как его люди. Уже человек пять или больше. Они подумывают идти с ним на Мадагаскар, создавать Либерталию. Республику общего счастья.

Вот этот поворот мне совершенно не понравился. Я плюхнулась прямо на его смятые простыни и потребовала подробного отчета. Вызвали боцмана Моррисона, и тот перечислил мне тех, кому я не могла больше доверять. Как я и думала, это оказались люди из Европы, прибежавшие к нам за океан искать счастья. Они не выросли свободными, как мы.

– Я не говорю, что дело идет к бунту! – тихо бурчал Моррисон, раскуривая трубку и игнорируя протестующий взгляд не любившего дыма Джона. – Нет, команда тебя уважает, все до последнего человека. Ты удачливый капитан, в трюме большая добыча, впереди еще больше... Но если ты скажешь, что Дрейка надо отпустить с миром, это никому не понравится. И если Бенёвский пойдет против тебя... Ну, все может случиться.

– И это значит: дело не идет к бунту?! – день у меня выдался какой-то неудачный. – Мы на корабле, и он будет моим или ничьим, даже если я сейчас прикажу выбросить все золото за борт! Да я сейчас и прикажу – мое слово закон!

– Тише! – попросили они меня. – Услышат!

— Вот! — я сбивила тон. — Капитан вынужден шептаться на собственном корабле! Какая же опасная тварь этот Бенёвский...

— Хорошо бы их всех обезоружить, — предложил Джон. — Тогда сразу все станет проще.

— И запретить Бенёвскому речи свои говорить! — поддержал его Моррисон. — Все равно там ничего не понятно: путь, Храм, тамплиеры!

— Да нет, многое понятно, — вдруг вздохнул Джон. — И все же будет лучше держать их взаперти. По крайней мере, какое-то время. Хоть это и бесчестно. Но у нас есть задача! Она важнее всего.

— Ох, ты бы хоть сейчас не лез со своим патриотизмом, истый британец! — я выхватила у Моррисона трубку и сделала затяжку, но лишь закашлялась. — Дрянь какая! Прости, боцман, я тебя больше не задерживаю. Нам надо пошептаться.

Моррисон пожал плечами и ушел немного обиженный. Тем не менее, в нем я могла не сомневаться — Моррисон верил, что есть люди, приносящие удачу, и считал меня именно таким капитаном. Кроме того, уж он-то был настоящим пиратом. Он не собирался покупать себе плантацию или дом в Англии. Чего, правда, нельзя было сказать о многих из матросов. Да тут еще Бенёвский со своим счастьем на Мадагаскаре!

— А как ты думаешь, Джон, что случится, если Бенёвский упадет за борт как-то ночью?

— Прошу тебя! — Джон испугался. — Кристин, нельзя опускаться до таких поступков. Бенёвский кажется мне хорошим человеком, искренним в намерениях. Хотя, может быть, и не искренним в путях достижения цели.

— Понятно, — да, мне и самой претила такая мысль. А вот высадить Бенёвского со всей бандой на каком-нибудь островке — мысль неплохая. Только непонятно было, как мы отыщем без него Дрейка. — А ты, значит, веришь Прозрачному и хочешь исправить будущее?

– Верю, – кивнул Джон. – Я видел Дрейка до того, как он получил дельфина, и ты видела. Он не был великим человеком, а мы помогли ему. И Британия будет править морями, и те солдаты в черном никогда не высадятся в Шотландии.

Что ж, разговор был окончен. Если я иногда все же подумывала, не переложить ли кое-что из трюмов Дрейка в свои, то теперь окончательно отказалась от этой мысли. На корабле один капитан. Если Бенёвский что-то уже пообещал моей команде – что ж, команда увидит, что верили они ему совершенно напрасно.

Однако игра закручивалась серьезная. Люди Бенёвского постоянно держались вместе, всегда вооруженные своим «автоматическим» оружием. Непосредственно за этим следил Устюжин, который завел у них свои собственные «вахты». Бенёвский разговаривал с моими людьми часто и охотно. Похоже, разговоры вообще были его любимым занятием. И команда слушала. Мне было непонятно, как такой человек мог устроить бунт и захватить корабль – он же прирожденный болтун! При моем появлении, впрочем, полковник сразу сворачивал разговор. То же касалось и Клода, а вот Джона он почему-то не опасался.

Я могла бы отдать приказ об аресте наших «пассажиров», но это наверняка привело бы к драке. Погибли бы многие – какие планы не придумывай, а Устюжина не проведешь. Единственными людьми, в преданности которых Бенёвскому я сильно сомневалась, оставались Моника и Отто. Наконец, я решилась посоветоваться с Клодом.

– Может, приставить пистолет к башке этого поляка? – спросила я его, отозвав на бак. – Как думаешь: прикажет Устюжин своим бойцам разоружиться?

– Учись смотреть, Кристин, – сам Клод с печальным видом уставился куда-то по носу корабля, на тот момент почти строго на юг. – Устюжин на виду, но между нами и Бенёвским всегда незаметно трутся два-три человека. Я недавно шутки ради по-

ложил руку на пистолет, когда был рядом. И его тут же заслонили. Чертовы фанатики! Может быть, стоило выслушать полковника до конца? Не понимаю, что он им такого сказал, просто не понимаю. Они будут стоять за него до конца.

– Это я и сама вижу! Просто не хочу поливать палубу кровью команды. Может быть, просто прикончить Бенёвского? Я уверена, ты бы легко смог это сделать, поднявшись на рею.

– Вижу, он тебя допек! – Клод немножко подумал и пожал плечами. – Нет, не выход. Тогда они накинутся на нас с удесятеренной злостью. И крови будет еще больше. Лучше не отступай от своих принципов, Кристин. Ты ведь не любишь поступать подло.

– Но что делать?! – стыдно капитану задавать такой вопрос, но нас никто не слышал. – Вот так идти к Африке и на подходе получить бунт? С каждым днем ситуация понемногу ухудшается.

– А может быть, просто поговорить об этом с Бенёвским? Поставь ультиматум: если он не прекратит свои речи, быть драке, которой не хочешь ни ты, ни он.

Мне оставалось только хлопнуть Клода по плечу и отправиться готовить эти новые переговоры. Ну, знаете, проверить пистолеты и расставить где нужно верных людей. А больше никакой подготовки не требовалось: Клод все сказал верно. И я просто передала его слова Бенёвскому, добавив от себя только пару ругательств.

Полковник пришел ко мне в каюту вместе с Устюжинным и еще двумя парнями. Это было справедливо: со мной, конечно, были и Клод, и Джон, и Роб. Почти все остальные «пассажиры» поднялись на палубу. Мои ребята засели с мушкетами на реях и в кормовой надстройке. То есть к глупому взаимоуничтожению все было готово.

– Затыкаете мне рот?.. – задумчиво протянул Бенёвский. – О, как мне это привычно! Вот только странно: вы, капитан свободолюбивых пиратов, поступаете так же, как европейские тираны!

– Мне плевать на тиранов! – сказала я. – Это мой корабль и я веду себя так, как считаю нужным! А вы тут гость и извольте подчиниться. Шансов у вас все равно никаких.

– Вы полагаете?

Бенёвский покосился на Устюжина. Тот пошевелил лохматыми бровями и ухмыльнулся: мол, как знать. Полковник забаранил по столу своими ухоженными пальцами и погрузился в размышления, будто нас рядом вовсе не было.

– Не понимаю, что тут можно так долго обдумывать! – не выдержал Джон. – Мы же не враги! Наша цель – найти Дрейка. Как, кстати, вы вообще собираетесь это делать? Мне кажется, пора сказать!

– Вы, наверное, тоже не знакомы с такой игрой, как шахматы?

– Бенёвский поднял на него задумчивый взгляд. – Я ею увлекаюсь. Смысл ее – в учете всех вариантов развития событий. Кто лучше сумеет предвидеть, тот и победит. Хорошо, я готов признать, что шансы на победу равны, а драка не нужна никому из нас. Но хочу напомнить: Ключ от Подземелья Демона у вас, а у меня... У меня способ найти Дрейка. И если вам нужны сокровища его «Золотой лани», я вам весьма нужен.

– Хватит заговаривать мне зубы! – Бенёвский со своей болтовней выводил меня из себя. – Хватит! С сегодняшнего дня я запрещаю вам разговаривать с членами моего экипажа. Вам и вашим людям! Моя команда получит соответствующий приказ.

– Ваше право, – кивнул полковник.

– И еще я запрещаю вам выходить на палубу вооруженными!

– В сложившейся обстановке это означает запретить мне во все выходить из трюма? – Бенёвский рассмеялся и встал. – А вы и правда тиран, капитан Кристин! Что ж, спущусь в трюм и буду ждать, когда вы сами придете.

Он откланялся и вышел. Покинули каюту и все его люди, последним – Устюжин, напоследок подмигнув Клоду.

– Надо проследить за ними! – Джон тоже выскочил за дверь.

Роберт посмотрел на меня, будто мы тут говорили на китайском, и теперь я должна была все ему перевести. А я, само собой, посмотрела на Дюпона: он предложил эти переговоры.

– В сущности, он согласился на наши условия... – Клод откупорил бутылку вина и налил только себе. – Только вроде как и не согласился. Держим пистолеты под рукой.

– Что значит «буду ждать, пока вы сами придете»?!

– Не знаю, но наверняка ничего хорошего, – Клод вдруг отставил бокал и прислушался. – Роб, ты бы выглянул за дверь, как там...

Я оказалась у двери первая. Вот только она не открывалась – кто-то подпер ее снаружи. Я несколько раз ударила в нее плечом, и тут раздался взрыв. Он прозвучал где-то за бортом, по стене застучали осколки ядра.

– Это еще что?! – я предоставила Клоду и Робу попытаться выломать дверь и подбежала к окну. – Почему марсовый молчал, кто нас атакует?

С кормы никакого корабля я не разглядела. Зато мне стала лучше слышна ругань, вроде бы звуки борьбы, потом – еще один взрыв, где-то ближе к баку. Закричал раненый. Я обернулась на товарищей, которые никак не могли справиться с дверью, и высынулась наружу, собираясь забраться на крышу надстройки. Прямо в лицо мне смотрел Устюжин и дуло его автомата.

– Не стоит, Кристин, – совсем по-доброму сказал он. – Вдруг сорвешься – а за нами две акулы плывут, подачки просят.

Насчет акул он не врал, привязались две попрошайки. Как только кок выливал что-нибудь за борт, твари начинали драку за помои. Но не акулы меня сейчас беспокоили.

– Иван, у вас ничего не выйдет, нас больше! Вы не знаете пиратов, вам не захватить корабль!

– Да никто пока ничего и не захватывает. Так, показали парням, что можем сделать с вашим «Ла Навидад» в открытом

море, вот и все. Мауриций просил вас пока оставаться в каюте. А переговоры он продолжит через час-другой.

Я могла бы выпалить ему в лицо. Но там, за дверью, остался Джон и другие мои люди. Я ограничилась тем, что нашарила на столе бутылку и неожиданно швырнула ее вверх, сама нырнув обратно в каюту. Устюжин выругался по-русски, а потом обиженно прокричал:

– Напрасно вы так, леди капитан! Порядочные люди так с видом не поступают!

Я обернулась к Клоду и Робу. Француз положил руку мне на плечо.

– Во всяком случае, теперь команда ненавидит Бенёвского, одна проблема решена. Даже с теми, кого он уже обратил в свою веру, ему придется опять долго беседовать. И уж конечно, он не может тебя тронуть.

– Да?! – я чувствовала только злость и бессилие. – Капитан здесь, а Бенёвский там! И он может дать нашим пиратам «Золотую лань» Дрейка, полную испанского золота! Моя голова сейчас стоит в десять раз меньше, чем ваши, а ваши не стоят ничего!

– Дело не только в том, что команда встанет за своего капитана, хотя традиция такова. Главное другое, Кристин: они тебя любят. Можно еще взбунтоваться самим против девчонки, поставить капитаном кого-нибудь постарше, поопытнее. Но позволить кому-то тебя обидеть они не могут. А если Бенёвский попытается от тебя избавиться... Парни скорее подорвут «Ла Навидад».

Я посмотрела на Роба. Он кивнул.

– Нам бы только продержаться до темноты.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Гранаты и чужая война

Что бы ни говорили Клод и Роберт насчет отношения ко мне команды, одного объяснить они мне не могли: почему ребята не сделали ни одного выстрела, хотя были заранее готовы к такому развитию ситуации? Позднее Джон рассказал мне, как все произошло. Когда он вышел из каюты, Бенёвский уже держал в руке какой-то предмет, демонстрируя его всем окружающим.

– Ваш капитан думает, что вы можете стрелять в нас! – сказал он, обращаясь к матросам. – Вроде бы так, да у нас есть вот такие штуковины... Смотрите, что случится, если я просто разожму руку!

Миг – и предмет полетел в сторону от «Ла Навидад». Бенёвский швырнул его достаточно далеко, но взрыв, который произошел, когда предмет еще не успел долететь до воды, просто оглушил всех.

– Достаточно разжать руку! – повторил Бенёвский. – И тогда все остальные гранаты взорвутся прямо здесь! Стреляя в нас, вы стреляете в «Ла Навидад», и не из мушкетов, а из пушек!

Джон, еще не зная, что делать, потянул из-за пояса пистолет, но двое каторжан тут же его скрутили. Держа в руке еще одну маленькую, но оттого не менее смертоносную гранату, поляк подошел к Моррисону.

– Боцман, я так же заинтересован в целости корабля, как и все здесь! Единственное, чего я прошу – общего совещания! Ваш капитан слишком юна, чтобы принимать некоторые решения.

– А что вы сделали с Кристин? – хрипло спросил Моррисон.

– Запер в каюте! – честно признался Бенёвский. – Больше ничего. Прикажите стрелкам опустить мушкеты – один случайный выстрел и «Ла Навидад» превратится в пылающий факел, которому недолго гореть.

– Почем я могу знать, что все так, как вы говорите?

По приказу Бенёвского его люди показали, что у каждого из них есть такое же оружие. Матросы смотрели на боцмана. Потерять корабль посреди океана? Уж лучше стоять в Гаване с петлей на шее в окружении конвойных, там хоть можно надеяться на чудо. Полковник второй раз продемонстрировал действие гранаты. На этот раз кого-то зацепило случайным осколком.

– Хорошо, парни! – решил Моррисон. – Пока мы ему поверим! Но только если будет проведено общее совещание!

– Прекрасно! Тогда послушайте, что я вам скажу!

И Бенёвский предался любимому делу: начал долго и страстно говорить о грядущей свободе и счастье для всех. При этом, конечно, не забывая и о «Золотой лани» с ее сокровищами. Тем временем Устюжин с несколькими людьми расположились на корме, а Отто фон Белов – на баке корабля. Ситуация возникла странная: вроде бы «Ла Навидад» был захвачен, а вроде бы и нет.

Мы провели в каюте томительные полчаса. Я расхаживала от окна к двери и обратно, Роб пытался меня успокоить, чем еще больше выводил из себя, а Дюпон перебрасывался какими-то колкостями с Устюжиным. Я поглядывала на него, но француз лишь пожимал плечами: выудить из Ивана какую-то конкретную информацию никак не удавалось.

Затем в дверь постучали и тонкий, испуганный голос попросил не стрелять. Я узнала Руди, того смешного рыжего немца. Он единственный предпочитал проводить время отдельно от товарищей, все старался подружиться с матросами. Конечно, ему поручали всякую пустяковую, но неприятную работу, подшучивали, иногда довольно злово, но Руди только улыбался и тер-

пел. Я запоздало подумала, что до того, как ставить Бенёвскому ультиматум, стоило затащить мальчишку куда-нибудь в угол и как следует допросить.

Дверь открылась. Увидев наши пистолеты, Руди едва не выронил поднос – Бенёвский прислал нам еды. Из-за его плеча выглянул Моррисон.

– Команда прислала меня справиться о вашем здоровье, капитан! Вижу, все хорошо?

– Здоровье в порядке, да вот дверь, кажется, заклинило. Пришли плотника, пусть починит.

– Непременно! – боцман отчаянно подмигивал нам обоими глазами. – Непременно пришлем... Попозже! Нам, видишь ли, никак нельзя стрелять: оказывается, на борту опасные предметы и все взлетит на воздух!

– Тогда не стреляйте, – кивнула я и рывком втащила Руди в каюту. – А плотника все-таки пришлите.

Я показала глазами вниз. И еще раз, и еще. Боцман даже покраснел от натуги, но вдруг расплылся в улыбке и закивал.

– Да, капитан, пришлем плотника смотреть дверь! Слушаюсь!

Показался человек Бенёвского с автоматом и оттолкнул Моррисона от двери.

– Руди! – позвал он.

– Руди остается с нами поболтать.

Я нацелила пистолет прямо в лоб каторжника. Тот нерешительно попятился. Появился Устюжин. Он одним взглядом оценил обстановку, усмехнулся и закрыл дверь.

– Проклятье! – я обернулась к Клоду. – Почему я позволила Бенёвскому поднять на борт те ящики и почему меня никто не остановил?!

– Может, и не в ящиках дело... – пожал плечами Дюпон. – Давай, Кристин, лучше с Руди побеседуем. Ты не против, другожок?

Руди, у которого коленки ходили ходуном, мелко затряс головой. Француз забрал у него поднос, поставил на стол и усадил Руди в кресло.

– Итак, вопрос первый: как Бенёвский собирается отыскать Дрейка в океане?

– Я не знаю! – Руди дрожал и путал английские слова с немецкими. – Я не знаю! Пожалуйста, не делайте мне больно!

– Это надо заслужить! – Клод навис над ним и легонько постучал пистолетом по веснушчатому носу. – Как же получается: все знают, а ты – нет?

– Знают только Иван Устюжин и лейтенант фон Белов! – зашипал Руди. – Наверное, фрекен Моник знает! Ихъ вайсе нихт, герр Дюпон!

– Ты бы поосторожнее с ним! – попросила я. – Все-таки моя каюта, да и заперты мы – что, если сейчас обделается? Сидеть тут с ним?

– Верно, – кивнул Клод, выпрямляясь. – Ну, хотя бы чем Бенёвский так запугал команду?

И Руди все рассказал. Всем, кроме него, полковник заранее раздал гранаты, но приказал пользоваться ими или по его команде, или в случае его гибели. Я совершенно напрасно считала, что болтун не может быть одновременно и человеком действия. Бенёвский исхитрялся каким-то образом совмещать оба эти качества.

Все, что нам оставалось, это ждать и расспрашивать Руди. По делу он ничего сказать не мог, зато поведал о том времени, из которого пришел. Несмотря на все раздражение, я поневоле заслушалась. История и правда была жуткой.

Руди вырос в крохотной рыбачкой деревушке и никогда не собирался брать в руки оружие. Однако началась большая война и в строй поставили почти всех, способных держать оружие. Война шла по всему миру, на суше, на море и каким-то образом даже в воздухе. Роберт спросил его о Шотландии, и Руди под-

твердил: все британские острова захвачены. Та же судьба постигла Францию, Голландию и вообще практически всю Европу. Но война на этом не остановилась, а только набрала ход.

Но самое удивительное, что Руди вовсе не радовался успехам Германии. По его словам, жить в его стране было страшно. Во главе стоял некий фюрер, призвавший немцев завоевать весь мир. Фюрера поддерживал некий орден, вроде рыцарского, и члены этого ордена имели право на все. Они могли схватить любого человека или даже убить его прямо на улице. Немцев силой гнали на войну, и почему такая армия не разбежалась, а упрямо продолжала наступать, было мне совершенно непонятно... Руди говорил об огромных заводах, производящих страшные машины. Немцев на них уже почти не осталось, там трудились рабы, согнанные со всего мира.

– Странно как-то! – я услышала шум под ногами и решила говорить громче. Вдруг нас подслушивают? – Знаю я рабов! Если за ними постоянно не следить, то хоть лопату дай – тут же сломают и будут отдыхать.

– За это расстреливают, – пояснил Руди. – Тут же. Это называется «саботаж».

– Расстреливают?.. – я попыталась это представить. – Да вам придется этим каждый день заниматься – они же упрямые, как ослы! Рабов не хватит. Кнут – это я понимаю.

– Расстреливают, – печально кивнул Руди. – А рабов много. Пленные или просто которых пригнали... Капитан Кристин, пожалуйста, не убивайте меня! И назад я не хочу. Там страшно. У вас лучше, хотя тоже страшно. Но здесь люди добре.

Я только фыркнула. Значит, пираты добре тех, с кем Руди имел дело на своей родине? Замечательные у них там времена. Приходилось верить Прозрачным: в будущем творится что-то невообразимое, и если это можно хоть как-то исправить, то стоило бы попробовать.

– Капитан?

Я присела на корточки. Наш плотник, Тощий Бен, распилил одну из досок пола и заглядывал в небольшую пока щель.

– Сколько потребуется времени, чтобы мы могли спуститься в трюм?

– Не так много, если мне никто не помешает! – Бен говорил глухо. – Они осматривают корабль. Как бы не нашли дыру... Бенёвский хочет общего собрания, и чтобы его люди тоже имели право голоса. Хочет, чтобы мы выбрали нового капитана. Команда за тебя, но что делать? Он же просто взорвет корабль, ему это раз плюнуть! А они там все сумасшедшие, ты знаешь.

– Знаю, – пришлось согласиться мне. – И все же работай. Будет лучше, если мы отсюда выберемся.

Внизу послышалась короткая возня, а потом я увидела в щели голубой глаз, который сразу узнала.

– Может быть, не стоит спешить? – спросила меня Моник. – Девочка, ты ведь помнишь, о чем мы говорили? Я прошу тебя: не мешай Маурицию! И тогда все будет хорошо.

Я со злости топнула каблуком по полу. Моник снизу выругалась – наверное, прижалась к доске лбом, когда со мной говорила.

– Интересно, а почему наша подружка так хочет помочь Бенёвскому? – шепотом спросил Клод. – Тоже верит в счастье для всех? Сомневаюсь. Руди, а ты как думаешь: фрекен Моник искренне помогает полковнику?

– Я не уверен... – немец беспомощно улыбнулся. – Я ведь ничего не знаю, мне не сообщают. Лейтенант фон Белов спросил, хочу ли я навсегда забыть о войне – и я согласился исполнять его приказы. А больше я ни при чем! Но фрекен Моник очень опасная. И... Ну, я слышал один раз, как она говорила Бенёвскому, что хотела бы все вернуть и отдать ту фигурку дельфина ему, а себе не брать. Но полковник сказал, что теперь все устроилось еще лучше и ничего менять не надо. И что теперь она с лейтенантом.

Я взъерошила себе волосы: не забывай, Кристин, ее интерес к Отто – искренний! А значит, он – ее слабое место. Туда и бить, когда придет время. И, вполне возможно, Бенёвский с его любовью к игре в шахматы и просчитыванию вариантов, таким образом и держит ее на поводке.

Размышляя об этом, я понемногу успокоилась, и когда за нами пришли, план был готов. Я первая отдала Устюжину оружие.

– Пожалуйста, не выкидывай ничего эдакого, – серьезно попросил он. – Подумай: ведь это ты первая начала одеяло на себя тянуть! А Мауриций просто говорил с людьми, а вовсе не бунтовал их. Правда на его стороне.

– Ну, конечно! – я фыркнула ему в лицо. – Ладно, Иван. Давай проще: ваша взяла. Ставить под угрозу жизни своих парней я не имею права. Я же не ваш полковник, для которого ваши жизни – плевок на волне!

Устюжин неодобрительно покачал головой, но пропустил меня на палубу. Здесь меня встретили криками. Я взгляделась в лица матросов: они были готовы кинуться в бой, но умирать никому не хотелось. Когда нет даже одного шанса из тысячи, самый лихой пират призадумается. Джон стоял у мачты со связанными руками и смотрел на меня виновато – будто он один мог что-то сделать! Я молча подошла и принялась его развязывать.

– Нельзя допустить, чтобы Бенёвский отобрал у Дрейка добычу, – прошептал Джон. – А он все про это: получите золото, золото... Я ему уже пытался сказать: вы измените историю к худшему, за это придется заплатить многими жизнями! А он только отмахивается. Говорит, на Мадагаскаре все изменится.

– Посмотрим, что можно сделать, – пообещала я и, без спроса вытащив нож из-за пояса стоявшего рядом Устюжина, разрезала веревки. Нож тут же протянула обратно хозяину. – Узел дурацкий какой-то. Моряки так не вяжут.

– Да среди нас настоящих моряков, считай, только я, да Отто, – смущенно признался он, принимая нож.

Я и сама это замечала. Что ж, как капитан должна и это принять к сведению: без нас Бенёвскому будет очень сложно справляться со снастями «Ла Навидад». И людей маловато. В первом же штурме корабль с такой командой ждут большие неприятности.

Председательствовать на собрании выбрали Моррисона. Бенёвский готовился к выступлению, и я с каким-то даже благоговением увидела, что он, присев в стороне, листает какую-то книгу и делает пометки. Он что же, думает, что мои ребята станут это слушать? Да они от фразы длиннее, чем из десяти слов, засыпают стоя! Ладно бы еще Библия... Но книга была написана по-французски. Я увидела это, когда подошла. Еще лучше! Француз у нас на борту был один, и тот мечтал всадить Бенёвскому пулю в лоб.

– Что-то хотите мне сказать? – Бенёвский поднял голову.

– Не вам, сразу команде, – не спрашивая у него разрешения, я забралась на бочонок. – Братва! Я, как всегда, скажу просто: если из-за моего капитанства может пролиться кровь, то я отказываюсь сама! Но лишь временно – до тех пор, пока полковник Бенёвский не приведет нас к Дрейку и его золоту! Потом пусть забирает себе «Золотую лань» и убирается с моего корабля. То же касается всех, кто захочет следовать за ним.

С минуту не было слышно ничего, кроме поскрипывания мачт и шума волн под бушпритом. Обе стороны переваривали мои слова. Я покосилась на Клода – он просто сиял и явно был мней крайне доволен. Бенёвский, захлопнув книгу, смотрел прямо перед собой. Наверняка, опять «просчитывал варианты».

– Что ж, если команда согласна... – он поднялся и снял шляпу.
– Если команда согласна, я буду польщен... Это высокая честь – быть капитаном таких молодцов, как вы. И еще более высокая честь – вести вас к золоту!

Он подбросил шляпу в воздух и получилось глупо, потому что никто его не поддержал. Конечно, спустя секунду заревел басом Устюжин, тут же подхватили другие каторжане, и кто-то из моих тоже присоединился. Но в целом я осталась довольна: капитаном его никто не считал. Временным предводителем – да, но не капитаном. Это не одно и то же. И это означало, что на самом деле капитаном остаюсь я. Это было большее, на что я могла надеяться.

Полковник не был знаком с нашими законами, поэтому решил, что собрание окончилось в его пользу. А может быть, что-то понял, но решил не напрашиваться на неприятности. Он подошел к штурвалу, взглянул на компас и удовлетворенно кивнул.

– Иван, Джон! Определите наше местоположение поточнее! Мне предстоит кое-что предпринять, чтобы не разминуться с Дрейком. И поверьте, мы его не упустим! Барон де Бенёв держит свое слово: вы получите свое золото!

Я прошлась по палубе, молча кивая матросам. Они кивали в ответ и с облегчением принимались за дело. Да, пираты были за меня. Но и за золото тоже. Учитывая, что Дрейка я решила не трогать, придется дать им другое сокровище. И оно есть: то сокровище тамплиеров, к которому шел своей нелегкой дорогой Бенёвский. Но для того, чтобы попасть в секретный Храм на Мадагаскаре, нам понадобится дельфин... Я поискала глазами Джона и он как раз вовремя появился с картой в руках.

– Я подумал, ты захочешь знать, – он показал мне карту. – Мы вот здесь. Еще пара недель и окажемся где-то на пути Дрейка. Еще я снова постарался хоть что-то узнать у Устюжина. Он сказал только, что Дрейку придется с нами встретиться, даже если его корабль станет невидимым. Он совершенно в этом уверен.

– А ты можешь быть совершенно уверен, что «Золотая лань» не потеряет ни одного реала из добычи, – пообещала я своему печальному другу. – Лучше думай, как забрать у Дрейка дель-

фина. Вдруг не отдаст? Только Бенёвскому кажется, что захватить «Золотую лань» просто.

– Он отдаст, – сказал Джон. – Я уверен, Дрейк отдаст дельфина, если я с ним поговорю. Он изменился, Кристин, он уже не пират.

– Дрейк – не пират! – вздохнула я. – Джон, ну что ты такое говоришь. Послушай, я не против того, чтобы помочь Прозрачным, раз уж ты им веришь. Но один раз ты уже поставил свое мнение против моего. Я капитан и хочу быть уверена, что больше такого не случится.

– Я обещаю! – Джон даже шляпу снял. – Я обещаю, Кристин. Ты мой капитан и я тебе верю.

Я вполголоса отдала несколько команд – кто-то же должен приглядывать за мелочами – и отправилась искать Клода. По пути ко мне пристал Руди. Он просто пошел вместе со мной, всем видом показывая, что готов исполнять мои поручения. Что ж, малый был хоть и небольшого ума, и трусоват, а нос держал по ветру! Учитывая, что меньше всего ему хотелось назад на Мировую войну, а речам Бенёвского Руди явно не верил, паренек мог пригодиться. Я оставила его за дверями своей каюты, когда отыскала там Дюпона. Француз пил мое вино и опять катал пули по столу.

– Мсье Дюпон! – пора было поговорить серьезно. – Во-первых, эту каюту, возможно, придется уступить Бенёвскому, так что я не возражаю, что вы без спроса открыли бутылку. Во-вторых, когда я снова стану капитаном, я вам пальцы отстреляю за такое поведение!

– Ты и теперь мой капитан, Кристин, – Клод достал второй бокал, плеснул и мне на несколько глотков. – Только как же я буду стрелять без пальцев? Больше-то я ни на что не гожусь. Погнался за золотом, хотел стать богаче всех королей с помощью Демона, о котором понятия не имел… И теперь вообще не понимаю, чего хочу и за чем плыву.

– Не смей ныть! – мне пришлось сесть и взять бокал. – И хватит молчать. Ты говорил, что можешь кое-что рассказать о Прозрачных. Сейчас самое время.

– Долго же ты терпела! – хмыкнул француз. – Да, Прозрачные приходили ко мне, когда лягушка была у меня. А сейчас ее у меня нет... И хорошо. Лучше бы я ее и не получил от того несчастного конкистадора. Говорить я не спешу, потому что история невеселая.

– Я слушаю.

– Ну... – Дюпон выпил и тут же снова налил себе. – Видишь ли, Прозрачные ведут между собой войну.

– Это я знаю.

– Вот как? – он был удивлен. – Выходит, ты мне тоже много-го не договариваешь. Что ж, не важно. Итак, Прозрачные ве-дут войну. И люди в этой войне – лишь оружие. А волшебные предметы, такие как дельфин или лягушка – пули. Прозрачные не могут использовать предметы сами, и мы для них вроде как мушкеты, понимаешь?

– Я не мушкет. Я могу выстрелить, а могу не выстрелить или вовсе повернуться в другую сторону.

– Да, – кивнул Дюпон. – Только как мушкет может выбирать, в какую сторону стрелять, если не знает, за что идет война? И вообще – какая мушкету разница? Куда стрелять, кто победит, кто хорош, а кто плох... Мушкету это все равно, потому что он просто не в силах понять все эти вещи.

– И что из этого следует? – я никак не понимала, к чему Дю-пон клонит. – Что ты предлагаешь? Выкинуть предметы в оке-ан и послать к дьяволу всех Прозрачных, на какой бы стороне они ни были?

– Я не знаю! – он вскочил и всплеснул руками. – Мерде! Мы уже втянуты в эту игру! И, может быть, оттого, что мы из нее выйдем, кто-то сильно пострадает! Когда Прозрачные пришли ко мне, они хотели, чтобы я убил Дрейка. Тогда весь Серебря-ный Караван, захваченный им совместно с Ле Тетю, достался бы французам. И тогда... Одним словом, морская слава пере-шла бы от Испании не к Британии, а к Франции. Джон помешал

мне это сделать, да и ты помогла ему. Тогда я злился. А теперь рад – я не отвечаю за то, что происходит с историей человечества. Надеюсь, что не отвечаю.

– Да что такого происходит с этой историей?! – я тоже вскочила. – Джон мне уже все уши прожужжал про эту историю, теперь ты?! Вот наш корабль, вот океан, вот враги, а вот добыча – что такого происходит с историей? Все как всегда!

– Да нет же! – Клод снова потянулся к бутылке, и я ударила его по руке. – Скажи-ка, дочь моряка: отчего Колумб отправился через океан искать путь в Индию? Ведь всем известно, что готовилась война с Португалией, что он должен был идти вдоль западного побережья Африки и захватывать их колонии!

– Потому что Васко да Гама обогнул Африку и добрался до Индии, – когда собеседник задает дурацкие вопросы, иногда лучше ему ответить. Иначе разговор затянется. – Потому что сразу после этого португальцы отправили в колонии сильные гарнизоны, чтобы защитить вновь открытый путь. До этого многие считали, что Африка простирается до Южной Земли, и пути в Индию там нет.

– Вот! – Клод сел и как-то глупо улыбнулся. – И я очень удивился, когда Устюжин как-то в разговоре упомянул об экспедиции Васко Да Гама, случившейся уже позже плавания Колумба. Позже, понимаешь? Это был ответ португальцев Испании.

– Что за глупости? – я тоже села. – Я же в Лондоне немного училась, Клод. Тогда все думали, что Колумб нашел дорогу в Индию, а не в Америку. Зачем португальцам плыть вокруг Африки, если есть прямой путь?

– Не знаю, – Клод, покосившись на меня, снова осторожно взялся за бутылку. – Вот только я поговорил на эту тему еще и с Бенёвским, и даже с Отто фон Беловым. И все они знают точно: Васко Да Гама совершил плавание позже Колумба. А мы с тобой точно знаем, что наоборот. Разница в несколько лет, какие пустяки... Кристин, мы уже что-то изменили.

Я задумалась. Конечно, крайне интересно узнать, что прямо вот сейчас мы находились не только не в том веке, где я родилась, но и в какой-то другой истории человечества. Но еще я не могла понять, почему Дюпон считает нас виноватыми в том, что очередность великих открытий поменялась. С минуту я сопротивлялась, потом сдалась.

– Клод, а как мы-то могли на это повлиять? – я спросила почти жалобно. – Ну как?! Мы же не были в эпохе Колумба. И раньше не были. Это же... Это как бы река выше по течению – что внизу в воду не налей, а наверх не попадет!

И тут у Дюпона начали выпучиваться глаза. Я даже испугалась, что они сейчас вывалиются прямо на стол. Потом он залпом допил вино и потряс головой.

– Да, действительно... Но это значит, что кто-то другой это сделал!

– Да почему нет, если Ключей как минимум два! – я рассердилась. – А может, их сотня! Подземелью Оука, может, тысяча лет, да кто там только не бывал! Раз Прозрачные ведут войну, то все может случиться! Может быть, Дрейка на самом деле потопили испанцы во время его кругосветки, и мы никого не встретим – какая наша-то вина?

– Странно, почему мне это сразу в голову не пришло? – Клод выглядел виноватым.

– Потому что ты слишком много пьешь! – я схватила бутылку и вышвырнула ее в окно, к нашим спутницам акулам. – Если уж ты так полюбил думать, Клод, то придумай, что делать с Бенёвским! Прошлая твоя идея оказалась не слишком удачной!

И я покинула каюту, хлопнув дверью. Славший шагах в пяти Руди даже не вздрогнул. Я растолкала его, всмотрелась в глаза – в самом деле, спал. Значит, не подслушивал. Надо было как-то использовать паренька.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Неизвестный враг

Прошло еще несколько дней нашего плавания. Формально командовал Бенёвский, только что ему было командовать? «Ла Навидад» шел к цели, а с парусами лучше управлялась я. Полковник понимал это и не вмешивался. Он продолжал произносить на палубе речи о свободе, но теперь они пользовались куда меньшим успехом – Бенёвский навязал команде свою волю, а такого пираты не прощают. В капитанскую каюту он также не стал вселяться, из галантности – не захотел вытеснить даму. Зато моих соседей Джона и Роба отправил в трюм, разместившись на их месте со своим верным Устюжиным. Клод и Моррисон остались на своем месте. Почему не тронули боцмана, мне было понятно – из своих людей полковник его назначить не мог. А вот Дюпон, не имевший на «Ла Навидад» ни должности, ни обязанностей, остался в своем странном, неопределенном состоянии. Может быть, именно это заставляло Бенёвского держать его поближе, под присмотром.

Итак, на самом деле изменилось совсем немного. Если не считать главного: обстановки. Теперь ко мне относились подчеркнуто вежливо, пусть негромко, но не забывали называть капитаном и вообще всем видом показывали, что ждут только приказа. Вот только приказ этот должен был быть таким, чтобы «Ла Навидад» не пал жертвой нашего противостояния, и все это понимали. Я вела себя смирно, как овечка, но не забывала намекать, что золото Дрейка – на самом деле не такая богатая добыча, как о ней рассказывают, и что Бенёвский знает, где можно взять куда больше. Мои намеки старательно разъяснял рыжий Моррисон – как боцман и авторитетный, опытный пи-

рат. И все же пока я не знала, как объяснить команде, что Дрейка грабить не надо. Да что там, я себе-то это с трудом могла объяснить! Просто не хотела.

Однажды ночью исчез один из людей Бенёвского, отправившийся в галлюн. По пути туда он отправился за борт или по пути оттуда... Я такого приказа не отдавала, и никто, конечно, не признался. Как полковник ни бесился, а сделать ничего не мог. С тех пор меньше чем по трое каторжане не передвигались, что окончательно оторвало их от команды. В свои потери Бенёвский мог записать и Руди, которого я приблизила к себе и держала порученцем. Он даже спать стал отдельно от своих.

Я еще раз попыталась поговорить с Моник. В случившемся перевороте ни она, ни Отто никак не участвовали. Когда я спустилась в трюм и подошла к их отгороженному занавеской уголку, оттуда доносился яростный шепот, эдакая тихая перебранка. Я сперва решила, что Отто начал понимать, с кем связался, и устроил Моник сцену. Даже подкравшись ближе, мало что можно было расслышать, но мне стало ясно, что дело обстоит не совсем так. Вроде как Моник уговаривала Отто на что-то, а тот отказывался. Мое появление не осталось незамеченным: поляк Казимир, дежуривший с оружием в руках возле отдыхающих каторжан, окликнул меня. Моник тут же отдернула занавеску и выскоцила, мгновенно покраснев от злости.

– Что тебе нужно?!

– Полегче, красотка! – я ее даже слегка толкнула в грудь. – Ты еще жива только по моей милости, и эта милость – не бесплатная! У нас есть дело.

– Дело, дело! – она и правда была взбешена. – Я же сказала: сначала я помогу Маурицию, а потом тебе!

– Чем же ты ему поможешь?

– Тебя это не касается! – она на миг замолчала, прислушалась к происходившему за занавеской. – Помогу ему получить то, что ему причитается! Он должен получить дельфина, вот и все!

И ты не будешь мешать, потому что тогда ты никогда, никогда не получишь того, чего хочешь!

— Ах ты, дрянь! — сказала я, чтобы просто выиграть время и обдумать ее слова. — Думаешь, можешь диктовать мне условия?

Моник, не обращая на меня внимания, снова отшатнулась к занавеске и вдруг отдернула ее. Картинка открылась не самая приятная: лейтенант Отто фон Белов, выпучив свои светлые глаза, пытался проглотить пистолет. По крайней мере, мне сперва показалось так, уж очень это выглядело глупо. Да еще эти выпущенные глаза... Будто у него запор! Пока я поняла, что происходит, Моник словно кошка бросилась на приятеля и каким-то образом не позволила ему выстрелить. Или он сам не был готов? Так или иначе, они принялись бороться. Отто тащил что-то на немецком, пытаясь снова засунуть за щеку ствол пистолета, а Моник выкручивала ему руку и кусала пальцы. Так как силы и ловкости нашей авантюристке не занимать, я не сомневалась, чья возьмет. И вообще, захотел бы лейтенант и в самом деле пустить себе пулю в лоб или рот, или куда угодно, то просто врезал бы сперва Моник кулаком, а потом спокойно исполнил задуманное. По крайней мере, когда Джиму-Грязные Руки как-то раз спяну надоело жить, он со своей женой так и поступил, я сама видела. А этот Отто... Не из того теста он был сделан.

Тем не менее подскочили каторжане, помогли отобрать у него пистолет. А Отто, источая слезы и сопли, все кричал о каком-то своем фюрере. То есть, я от Руди немного знала, о каком, но тем меньше понимала, зачем так переживать. Уж страдал бы оттого, что помог Бенёвскому своих друзей погубить, почти всю команду подводной лодки. Но обвинять себя в предательстве короля, как его ни называй, глуповато. Самый лучший король предает всех своих подданных, и не один раз. А уж этот «фюрер» явно превзошел в этом деле и многих из худших.

И все же разговор с Моник в очередной раз не получился. То, что в ходе потасовки кто-то разбил ей локтем губу, меня не слишком утешило. Я поднялась на палубу и столкнулась со спешащим на шум Бенёвским.

– Не торопитесь, полковник, Отто уже спасли.

– А что случилось? – он положил руку на всегда расстегнутую кобуру.

– Бедный мальчик пытался застрелиться.

– Вот дьявол! – Бенёвский нахмурился. – Что же делать? Отобрать у него оружие? В море бросится... Он мне нужен, а Моник не в состоянии справиться!

Я даже рассмеялась: вот такой человек этот полковник. Идет ко всеобщему счастью, к свободе, а о человеке, спасшем его жизнь, беспокоится только потому, что тот, видите ли, нужен.

– Что смешного? – печально спросил он. – Кристин, неужели вы не понимаете? Европейская тирания в двадцатом веке достигла чудовищных размеров! Тиранам мало тел своих несчастных подданных, им нужны и их души. И если в моем времени для этого использовали религию, ужасно мерзкую даже по сути своей, то потом они придумали что-то другое... Все эти «фатерланд», «фюрер», «тевтонский дух» и прочее... Я мало что могу в этом понять, в этом, видимо, надо участвовать. Но, кажется, вся нация искалечена. Вот и Отто – не может простить себе, что пошел за мной, за идеалами свободы и за любимой женщиной. Хотя, что еще нужно человеку, ну скажите?

– Люди разные. Мне вот нужен корабль, море и друзья. А без идеалов я обойдусь. Без любимой женщины тем более.

– Шутите... – Бенёвский оперся о борт. – Море, корабль, друзья – это прекрасно. Но это ведь только для вас. А как же те, кого вы топите в этом море?

– А как же те, кто однажды утопит нас? – мне отец такой смерти не желал, но сам-то всегда говорил, когда ел рыбу: «Будет

вам отмщение, будет, потерпите!». – Кроме того, ваши идеалы – просто слова.

– Слова? – он усмехнулся и процитировал Библию: – «Сначала было слово! Но кроме слов у нас есть секрет тамплиеров, а скоро будет и дельфин. Идемте с нами на Мадагаскар, Кристин. Вы увидите, что порой стоит за словами. Будущее всего мира! И вовсе не такое, что видел бедный Отто.

Закричал марсовый. Мы вместе кинулись к левому борту и увидели вдалеке паруса. Бенёвский поднес к глазам висевший на груди бинокль, и я в который раз подумала, что прежде чем отправить вредного болтуна кормить акул, хорошо бы снять с него эту штуковину.

– Ну, что там?!

– Не знаю... Какой-то двухмачтовый корабль. Флаг вроде бы британский. Но это никак не может быть Дрейк!

Он бросился к себе в каюту, и я сразу поняла: вот сейчас он возьмет то, что помогает ему отыскать «Золотую лань», и проверит. Знать бы, что это! Очередной эпизод войн Прозрачных, какой-то предмет? Я сходила за подзорной трубой. Корабль шел нам наперерез, хотя сильно проигрывал в скорости, и вскоре мы сблизились достаточно, чтобы я смогла его рассмотреть. Небольшой, относительно «Ла Навидад» – старой постройки. На правом борту я насчитала восемь пушечных портов. Но больше всего меня удивил британский флаг. Это – португальские воды! И Дрейк, пробираясь на родину, наверняка шел под их флагом. В крайнем случае – под испанским, как мы, потому что португальского не имели. Так меньше шансов нарваться на неприятности. Зато поднять здесь британский флаг – верный способ их получить.

Я не знала, как поступить. Вообще-то, перед нами была добыча. Мы быстроходнее, сильнее, у нас больше пушек... Вот только вела себя эта добыча странно: шла наперерез и один за другим открывала пушечные порты. Да, с такого расстояния

ядро уже могло долететь. Вот только «долететь» мало, надо еще и попасть. А это – невозможно. Я увидела в трубу, как один из портов заволокло пороховым дымом.

– Что за чушь! – Джон стоял рядом со мной и тоже наблюдал за кораблем в трубу. – Британский корабль в этих морях первым атакует больший испанский?!

– Бред, – согласилась я. – Но он не атакует, а только пытается атаковать, и...

Одинокое ядро, выпущенное противником, врезалось нам прямо в бушприт, перебив несколько шкотов. К счастью, оно было просто чугунным. Тем не менее, они попали! И даже нанесли нам повреждения.

– А кого здесь мог бы обмануть британский флаг? – вдруг спросил Джон, пока я, не веря глазам, разглядывала отлетевшую к нам щепку. – Кто здесь ищет британцев?

– Мы! – Дюпон тоже оказался рядом. – Пора бы готовиться к бою, Кристин!

Второе ядро, из другой пушки, угодило в рею нашей гротмачты, да так удачно, что просто сбило ее. Парус провис, мешая брать ветер соседям. «Ла Навидад» терял скорость. Выстрелила третья пушка, и снова попадание, теперь в основу грота. Конечно, мачта выдержала, но один или два обруча лопнули.

– К бою! – закричала я. – Лево руля! Мы атакуем дьяволов!

Кто мог так стрелять? Лучший канонир, которого я знала – Черный Мерфи. Но уж стариk никогда не стал бы стрелять по «Ла Навидад». Да и не мог он сделать три таких удачных выстрела подряд! Однако удачным оказался и четвертый. Теперь атаке подверглась бизань-мачта, и мы потеряли еще одну рею.

– «Венесуэла»! – сообщил Бенёвский, снова поднеся к глазам бинокль. – Как они это делают, не могу понять! Капитан, если мы не встретимся с ними очень скоро, они на расстоянии разнесут нас, выстрелом!

– Черта с два! – я кинулась на пушечную палубу. Там все было готово. – Наводи по палубе! Огонь!

Увы, наши канониры меня разочаровали. Да и далеково-то было, чтобы взять верный прицел с первого же выстрела. Почти все наши ядра перелетели «Венесуэлу», и лишь одно разорвалось на палубе, слегка повредив фальш-борт. А с их стороны снова прилетело лишь одно ядро. Прилетело и убило рулевого, заодно разнеся штурвал. Оно попало Джойсу точно в грудь! Матросы крестились – мы явно имели дело с колдовством.

– Я же сказала, что мы атакуем дьяволов! Роб, ко второму штурвалу!

«Ла Навидад» был построен как полагается, и второй штурвал находился в кормовой надстройке. Там рулевого достать не так просто, вот только и не видно ему ни черта. Я приказала Джону корректировать курс, и он споро взялся за дело: «Ла Навидад» развернулся носом к врагу, так что неизвестный канонир наконец промазал.

– Стрелок промахнулся! – выкрикнул кто-то, и ему ответили радостными возгласами.

Вот так: у него уже было имя, у этого дьявола: Стрелок! И едва я это поняла, как поняла самое важное. Он один! На «Венесуэле» есть лишь один человек, а может быть, и дьявол, способный положить ядро в корзину с любого расстояния, на которое его может послать пушка. Я отыскала взглядом Дюпона. Он кивнул, но слегка развел руками.

– Ты же видишь, он переходит от орудия к орудию. Надо подойти ближе.

– Наводи на пушки! – скомандовала я. – Всем бить по пушкам! Огонь!

Мы успели сильно сблизиться, и теперь наш залп был куда удачнее. Правда, в пушечный порт угодило лишь одно ядро, зато остальные неплохо поработали над бортом врага. Я про-

верила рулевого: да, мертв, простое чугунное ядро проломило ему грудь и раздавило о ребра сердце.

– Лучше вам не смотреть на такие вещи, Кристин! – Бенёвский сказал эту глупость и еще осмелился мне руку на плечо положить. – Смерть страшна.

– Вы еще по голове меня погладьте, идиот в погонах! – просто заорала я. – Уйдите с палубы, мы атакуем!

Полковник отшатнулся с некоторым недоумением, зато Устюжин за его спиной просто согнулся от смеха. Между тем Стрелок прислал нам еще один подарок. Теперь оказались ранены двое матросов, тянувших шкоты. Маневр был сломан, мы все замедляли и замедляли ход.

– Тогда к делу! – обиженный Бенёвский тоже закричал. – Мы не знаем, кто это, за вами они пришли или за мной, или за обоими! Но в любом случае они, по всей видимости, не знают, что у нас есть автоматическое оружие. Так лучше пусть пока и не знают! Если вы сможете сблизиться, мы преподадим этим пиратам хороший урок! Чем ближе, тем лучше.

– Не смейте называть этих мерзавцев пиратами! – вдруг вскипел Джон. Я удивилась: ему это слово никогда не нравилось.

– Имейте представления о приличиях, сэр! Вы на пиратском судне и говорите с нашим капитаном!

– Позже разберемся! – мне надоела эта перепалка. – Готовьте все, что у вас есть, Бенёвский, и прячьтесь со своими людьми до поры! Попробуем устроить им сюрприз!

Наконец, заговорили все пушки «Венесуэлы», мы были уже близко. Большого урона они нам не нанесли, зато Стрелок, переходя от одного орудия к другому, сделал нам две пробоины прямо по ватерлинии. У нас появились сильные течи, плотник из трюма звал на помощь, перемежая мольбы дикой бранью. Я вдруг с ужасом поняла, что получив еще несколько повреждений, «Ла Навидад» просто не сможет добраться до врага. И тогда Стрелок, лавируя на расстоянии, просто

отправит нас ко дну с помощью древней пушки и чугунных ядер!

– Крючья, канаты, готовьте все к абордажу! Джон, правь прямо на них, позволяю врезаться в борт! Канониры, не молчать! Стрелять по готовности и метить только в их пушки!

Что я еще могла скомандовать? Очередной подарок от Стрелка лишил нас еще одного паруса. «Венесуэла», между тем, начала разворот, явно намереваясь маневрировать и не подпускать нас к себе. Но я видела на палубе людей. Они махали обнаженными саблями, клинки блестели на солнце. Оставалось надеяться, что разворот был нужен, только чтобы использовать пушки другого борта взамен частично поврежденных нашими выстрелами.

– Это японцы, – вдруг сказал Бенёвский, опуская бинокль.
– И, кажется, те самые легендарные самураи, их дворяне. Они чрезвычайно опасны в рукопашном бою.

– Меньше всего я сейчас боюсь рукопашного боя! – сказала я, хотя у самой даже мурашки по коже забегали. Японцы под британским флагом на испанском корабле, да еще в этих водах. Впрочем, ушипнуть себя и проснуться. – Джон, на них, прямо на них!

И Джон, умница, справился. Впрочем, «Венесуэла» и не пыталась отступить. За минуту до того, как наши борта сблизились, началась перестрелка. Люди Бенёвского пока в бой не вступали, зато матросы взялись за мушкеты. «Венесуэла» тоже ответила редкими выстрелами, но вдобавок к ним в нас полетели стрелы. Одна такая, длинная, с красивым оперением, глубоко вонзилась в мачту совсем рядом с моим плечом.

– Присядь! – потянул меня за руку Клод, который тоже решил размяться и заряжал ружье. – Сейчас они закончат разворот и дадут залп. Последний шанс поймать Стрелка.

– Плевать! – и все же я послушно спряталась за фальш-борт. Стрела отчего-то напугала меня больше, чем пули. – Прижмемся и больше не дадим им пустить пушки в ход!

– А что, если он не только из пушки не дает промаха?

Разговаривать было некогда. «Венесуэла» развернулась к нам и ее пушки выстрелили. Мы ответить не могли: Джон подвел «Ла Навидад» почти носом. Ядро, выпущенное Стрелком – а кто это еще мог быть?! – пронеслось над баком, задев по пути двух или трех матросов, и ушло в кормовую надстройку. Бедняга Роб чудом остался жив, да и то потому, что Стрелок его не видел. Даже штурвал оказался поврежден несильно, но мы были в дюйме от полной неспособности совершать маневры.

– Крючья! – скомандовала я. – На абордаж!

Но на «Венесуэле», видимо, только об этом и мечтали, с их стороны тоже полетели «кошки». Кто-то сильно толкнул меня в спину, я оглянулась и увидела Устюжина, тащившего какой-то длинноствольный, блестящий от смазки мушкет. Он оскалился в диковатой улыбке и потряс оружием, из которого свисала начиненная острыми пулями двадцатого века железная лента.

– Вот теперь пусть идут сюда! У Отто на корме такой же, сейчас весело будет!

Вот, значит, что хранилось в ящиках. Что ж, я находилась не в той ситуации, чтобы отказываться от помощи. Если враг не против абордажа, значит, уверен в победе. Повернувшись к Дюпону, я обнаружила его молящимся по-французски. Вот еще новости, нашел время!

– Что ты делаешь?! – я затрясла его. – Клод, бывало хуже!

– Я, кажется, попал! – он повернулся ко мне побледневшее лицо. – Кажется, попал в этого дьявола! Но не знаю, убил ли. Но я стрелял в тот же порт, откуда он выпустил ядро! Не ходи на «Венесуэлу», Кристин, не нужно. Мы справимся без тебя.

Дальше говорить стало некогда. Корабли сцепились и кое-кто из наших, размахивая пистолетами и абордажными саблями, уже готовился перескочить на палубу врага, когда с леденящими душу криками из-за бортов «Венесуэлы» поднялись десятки воинов с обнаженным оружием. Это произошло так неожиданно, и так впечатляюще выглядело, что мои парни на мгновение

замешкались. Впрочем, это не имело значения: совместному, слаженному удару невозможно было противопоставить даже мушкетный залп.

Японцы ворвались на наш корабль и их мечи, казалось, за- сверкали по всей палубе. Конечно, первые их ряды были скошены пистолетными выстрелами, но остальные не дрогнули. Я увидела, как закрутился Роджер, обагряя все вокруг себя хлынувшей из раны кровью, и тут же поняла, что он ищет: собственную руку. Не там искал, она лежала у него под ногами... Все пространство от бака до кормы, куда и пришелся основной удар японцев, оказалось будто под стальным дождем. И от этих косых струй невозможно было скрыться!

Один из воинов кинулся в нашу сторону, и Джон разрядил в него пистолет. Я вскочила и обернулась к Устюжину.

– Где?! Где твое оружие, мои люди гибнут!

– А вот! – крякнув, Иван вскочил на борт и оружие загрохотало, рассыпая вокруг себя железные цилиндры. – Вооооот! Вооооот!

Со стороны кормы до нас долетел такой же звук: это стрелял Отто. Кинжалным огнем они поливали палубу «Венесуэлы», буквально сметая с нее людей. Я тоже поднялась повыше и уви- дела, как захлопнулась крышка трюма: все, кто успел, спрятались там. Но бой на нашей палубе все еще продолжался, успевшие перепрыгнуть к нам японцы не собирались ни сдаваться, ни отступать. Мало того: с их мачт, из-за парусов продолжали лететь стрелы. Одна из них пробила руку Устюжина и он выронил оружие.

– Пулемет, Мауриций! – Иван протянул здоровую руку. – Подай мне пулемет, они снова бегут!

Да, как только огонь с нашего фланга прекратился, японцы снова атаковали, появившись словно бы из каждой щели меж досками палубы. Как же их было много! Я разрядила в насту- павших оба пистолета и взялась за саблю. Однако Бенёвский

пристроил пулемет на фальш-борт и успел начать огонь раньше, чем до нас дотянулись мечи.

– Спускайтесь все сюда! – приказал он в перерывах между очередями. – И пусть рубят концы, надо отойти, отойти от них!

Мне пришлось повторить его приказ. Палуба «Ла Навидад» стала скользкой от крови, и несколько израненных японцев все еще продолжали драться. Мы потеряли многих. Когда почти весь наш борт был освобожден, на палубу «Венесуэлы» вдруг выскочил полуголый человек и с криком кинулся к борту, поднимая над головой бочонок. Мы все увидели горящий фитиль. Только этого не хватало! Мне оказалось не из чего выстрелить, но Клод не подвел и, возле самого борта, японец сбежал с шага. И все же, почти выронив бочонок, снова выпрямился и все же забросил его на «Ла Навидад». Бочонок покатился к корме, матросы кинулись врассыпную. Когда прогремел взрыв, замолчал пулемет Отто – и его, и бывшую с ним Моник порядком оглушило. Впрочем, других потерь не было, если не считать Моррисона, которому рассадило бровь куском обруча. Зато в палубе образовалась настоящая дыра... Бедный «Ла Навидад»! Мы отваливали, отталкиваясь от «Венесуэлы» баграми и веслами под градом стрел. Бенёвский, задрав ствол пулемета, расстрелял нескольких японцев на реях, и отложил оружие.

– Какого черта! – я затрясла его за плечо. – В нас стреляют, надо отвечать!

– Отвечайте пушками, Кристин! – он занялся раной Устюжина. – У нас осталось мало патронов. Еще немного и можно будет выкинуть это железо за борт.

– То же касается и моих пушек, черт вас всех дерi!

Да, запас разрывных ядер подходил к концу. Но сейчас было не время его экономить – я не собиралась прощать «Венесуэле» наших мертвцевов! Чего бы это не стоило, ей придется пойти ко дну. Отдав распоряжения канонирам, я пробежала по кораблю.

Всюду кровь, раненые... И всюду – разбитая оснастка! Стрелок постарался на славу.

– Кристин, вытащи у меня из башки эту штуку! – боцман ничего не видел из-за заливающей его лицо крови и едва не угодил под стрелу.

Я оттащила его в сторону и занялась раной, чтобы немного успокоиться. Кровью меня не испугать, но вот этим проклятым кораблем и безумными японцами на борту... Да, мне стало жутко. Наши пушки почти в упор расстреливали вражеский борт, мы понемногу дрейфовали в сторону, и все же победа не осталась за нами.

– Гранаты! – вспомнила я. – Бенёвский, где же ваши гранаты!

Полковник, перевязывавший товарища, растерянно оглянулся. Между тем команда поддержала меня.

– Что же, против своего корабля, значит, готов был их использовать, а против врага – пожалел?! – заревел Моррисон, и матросы обрушили на голову Бенёвского тучу проклятий. – Что же ты за компаньон?! Как тебе верить?

Вот так и появляются шансы! С помощью гранат, действия которых я еще не видела, мы сможем прикончить команду «Венесуэлы»! И заодно уменьшить запас этого оружия у полковника. Запас, судя по его бегающим глазам, был невелик.

– Докажите, что вы наш друг, Бенёвский, сейчас или никогда!

Я направила на полковника острие сабли и рядом со мной встали мои матросы. Из-за мачты выглянул Клод, усмехнулся Устюжину и поднял заряженное ружье. Раненый Иван тщетно пытался дотянуться до отброшенного в ходе боя автомата.

– Хорошо, но что толку? – Бенёвский все еще колебался. – Мы ведь и так можем с ними разделаться пушками!

– Нет! – настаивала я. – Мы проиграли бой! И мы хотим отомстить! Джон, командуй лево руля, мы возвращаемся!

В другой раз многие, может быть, и засомневались бы. Но команда была слишком горяча от первого боя и теперь, получив новое оружие, рвалась вперед. Бенёвский что-то сказал Устюжину и тот, с досадой сплюнув за борт, пошел отдавать распоряжения. Я успела заметить, что как минимум троих не досчитался и полковник, хотя наши потери были куда выше.

Увидев, что мы возвращаемся, японцы взывали от восторга. Они снова заполонили всю палубу. Сколько же их было на небольшом корабле?! Не меньше двух сотен, а то и больше, и это не считая матросов. Мушкетная пуля, прилетевшая с «Венесуэлы» убила одного и ранила второго матроса, стоявшего за его спиной. Дюпон тут же выстрелил в ответ и подскочил ко мне, потянул за мачту.

– Он жив, я чувствую!

– Стрелок?! – я забыла про этого дьявола. – С чего ты взял?

– Я следил! – Клод указал на палубу. – Там минимум пятеро наших, которым попали в голову. Убивал одного за другим, без промаха. Стрелял в голову, наверняка. Кто это может быть?

Мы снова попрятались. Теперь «кошки» забрасывали только японцы, наши не высовывались. Да и что в том нужды, если враг сам обо всем позаботится. Люди Бенёвского между тем разложили на палубе гранаты и доложили командиру о готовности. Полковник обернулся ко мне.

– Уже очень близко, так что пусть все спрячутся! Ну, и... За павших товарищей! Давай!

Мне хотелось посмотреть, но подскочивший Джон оттянул меня в сторону. Он уже видел, с какой силой и на какое расстояние разлетаются осколки. Впрочем, кое-что я все же увидела. И этого хватило, чтобы понять: в будущем не будет никаких абордажных сражений. Когда сеять смерть так легко, что это способен сделать и ребенок, нет никакого смысла подставлять славных бойцов под нелепую гибель.

Когда взрывы стихли, мы услышали истошные крики десятков раненых. На палубу «Венесуэлы» было страшно смо-

треть даже видавшим виды пиратам. Впечатленные атакой Бенёвского, бойцы не спеша взбирались на борт и рассматривали произведенное гранатами действие. Но так продолжалось недолго: в них снова полетели стрелы. На корабле начинался пожар, в трюм наверняка заливалась вода, но выжившие японцы продолжили бой. И тогда мы бросились вперед.

Добивать раненых – подлое дело. Но только в том случае, если раненый просит о помощи, а не пытается достать тебя мечом даже с разорванным животом. Из будущего пришли эти люди, или из прошлого, меня не волновало. Они убивали моих товарищей, и они должны умереть. Я уже понимала, что вся эта история не может быть ничем иным, кроме как вылазкой Прозрачных, противостоящих тем, которым помогали мы. Но что бы ни говорил Клод о мушкете, которому все равно, куда стрелять, я теперь думала иначе. Мушкет по имени Кристин Ван Дер Вельде выбрал свою сторону просто потому, что враги начали первые.

Из трюма поднимались новые японцы, здоровые или уже раненые прежде. И все они готовы были драться до конца. Опьянение боем – страшная, ни с чем не сравнимая вещь. Мы дрались за каждый дюйм уже тонущей «Венесуэлы», просто потому, что наша победа должна была быть полной. Это касалось не только пиратов. Я видела, как расстрелявший все патроны каторжанин не отступил, а вступил в драку с японцем, орудяя автоматом как дубиной, и упал, разрубленный мечом. Позади что-то кричал Бенёвский, видимо, умоляя остановиться и поберечь себя, но никто его не слушал.

– Джон, последи за ней!

И сбоку возник Джон, отклонив направленный мне в шею удар меча. Вместе мы потеснили японца, и только тогда я поняла, что кричал Дюпон. Где он сам? Когда японец упал, я оглянулась, но нигде его не увидела.

– Не лезь вперед! – теперь Джонни решил стать моей нянькой. – Клод говорит, где-то тут Стрелок! И он пришел, возможно, за тобой!

Между тем выстрелы почти стихли – патроны в автоматах закончились, а мушкеты в горячке боя перезаряжать некогда. И только у бушприта «Венесуэлы», где все еще отчаянно сопротивлялась горстка японцев, то и дело кто-то стрелял из пистолетов. Мне сразу бросились в глаза тела наших матросов – они лежали там гуще, чем в других местах.

– Стрелок! – у меня в глазах потемнело от ярости. Вот кто разбивал мой корабль, когда я ничего не могла сделать! – Стрелок! Я убью его!

Джон пытался меня остановить и получил эфесом в лоб. Он все же кинулся следом, держась за плечо и вот так, вдвоем, мы оказались перед Стрелком. В этот самый миг упал последний из окружавших его товарищей, но и пираты боялись к нему приблизиться. Он лежал, раненый в голову и грудь, а рядом – несколько пистолетов. Узкие, жестокие глаза увидели меня, и я заметила в них радостный, злой огонек. Стрелок поднял пистолет. Я остановилась. Мне просто стало понятно, что все конечно, он не может промахнуться.

Джон схватил валявшийся под ногами мушкет и выстрелил падая, совсем не успев прицелиться. Мушкет оказался заряжен и пуля, ударившись прямо в пистолет Стрелка, вышибла его из руки. С досады вскрикнув, он попытался взять другое оружие, но сломанные пальцы не слушались. Он потянулся другой рукой, но в тот же миг в шею Стрелка вонзился широкий нож.

– Вот так вот! – выдохнул Устюжин и зачем-то стал отряхивать мой камзол. – А я уже думал, леди, конец вам.

– Благодарю, – только и оставалось сказать мне. Впрочем, не смогла удержаться: – В драке всегда немного запачкаешься. А нож могли и не кидать, Стрелок все равно не мог выстрелить.

Устюжин наморщил лоб, вдумываясь, а потом рассмеялся. И натянул мне шляпу на нос. Расправу пришлось отложить на потом – я знала, что Стрелок выстрелил бы снова. Я сняла шляпу, стараясь унять дрожь в руках, и увидела Дюпона. Он, широко улыбаясь, выбирался из трюма.

– Полно воды! Это корыто часа не продержится! – доложил он, проходя мимо меня. – Кстати, они хотели взорвать пороховой погреб. Не успели.

Все так же спокойно Клод подошел к еще хрипящему Стрелку, наступил ему на грудь и выдернул из раны нож. Кровь на миг брызнула фонтаном, и глаза Стрелка закатились. Только мне и Джону было видно, как скользнули за ворот мертвеца пальцы Дюпона, как нашупали что-то, и как окровавленный нож перерезал какой-то шнурок.

– Мертв! – француз подошел к Устюжину и протянул ему нож.

– Да я и сам видел, – хмыкнул Иван и опомнился. – Мауриций! Ты цел, брат?

– Вполне, – Бенёвский мрачно стоял на палубе «Венесуэлы», рассматривая поле боя. – Не могу не отметить, капитан Кристин: вы слишком увлекаетесь боем.

– А я чем не займусь, всем увлекаюсь, полковник Бенёвский! – ни в какой критике я сейчас не нуждалась. – Эй, кто там на ногах?! Обшарьте корабль! Нам нужно все, но прежде всего провиант, вода, канаты и все, что может пригодиться для починки! Моррисон, не изображай из себя раненого, займись делом!

– У нас такие течи, что того гляди пойдем вслед за «Венесуэлой», – проворчал боцман, поправляя повязку. – Всех, кого мог, уже отправил вниз, к Бену. Так что давайте-ка сами займемся остальными делами.

Я оглянулась на свой корабль и едва не заплакала. Несколько рей сбито, паруса обвисли до палубы, на корме черное пятно от пожара. В борту – проломы от ударов ядер. Мне казалось, что

даже стрелы, утыкавшие все судно, причиняют «Ла Навидад» боль. Команда была под стать кораблю: израненные люди помогали друг другу перебраться через борт.

– Парни, мы должны... – начала я и вдруг поняла, что Роберт так и не появился рядом со мной. – Что с Робом?

– Стрела, – вздохнул Джон. – Пробито бедро, нас kvозь.

– Так надо насыпать пороху, поджечь, чтобы заразы не было!

– я двинулась к «Ла Навидад». – А вы обыщите это проклятое корыто, у нас все на исходе!

Но прежде, чем я покинула «Венесуэлу», Дюпон вложил мне в руку нечто металлическое, кольнувшее пальцы. Я опустила глаза и увидела фигурку кобры.

– Стрелок? – тихо спросила я, хотя все поняла.

– Конечно. И мне кажется, он приходил за тобой.

– Да хоть за морским дьяволом! Стрелок у нас ты, оставь себе.

– Обижаете, леди! – Дюпон хрипло рассмеялся. – Заряжаю я теперь не так быстро, но стреляю по-прежнему неплохо. Распорядись этой змей сама, капитан.

Ничего не оставалось, как запихать волшебную фигурку в карман. Не препираться же, пока она не попадется на глаза Бенёвскому. Я перескочила на «Ла Навидад» и пошла искать Роба. Есть время убивать, есть время лечить.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Простить и не простить

Опьянение боем – это прекрасно, только у каждого опьянения есть и оборотная сторона – похмелье. Я проснулась под утро с пересохшим горлом и больной головой. Вода была тут же, в графине на столе, но все тело ломило, и я боялась пошевельнуться. Вспоминались самые неприятные картины вчерашнего. Мои люди умирали... И даже не ради добычи. Они защищали меня. Это, конечно, было единственным правильным выходом, наши головы связаны охотничим соглашением. И атака на любого из нас – атака на всех. Вот только я жива и даже не ранена, а очень многим пришлось отправиться на дно в парусиновом мешке, с чугунным ядром в компании. И то и другое мы взяли на «Венесуэле», своего осталось маловато.

Странный корабль. Испанский, судя по всему, хотя мог быть и португальским, переименованным. Ни одного европейца на борту. Кто послал сюда Стрелка, как он нашел нас? Теперь вряд ли удастся это выяснить. Разве что спросить у Прозрачного, если он еще раз появится. Я отчего-то знала, что появится обязательно. Вот только разговоры с ним всегда одинаковы: он говорит только то, что хочет сказать. Но вчерашний бой многое изменил. Врагов правильнее всего выбирать самому, только не всегда так получается. Вчера враги выбрали меня. Что ж, им же хуже.

Еды на «Венесуэле» оказалось совсем мало, в основном копченое мясо и рис. А вот воды не удалось найти совсем. То ли они прикончили ее перед последним боем, чтобы хоть раз напиться вдоволь, то ли ее и без того не оставалось. И у нас воды было мало. Но мне так хотелось пить... Я решилась, села в постели и

тут же полезла под подушку за пистолетом. К счастью, его там не оказалось, или пришлось бы оттирать от моей двери мозги Руди. Он сидел, прислонившись к ней спиной, и смотрел прямо на меня.

– Дьявол тебя сожри, кто впустил?!

Руди молчал, и я вдруг поняла, что он спит. С открытыми глазами, выпученными, как у какого-нибудь осьминога. Ничего тяжелее подушки у меня не было, поэтому ему повезло второй раз. Он заморгал, поднял ударившую его по лицу подушку и, наконец, сообразил, где находится.

– Что ты здесь делаешь?

– Простите, капитан! – он кое-как встал и сделал шаг к кровати. – Это ваше?

– Стой там и кидай ее мне! Тебе вообще в детстве объясняли, что неприлично торчать возле спящих, нечесаных, помятых девушки?

– Вчера все здорово устали, а я помогал Бену в трюме... – зарыдал Руди. Подушку он мял в руках, никак не решаясь бросить. Бросил наконец, и так вежливо, что она пролетела только половину пути и упала на пол. – Извините. И вы устали, и потом все ушли, а вы приказали принести вам еще бутылку вина, и я пришел, а вы спите. И я как-то уснул.

Я осмотрела каюту. На столе красовались несколько пустых винных бутылок. Значит, похмелье у меня было не только от боя. Оставалось только надеяться, что я к этой «батарее» имею меньшее отношение, чем боцман или Клод.

– Ну и где вино, которое я приказала принести?

– Да я пришел сказать, что все, нет больше вина. Только немного рома. Я пришел, а вы спите.

Подойти и поднять подушку он, конечно же, не решился. Я, кряхтя, поднялась и подобрала ее сама, а потом взяла графин и мелкими глотками, как учил отец, высосала из него всю влагу. Воды на «Ла Навидад» тоже осталось совсем немного, нужно

экономить. Ненавижу умываться морской водой! Но что поделать... Я нашла пистолет, проверила заряд и, можно сказать, окончательно проснулась. Оглянулась на Руди и обнаружила, что он смотрит в сторону.

– Ну ты молодец! Торчать у меня в каюте, когда я сплю – это ничего, а белье, значит, смущает! – я приоткрыла ставень и выглянула в окно. За кормой, на западе, все еще было темно. – Чего ждешь, Руди?

– Капитан Кристин, я вам кое-чего не рассказал... Но думаю, вам будет интересно узнать.

– Мне все интересно! – я вернулась в кровать и накрылась. – Давай, только быстро.

– А я... – Руди сложил руки на груди, будто молиться собрался. – Я могу считать себя членом вашей команды, капитан?

– После вчерашнего-то? Запросто!

Нам дорого стоил вчерашний бой. Только убитыми я потеряла четверть экипажа, еще несколько человек наверняка умерли этой ночью. Из Моррисона лекарь так себе, и от меня мало проку, а больше и нет никого. Много раненых, трудно распределить вахты. Впервые я пожалела, что не держу на корабле коз – все-таки молоко раненым очень полезно. Но вот не держу, чтобы не смеялись за спиной. Потому что в детстве меня коза кормила, а не мать, и шуток на эту тему не люблю.

– Тогда вот что, капитан! – Руди выпрямился. – Осмелюсь доложить: там, на Мадагаскаре, фрекен Моник и полковник Бенёвский с кем-то встречались.

– Интересно! Если, конечно, они не встречались друг с другом, – хотя меня и это интересовало. Меня интересовало все, касавшееся Моник. – Подробнее!

– Ну, об этом почти никто не знал. После того, как... Ну, после того, как почти вся команда погибла, мы обогнули остров и стали на якорь в одной бухте. Не смогу ее показать, я не разбираюсь в картографии. Часть экипажа высадилась на берег. Бенёвский

послал Устюжина и еще несколько человек обследовать какие-то скалы. В лагере остались только он, фрекен Моник, лейтенант и я. Я готовил ужин на всех. Как только ушла группа Устюжина, полковник и фрекен отправились куда-то в другую сторону, вдоль берега. Их не было, наверное, час. Я не знаю, важно это или нет.

— Не знаю.

В общем-то, это было вполне в стиле Моник. Пока был нужен Отто, она с ним, а как появился новый начальник — так у Моник новая любовь. Но то ли Бенёвский оказался умнее, то ли они ходили не за тем... Она ведь и правда любила своего Отто, и вчера вечером не отходила от него, хотя досталось обоим примерно поровну от взрыва бочонка с порохом.

— А что делал лейтенант?

— Лейтенант фон Белов охранял лагерь. И он очень нервничал. Но мне ничего не сказал, а я, конечно, не спрашивал, — Руди закатил глаза, припоминая. — Они тогда поссорились с фрекен Моник. Но потом, по пути сюда, помирились. А мне лейтенант приказал молчать, и полковник тоже.

Не нравился мне этот Отто. Мрачный, влюбленный, склонный к самоубийству... Лучше бы Моник ему не мешала. Но, с другой стороны, Отто — ее слабое место. Тогда пусть живет.

— Значит, Устюжина полковник не посвятил в этот секрет?

— Не могу знать! — Руди вытянулся в струнку. — Но, думаю, посвятил. Только, скорее всего, потом, после дела. Бенёвский никому, кроме Устюжина, до конца не доверяет. Говорят, были еще два человека, но они погибли на Формозе.

— Ладно, ступай. Займись чем-нибудь полезным вроде приборки, а как Бен проснется — снова помогай ему.

— Все еще спят, кроме вахтенных! — Руди замялся и вдруг вытащил из кармана какую-то коробочку с прорезями. — Давайте, я вам чуть-чуть поиграю?

Я потянулась к пистолету. С этими парнями из двадцатого века надо держать ухо востро, особенно когда они держат в

руках что-то непонятное. Но Руди поднес коробочку к губам и принялся издавать какие-то заунывные звуки.

– Прекрати!

Я люблю, как испанцы играют на своих гитарах. Я люблю, когда в тавернах играют пьяные музыканты и все пляшут. А вот таких «та-та-та», да еще на похмельную голову – не люблю!

– Это старинная песня! – Руди, кажется, искренне удивился.

– Я хорошо играю на гармонике! А песня трогательная, она о девушке, у которой умер возлюбленный Августин, и...

– Пошел!! Вон!!!

Он наконец-то убрался. Пора было и самой выйти на палубу. Кое-как приведя себя в порядок и одевшись, я, постанывая от боли в каждой мышце, покинула каюту. По носу небо уже посветлело, вот-вот должен был начаться восход. За штурвалом стоял Джон, мрачный и сонный.

– Привет! – он махнул мне рукой. – Еще пара дней и уткнемся в берег, а Дрейка что-то не видно. Как спалось?

– Прекрасно! Вот только вино кончилось, как всегда, в самый неподходящий момент. Но зато в меня, кажется, влюбился Руди.

Джон скривил губы в подобие улыбки. Ну конечно, мистер Мак-Гиннис полагает, что если его приятель Роб пытается за мной волочиться, то я уже его невеста.

– Кстати, как там Роберт? Спал ночью?

– После того, как ты ему обработала рану порохом? – Джон наконец-то улыбнулся по-настоящему. – Еще как! Один только раз проснулся, растолкал меня и просил пообещать, что ты больше не придешь. И во сне, кажется, убегал от тебя.

– Бедняга! Но с ранами в этих широтах не шутят, любая зараза может убить.

За Роба я особенно не беспокоилась: молодой, крепкий парень, да и рана не серьезная, хотя и потерял немало крови. А вот остальные... Я зашла к раненым и, как и ожидала, нашла

четыре трупа. Еще двое могли скончаться в любой момент. Боцман, к утру набравшись смелости, вдруг решил заштопать себе рану на лбу и теперь, приплясывая от боли, матерился перед зеркалом. Пришлось помочь, а то Моррисон с похмелья и глаза себе мог зашить трясущимися руками.

– Корабль будем латать. Как ни странно, почти все можно починить на ходу, – докладывал он, пока я протыкала ему кожу парусной иглой. – Бен жалуется на пробоины, но плотники всегда жалуются! Пробоины небольшие, даже, можно сказать, аккуратные. Забьем как следует, и продержимся сколько надо, только следить за ними и воду отчерпывать пару раз в сутки. А вот с людьми плохо. Считай, на ногах только половина. Ребята говорят, за тобой приходили. И Стрелок этот – сущий дьявол! Да все они дрались, как дьяволы. А ты что думаешь?

– Думаю, что приходили за мной, – подтвердила я. Не было смысла скрывать правду. – И что думает команда по этому поводу?

– Что мы должны были тебя защитить, что же еще? А еще здорово, что если у Бенёвского и остались эти гранаты, то однадве. Это мы переживем, если потребуется его выкинуть.

– Он приведет нас к золоту, не забывай. Не стоит сейчас его трогать.

Так действительно было нужно. Да и ни к чему, чтобы кто-то собрался кого-нибудь «tronуть» без моего приказа. А Бенёвский сейчас был просто необходим. Я желала отомстить врагам. А по-настоящему это можно было сделать, только выполнив ту миссию, которую Прозрачный возложил на Джона. Значит, сначала надо отыскать Дрейка.

Настала пора завтрака. В моей каюте, как обычно, собирались только свои – Бенёвского и его людей мы не звали. Роберт приковылял сам и зачем-то стал извиняться, что громко орал во время обеззараживания раны. Смешной, я бы еще не так визжала! Ногу показывать не стал, уверил, что все в порядке. Клод

выглядел куда хуже. Он пытался пить ром, но как-то не очень у него получалось. Я даже порадовалась, что вина на корабле больше нет. Мне хотелось посоветоваться.

– Скажите, друзья, я зря вчера второй раз пошла на абордаж? Мы могли потопить «Венесуэлу» ядрами.

– Нет, не зря! – сразу откликнулся Клод. – Это был вызов. Стрелок пришел за тобой, и его нужно было добить. А иначе... Может быть, он и в воде не тонет? Ты же знаешь, что он не просто метко стрелял.

– Ах, да! – я и забыла. – Хочу вам представить новый предмет.

Я отыскала в кармане фигурку кобры. Размышлять о ее свойствах не приходилось – Стрелок без промаха бил по нам и из пушки, и из пистолета.

– Здорово! – Джон покачал кобру перед глазами. – Пригодится. Теперь «Ла Навидад» в море никого к себе не подпустит. Будешь не только капитаном, но и главным канониром.

– Нет, не хочу, – я и правда не хотела. Вообще как-то стала уставать от стрельбы и убийств. – Роберт! Я доверяю эту кобру тебе.

– А почему не Джону? – у Роба глаза загорелись, но он не мог не пос克ромничать. – Джон тебе вчера жизнь спас!

– И Джон, и Иван. И, если разобраться, вы все. Бери кобру, Роб.

Джон только кивнул. Я знала, что наш шотландец до сих пор переживает, что оказался в пиратской компании. Дай такому кобру – а он начнет мучиться, играть в честность. Мол, не по-джентльменски так воевать. К тому же и сам он ее не хотел.

– Тогда дальше! Я приняла сторону в игре Прозрачных. Вчера нам бросили вызов, пытались помешать. Я считаю своим долгом передать дельфина дальше, просто чтобы насолить врагам.

И снова все согласились. Клод, конечно, ухмылялся, зато как был рад Джон! Наконец-то перестал бояться за морскую славу Британии. Оставался последний вопрос, самый сложный.

– А еще я хочу разобраться с Моник. Хватит жрать, дайте совет. Моник обещает вернуть отца. Но может обмануть. Она тоже общалась с Прозрачными, не знаю, с какими. Они, вроде бы, подсказали выход.

– Обманет! – тут же заявил Роб. – Я ей не верю!

– Скорее всего, обманет, – поддержал его Клод. – Но дело не только в этом. Видишь ли...

– Стой! – мне не терпелось изложить свой план. – Прозрачные говорят, что Подземелье Демона не пустит нас в то время и в то место, где мы уже есть. Но я могу нанять команду, дать им корабль и Ключ. Они отправятся туда и спасут отца.

Над столом повисла тишина, даже Клод положил нож, с которого ел солонину.

– И что же получится? – спросил наконец Джон. – Капитан Ван Дер Вельде будет жив, а Моник, скорее всего, убьют. Тогда... Тогда все пойдет иначе?

– Запросто. И неизвестно, что в итоге получится, – Клод печально посмотрел на меня. – Кристин, всего, что произошло, не станет. Все будет по-другому. Может быть, я пристрелю Дрейка. А может быть, твой отец просто заберет у него добычу, хотя скорее всего, и то, и другое. И мы с Джоном никогда не станем друзьями, и ты не станешь такой, как сейчас.

Я зажмурилась. Да, я повзрослела за последнее время, и не жалела об этом. И я была рада, что я – капитан, что со мной трое друзей, которым я могу доверять во всем. Но как много случилось плохого! Прежде всего – смерть отца. Проклятое время! Уберешь плохое – уберешь и хорошее.

– И это не все, – Клод решил меня добить. – Кристин, а зачем его вообще возвращать с того света? Я все понимаю, ты любишь отца и скучаешь по нему, но ведь однажды ты должна

была увидеть его смерть. Случилось лишь то, что должно было случиться рано или поздно.

– Еще неизвестно, кого бы прикончили раньше! – закричала я сквозь слезы. – Может, я и не увидела бы его смерти!

– Ага, он бы увидел твою! – все же Клод бессердечная скотина, каким был, таким и остался. – Вот радость для папаши! Нет, вот уж этого он хотел бы меньше всего. Пусть все идет своим чередом, Кристин. Ван Дер Вельде-старший умер. И это его судьба. Он бы не захотел, чтобы ты все меняла, поверь. Его корабль в надежных руках, и о его дочери тоже есть кому позабочиться. Вот, разве что, если ты вернешься в Лондон и выйдешь замуж за...

– Заткнись! – я утерла слезы салфеткой. – Были у папаши и дурацкие желания. Не все же их выполнять?

Мы снова помолчали. Как ни странно, я не стала возражать. Увидеть отца очень хотелось, а спорить с очевидным – нет. Я капитан. Я должна иметь холодную голову. И Клод, конечно, прав. «Пусть мертвые хоронят своих мертвцев» – отец не слишком жаловал Святое Писание, но эту строчку любил.

– Хорошо! – я встала из-за стола и сунула за пояс пистолет. – Если так, то и с Моник больше церемониться незачем.

Они, конечно, все трое тоже вскочили. В глазах Джона – мольба. Ох, шотландец, нежная душа! Все еще верил он где-то в глубине души, что Моник способна измениться, что не она виновата в своих несчастьях... Тот, кто ищет оправданий, всегда их найдет! Но суть человека никогда не меняется.

– Я пойду с тобой, – решил за всех Клод. – А вы, парни, останьтесь. Будет заварушка – поможете. Роб, не забудь прижать кобру к телу.

– Кристин, не надо! – все же не удержался Джон. – Я понимаю, что ты имеешь право, но...

– Да, она имеет право, – оборвал его букиньяр. – Я тоже не хочу ее крови, но Кристин имеет право.

Больше говорить было не о чем. Я вышла из каюты и вместе с Клодом спустилась в трюм. В углу, где жили «бенёвцы», все спали, даже караульный спал в обнимку с мушкетом. Стонал раненый, про которого еще вчера было ясно, что не выживет. Повсюду – окровавленное тряпье. Под гамаками лежали пулеметы. Страшное оружие! Вот только зубов у него почти не осталось, я видела опустевшие ленты.

Гамаки Моник и Отто были, как и всегда, прикрыты занавеской. Я бесшумно отодвинула ее и тут же встретилась взглядом с Моник. У нее были какие-то пустые, ввалившиеся глаза, да и вся она будто покернела. Дело было не только во вчерашнем взрыве. Снова не поладили с Отто? Он тем временем спокойно спал. Не вступая в разговор, я молча приставила пистолет ко лбу Моник. Она открыла было рот, но тут же в ее глазах появился неподдельный ужас. Я рискнула на миг взглянуть в сторону: Клод с невозмутимым лицом приставил свой пистолет к виску спящего Отто.

– Мне очень жаль, Моник.

– Тебе не в первый раз убивать спящих, да, Клод? – прошептала она. – Прошу, не надо. Не стреляйте.

– Я против Отто ничего не имею, – меня немного удивил такой поворот. – Клод, оставь его.

– Он будет кое-что иметь против тебя, когда выстрелишь, – букиньяр не пошевелился. – Ты наш капитан, и я не собираюсь ждать, когда он на тебя набросится. А ты, Моник, не грусти – многие хотели бы умереть во сне. Уснуть и не проснуться, это так легко.

– Не надо... – по щекам Моник покатились крупные слезы.

– Я очень прошу тебя, Кристин, не убивай меня! Особенно сейчас! Я виновата, но я все верну, все исправлю!

– Врешь, – вздохнула я. – Если ты не убьешь капитана Ван Дер Вельде, то многое не случится. Например, ты никогда не встретишь Отто.

– Я добралась бы до него сквозь века... – почти застонала Моник. – Я бы вытащила его с той войны... Я бы попыталась. Кристин, пожалуйста, я очень тебя прошу! Не убивай меня! Я исчезну из твоей жизни, просто исчезну! Мне ничего не нужно, мы с Отто будем жить где-нибудь тихо, вдалеке от любого моря! Не убивай!

Она попыталась опуститься передо мной на колени, но я не пустила, уткнув дуло пистолета ей в грудь. Глупо все получалось. Я должна была убить ее тогда, в горящем городе! Или еще раньше, на Тортуге! Но я ошиблась, я не справилась. И теперь расплата: передо мной не жестокая тварь, не беспринципная авантюристка, а ревущая баба. Убить ее просто, но так гадко.

– Время идет, Кристин, – Клод не отводил взгляда от спящего.
– Я не буду тебе ничего советовать.

– Куда вы с Бенёвским ходили на Мадагаскаре? – я вспомнила утренний разговор с Руди. – Ты там говорила с Прозрачными?

– Там – нет, они приходили раньше, во сне! – всхлипывая, затараторила Моник. – На Мадагаскаре я должна была показать Бенёвскому, где взять одну вещь...

– Волшебный предмет?

– Нет! То есть – да, но не как дельфин. Это такая коробочка, похожая на компас. Там стрелка. Она указывает на дельфина. Так сказали Прозрачные, я должна была передать ее Маурицию. Он захотел пойти со мной, и мы все нашли там, где и было обещано. Кристин, я говорю правду, не убивай меня! И Отто!

– Ты служила моим врагам. Нашим врагам! – чем сильнее я злилась, тем менее была способна спустить курок. Вот такие странные вещи стали со мной случаться. – Ведь это они вчера напали на нас!

– Мауриций согласился забрать у Дрейка дельфина уже после его кругосветного путешествия, – вздохнула Моник. – А должен был взять его еще там, в Вест-Индии. Коробочка помогла

бы нам его найти. Сначала мы собирались идти прямо на подводной лодке, но не хватило горючего. Отто едва дотянул до Оука, там мы хотели взять у вас корабль и пойти на перехват Дрейка, так требовали Прозрачные. Но Мауриций решил поступить по-своему. Он не доверял Прозрачным! Они рассердились. Теперь мы все в опасности.

– А про способ вернуть моего отца с помощью записки самой себе ты, конечно, солгала?

– Я не знаю! – всхлипнула Моник. – Что я в этом понимаю? Но они сами сказали, что вернуться в то же время и место нельзя! Я старалась придумать... Не убивай меня, прошу!

– Вот заладила! – я влепила ей затреину и убрала пистолет.

– Все, Клод. Мы уходим.

– Ты бы предупреждала, когда вот так звонко бьешь! – пробурчал он. – Я ведь мог и выпалить с перепугу! Что ж, Моник, скажу честно: я рад, что ты осталась жить. Потому что мне тебя жаль.

Она ничего не ответила, только закрыла лицо руками. Мы вышли из-за занавеси. Карабульный проснулся и удивленно смотрел на нас. Я помахала ему рукой.

– Люди ведь не меняются, Клод?

– Немного все же меняются, – он то и дело оглядывался через плечо, всего ожидая от Моник. – Умнеют, вот как. Не все, не всегда... Только те, кому повезет. Мне кажется, Моник начала что-то понимать.

– А ты как был бессердечным убийцей, так и остался.

– Наверное, – признал Клод. – Да и поздно мне менять некоторые привычки. Надеюсь только, что я поумнел. Во всяком случае, я больше не мечтаю забрать себе все золото мира.

По лестнице навстречу нам спускался Бенёвский, бережно поддерживая раненого Ивана. Я встала у них на пути. Полковник, бросив тревожный взгляд в сторону своих людей, раскланялся.

– Рад вас видеть живой и здоровой, Кристин!

– Капитан Кристин, – поправила я. – Пора кое-что мне рассказать и показать.

– Кристин! – Бенёвский поморщился. – Ну уж после вчерашнего-то понятно, что мы все в одной лодке!

– Да, только это моя лодка. Я здесь капитан, а у вас осталось шесть человек, причем скоро будет пять. Хватит пытаться играть на равных.

Бенёвский помолчал, прикидывая.

– Руди вы уже не считаете, капитан Кристин? Да, вы правы... Бедный простачок Руди. Что ж, тогда и вы скажите правду: где волшебный предмет лягушка? И что снял мсье Дюпон с шеи мертвого Стрелка? Иван осмотрел тело и видел след от шнурка на шее.

– Другой предмет. Только и он, и лягушка – моя добыча, вас это не касается. И вы, кажется, не поняли, полковник: хватит пытаться играть на равных! Я могу приказать арестовать вас прямо сейчас и мне плевать, если корабль получит новые повреждения – ко дну вы нас не отправите, всего лишь починка займет больше времени. И я уже знаю, что Стрелок и его меченосцы приходили не только за мной, но и за вами! Даже – из-за вас!

Бенёвский оглянулся на Устюжина. Тот тяжело вздохнул.

– Мауриций, это верно. И мы действительно в одной лодке. А раз так – придется ей рассказать.

– Хорошо, – кивнул полковник. – Тогда давайте отойдем немного в сторону, капитан Кристин. Я прошу у вас прощения, мсье Дюпон.

Клод щелкнул ногтем по полям шляпы. Я пошла было за Бенёвским, но кое-что вспомнила, вернулась и натянула Устюжину шляпу на глаза. Он только кашлянул смущенно.

– Вот! – полковник показал мне коробочку, о которой говорила Моник. – Я называю эту вещь Искатель. Прозрачные каким-то об-

разом оставили мне ее на Мадагаскаре и через Моник указали, где ее искать. Должен сказать, достать Искателя оказалось непросто – с тех пор, как он оказался в тайнике, рядом выросло огромное дерево, и я просто измучился с его корнями. Удивительная штуковина этот Искатель: он указывает на дельфина. Но только на него... Я знал, где находится Дрейк, даже находясь на острове Оук – Искатель чувствует предмет на огромном расстоянии. Но мне не хотелось плясать под дудку каких-то непонятных существ, и я решил немного отойти от их плана. Тем более, вы сами предложили этот вариант – захватить «Золотую лань», полную золота. Я не знаю, насколько легка будет дорога к Храму на Мадагаскаре, и золото на первое время могло бы нас поддержать. Я полагал, что мы подружимся, а мое оружие избавит вашу команду от лишних жертв. Я рассчитывал на долю, и...

– Забудьте о золоте Дрейка, полковник! – я взяла Искателя в руки и покрутила. Стрелка, словно на компасе, всегда указывала в одном направлении. – И давно вы знаете, где Дрейк?

– Искатель заметил дельфина, еще когда мы находились посередине Атлантики! – Бенёвский был так горд, будто сам создал этого Искателя. – Тогда я и перестал волноваться о том, верно ли Дюпон переместил нас во времени. Сейчас Френсис Дрейк, если я верно понимаю, уже обогнул мыс Доброй Надежды и приближается к нам.

– У него дельфин! – напомнила я. – А «Ла Навидад» поврежден. Если проскочит мимо, то вряд ли мы его догоним.

– Вы – капитан! – усмехнулся Бенёвский. – Ваша задача не упустить «Золотую лань».

– Именно так! – я захлопнула крышку на Искателе и убрала его в карман. – Поэтому пусть будет у меня. Мне в любое время дня и ночи важно знать курс Дрейка. И еще я хочу знать, каким вооружением вы располагаете.

– Хорошо, – кивнул Бенёвский. – Надеюсь, отбирать его у нас вы не будете?

– Наверное, нет. Я подумаю.

Он сложил руки на груди и испытующе посмотрел мне в глаза.

– Капитан Кристин, вы пират. Почему вы не хотите напасть на «Золотую лань»? Мне это странно.

– Я общалась с Дрейком, я стала его другом, – беспечно солгала я. Не говорить же ему о наших планах на дельфина. – У пиратов есть свои принципы. Тем более, что и Дрейк – пират.

– Первый пират королевы Елизаветы! – хмыкнул Бенёвский.

– Он же – железный пират. Теперь-то мне понятно, почему так удачны были его подвиги. Что ж, мне остается только довериться вам, Кристин. Но это трудно, пока я не понимаю, в чем ваша выгода. Ведь сделка была простой: я вывозжу на «Золотую лань», золото ваше, дельфин наш. Как теперь?

– Теперь я хотела бы вместе с вами посетить Мадагаскар. Мне тоже стал интересен этот ваш Храм, воздвигнутый рыцарями-монахами.

– Золото! – Бенёвский кивнул на бочонки, в которых покоялось золото тамплиеров, взятое нами у испанцев. – Вы хотите ограбить Храм? Кристин, то есть капитан Кристин, это невозможно! Поэтому я рад вашему желанию посетить Мадагаскар. Я не боюсь угрозы Храму, но надеюсь, что вы и ваша команда станете первыми гражданами нашей Республики!

– Еще бы вы не были рады! – теперь, когда сила была на моей стороне, мне нравилось говорить с полковником. – Корабля-то у вас нет! И «Золотую лань» вы тоже не получите, а значит, без меня на Мадагаскар не попадете.

– Дело не только в этом! Поймите, Кристин, меня ведет судьба! Не Прозрачные, не Демоны, не Подземелья, нет, меня ведет Ее Величество Судьба! – Бенёвского, похоже, снова понесло.

– Сколько раз мне везло? Сколько раз все висело на волоске? Сколько произошло удивительных совпадений? Я попаду на Мадагаскар, Кристин, и я доберусь до Храма, никаким Про-

зрачным меня не остановить! Человечество станет свободно и счастливо. Ведь тамплиеры обладали могущественными знаниями! Увы, они построили Храм, но не успели привести к нему людей. Наоборот, им приходилось прятаться, до поры... А пора пришла только теперь! Зато все складывается прекрасно. А золото Храма вам не получить, сколько бы его не было. Храм охраняет магия, если можно так выразиться. На самом деле это всего лишь неразгаданные до конца силы природы, но если вам угодно – это магия. Ведь пираты суеверны, правда?

– Думайте, что хотите! – я попыталась уйти, но Бенёвский за-городил мне дорогу. – Что еще?

– Счастье человечества, Кристин. Счастье для всех. Это возможно!

Он говорил вкрадчиво, глядя мне в глаза, и на миг в голове пронеслась мысль: а что, если Бенёвский – не сумасшедший? Но только на миг.

– Мы построим там Республику! Ведь что нужно человеку? Сытость, безопасность и безобидные развлечения! Все. Есть избранные, которые выбирают дорогу к знаниям, но обычным людям это ни к чему. Так разве они не заслужили покоя и сытости? Но тираны гонят и гонят их на войну, разоряют хозяйства, натравливают друг на друга. Наша Республика будет основана на Храме, и у нее будет такая сила, которой не обладает никто. Очень скоро государств просто не станет, а вместе с ними не станет и войн. Представьте себе мир без войн, где все – граждане одной Республики! Мирный труд, справедливые налоги. Сытость! Есть еще церковники, но мы раздавим и эту гадину. Религия тысячи лет пьет народную кровь – и ей не будет места в нашей Республике! Люди сами не пойдут в церковь, когда поймут, что им нечего бояться, не надо ничего просить – достаточно соблюдать справедливые законы и трудиться.

– А что насчет жажды наживы? – спросила я, поневоле задумавшись.

– Труд! – оживился Бенёвский. – Разве не труд – самое верное средство обогащения? Сейчас это не так, но в нашей Республике все, кто захочет денег, сможет честно их заработать! Известно ли вам, Кристин, о финансовой системе, построенной тамплиерами? Они были богаты и при этом не грабили, а лишь помогали людям! Поэтому к вам, в пираты, просто никто не пойдет. Проще разбогатеть честно.

Разбогатеть честно? Мне захотелось подняться из трюма на верх, туда, где светило солнце, где попутный ветер пытался обогнать «Ла Навидад», сам же наполняя его паруса. Мы шли за тысячи миль и сотни лет не для того, чтобы «разбогатеть честно», занимаясь какой-то там «финансовой системой». И мы были счастливы, даже сражаясь.

– Нет, Бенёвский, вы чего-то очень важного не понимаете. Но вы такой образованный джентльмен, где мне с вами спорить? Продолжим разговор на Мадагаскаре.

Мы расстались.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Воровство против упрямства

Дрейк приближался к нам с каждым днем. Искатель не показывал нам расстояние до «Золотой лани», но я верила, что пойму это по некоторым признакам. И они пришли – задул постоянный южный ветер. Дельфин помогал Дрейку возвращаться домой, в Англию. Путь был еще долг, но это были сущие пустяки по сравнению с уже преодоленным. От вышедшей в плавание эскадры остался лишь один корабль, который в Тихом океане сменил название, чтобы запутать испанцев. И все удалось. Преодолев огромное расстояние и тысячи опасностей, «железный пират королевы» вез просто огромную добычу. А вслед ему неслись проклятия ограбленных вдов и сирот. Так всегда делалась человеческая история.

Я развернула «Ла Навидад» и пошла по ветру, к северу. К тому времени мы почти закончили починку – настолько, насколько это возможно в открытом море. Несмотря на потрепанный вид, мой корабль все еще был быстроходнее очень многих. Учитывая, что «Золотой лани» пришлось немало потрудиться, я предполагала, что оторваться от нас Дрейку не удастся. Ведь попутный ветер, который дарил ему дельфин, дул и в наши паруса.

– Значит, проблем у нас никаких нет? – спросил Бенёвский, которому мне пришлось все это объяснить. Иначе от него было просто невозможно избавиться. – Не так уж и страшен этот дельфин.

– Дельфин помогает нам, пока мы не мешаем Дрейку! Но если попробовать приблизиться к нему вплотную, все изменится. Малейшие порывы ветра будут срывать наши маневры и помогать ему. Я знаю, что такое дельфин. На море нет союзника сильнее.

Полковник пожал плечами и замолчал. Он не замечал, что его пальцы нервно барабанят по пистолетной кобуре. Что ж, я и сама иногда думала, что неплохо было бы сперва нацелить на Дрейка все оружие, имевшееся в нашем распоряжении, а уж потом попросить об одолжении. Расстаться с дельфином способен не всякий. Хотя Джон отчего-то был уверен, что Дракон, или «Эль Драко», как его прозвали испанцы, просто ждет нас, чтобы вернуть подарок.

Нам повезло: мы увидели парус днем, еще до полудня. И шлюпка, и матросы, и патриот Джон Мак-Гиннис, которому Дрейк должен был доверять, все было готово. Искатель сработал безошибочно, и я подумывала, не дать ли его Джону. Но, поразмыслив, решила, что это лишнее – в любом случае Дрейк не позволит ему свободно шастать по своему судну. Мы пошли параллельным курсом, позволяя «Золотой лани» понемногу себя догонять.

Поначалу Дрейк пытался уйти в сторону, но мы повторяли его маневры. Потом, если я правильно понимала его действия, старый моряк узнал «Ла Навидад» и сам пошел нам навстречу. Однако приближаясь, он открыл пушечные порты. На корабле играли тревогу, и это меня нервировало.

– Если попробует стрелять – плюну на все и пущу его ко дну вместе со всем золотом и дельфином заодно! – вырвалось у меня.

– Бросьте, капитан! – Бенёвскому тоже было неспокойно. – Вы бы тоже так поступили! Но нам следует вести себя спокойно.

Я попросила у него бинокль и взялась рассматривать корабль Дрейка. Ах, что за прекрасная штука этот бинокль! Очень скоро я могла рассмотреть даже выражения лиц матросов. И среди них... Да, я искала его, конечно же, искала! Хотя просто не верила, что старина Джек, Черный Мерфи, еще настолько крепок, что выдержит кругосветку! Он стоял у борта и щурил глаза, выматривая, конечно же, Кристин Ван Дер Вельде.

– Джон, я с тобой! Начинайте спускать шлюпку – пусть видит, что мы хотим поговорить!

– Кристин, это слишком опасно!

Клод попытался схватить меня за плечо, но я вырвалась.

– Вся моя жизнь слишком опасна! Если я могу увидеть Джека Мерфи еще раз, плевать на опасности! У меня не так много друзей, чтобы расставаться с ними вот так, не повидавшись!

Конечно, Мерфи был мне не просто другом. Он был родным. Ни Моррисон, ни другие матросы с «Ла Навидад» не знали меня так давно, как старик Мерфи. Слишком часто менялись матросы на судне отца, и мало кто из них уходил на пенсию. Мерфи ушел с нами в прошлое, Мерфи встретил героя своей юности и остался с ним, чтобы спокойно умереть рядом со своим кумиром. Но черта с два! Море до сих пор не приняло старого пирата, а ведь выходило, что он с Дрейком уже семь лет!

У меня слезы текли из глаз, когда я второпях собиралась, отмахиваясь от всех, пытавшихся меня остановить. Между тем расчет мой оказался верен: Дрейк, увидев шлюпку, лег в дрейф неподалеку от нас. Впрочем, и не так близко, чтобы мы могли решиться на неожиданную атаку. Пушки «Золотой лани» по-прежнему выглядывали из своих портов, и в шлюпке, прямо скажем, было неуютно. Один удачный выстрел – и мы баражатемся в океане.

Готовясь последней сойти в шлюпку, я вдруг увидела рядом Моник. Она просто стояла у борта, и я сначала окликнула ее, а потом уже поняла, зачем.

– Стилет! Дай мне свой стилет, я знаю, у тебя всегда что-то есть!

Она смутилась, а потом быстро вытянула из рукава длинное и узкое лезвие. Я подозревала, что Дрейк в любом случае не подпустит к себе вооруженных чужаков. Так пусть будет хоть что-нибудь. Уже из шлюпки я оглянулась. Конечно, мой поступок был весьма опрометчив, покидать корабль я не имела пра-

ва. И все же здесь оставался и Клод, с оружием наготове, и Роб, который теперь стрелял даже лучше него.

Гребцы доставили нас к борту «Золотой лани» без приключений. Поднявшись на борт, я сразу столкнулась лицом к лицу с Дрейком. Мы раскланялись, разглядывая друг друга.

– Капитан Кристин Ван Дер Вельде, я рад приветствовать вас на борту своего корабля.

– Капитан Френсис Дрейк, счастлива видеть вас живым и здоровым. Потрясена вашими подвигами.

– Благодарю, – Дрейк перевел взгляд на Джона. – И вы тоже почти не изменились, мистер Мак-Гиннис. Странно, ведь столько лет прошло!

– Вы... Вы нам льстите! – Джон взглядел попросил у меня помощи. – Как проходит ваше плавание?

– С успехом, – буркнул Дрейк. – Прошу к себе в каюту. И еще прошу меня извинить, у вас отберут оружие. А гребцам крикните, чтобы возвращались на «Ла Навидад», мы их позовем, когда закончим трапезу.

Что ж, требование разоружиться меня не удивило, а вот отказ Дрейка терпеть возле своего борта шлюпку немного смущил. По всей видимости, он ждал от нас какого-то подвоха. Сбывались худшие ожидания.

– Старина Джек! – закричала я Мерфи, сдавая кортик и пистолеты. – Ты стал совсем морщинистый и будто усох!

– Зато ты подросла и похорошела! – ответил он, и мне стало ужасно грустно, такой старый у него стал голос. – Кристин, я должен спешить на камбуз, но потом буду прислуживать вам за обедом!

Нас, разоруженных, провели в каюту и усадили за стол. Позади и Джона, и меня встало по солдату. Дрейк занял место во главе стола, мрачно уставился на нас и о чем-то задумался.

– Пришло время, – осторожно сказал Джон. – Кое-что должно поменять хозяина. Во славу Британии.

Дрейк молчал. Он сильно постарел. На лице пролегли глубокие, просоленные борозды моряцких морщин. И выражение лица совсем другое – теперь это был Вожак с большой буквы, настоящий морской волк. И следа не осталось от былой мелочности, неуверенности. Не верилось, что когда-то он был способен паниковать.

– Обед у нас довольно бедный, по некоторым причинам. Кстати, как у вас на «Ла Навидад» с запасами?

– Думаю, приблизительно так же, как и у вас. Мы тоже совершили большой переход, – я уже понимала, что Дрейк не отдаст нам дельфина по своей воле. – И нам не хочется, чтобы он оказался напрасным.

– Ну отчего же напрасным?.. – он откинулся на стуле и сложил руки на груди. Точнее – на кирасе, в которой нас и встретил. – Любой поход приносит хотя бы новые знания, делает нас мудрее и сильнее. Тех, кто вернулся, конечно. Сколько вам лет, капитан Кристин?

Я хихикнула. Джон рядом засопел недовольно, но я-то понимала, что терять уже нечего.

– Знаете, я сама запуталась. Может быть, и семнадцать уже.

– Значит, в прошлую нашу встречу вам было около девяти? – складки возле рта Дрейка углубились, это, видимо, обозначало улыбку. – Рано же в ваших краях женщины становятся капитанами. Впрочем, мне наплевать, из каких вы краев. Я, пожалуй, и знать-то этого не желаю. Неплохо бы понять, чего вы хотите, но вы ведь не скажете, верно?

– Мы хотим получить назад ту вещь, которую я дал вам на время, – с нажимом произнес Джон. – Может быть, поговорим без солдат?

– Нет, – качнул головой Дрейк. – Впрочем, это мои доверенные люди, поэтому говорите без обиняков. Вы хотите забрать дельфина? Не получится, я потерял его где-то в Перу.

– Я... – Джон густо покраснел. – Я вам не верю!

– Это оскорбительно! – воскликнул Дрейк, не проявляя никаких эмоций. – Очень жаль, что не верите. Но попробуйте. Все равно вам больше ничего не остается.

Джон свирепо посмотрел на меня. В его честных глазах прямо огромными буквами было написано: достань Искатель и учи его! Я пнула товарища под столом, чтобы помолчал пока.

– Капитан, а почему бы и вам не поверить нам на слово, что мы знаем точно: дельфин у вас.

– Могу поверить. Только это не так. Поэтому и отдать вам мне нечего! – Дрейк развел руками. – Правда, может быть...

– Может быть – что?

– Может быть, колумбов дельфин затерялся где-то в трюме? Сейчас у меня там много всего, но по прибытии в Лондон мы все разгрузим и осмотрим. Тогда буду знать точно. Может быть, тогда и поговорим?

Настала моя очередь откинуться на спинку стула. Я оглядела каюту. Мебель обшарпана, но на стенах висят золотые украшения, дорогое оружие. На окнах – занавески, явно из какого-то испанского особняка позаимствованные. Удачно сходил вокруг света наш капитан Дрейк, сразу заметно. Ветер колыхнул занавеску, и я увидела, что стекол в окне нет, как и на «Ла Навидад» – ветры и волны давно их выбили.

– Френсис Дрейк, сэр! – между тем увещевал Джон. – Я ведь говорил: на вас возложена великая миссия ради Британии! Тогда вы поверили мне! А теперь я говорю: дельфин нужен другому моряку. И ради той же великой цели.

– Тогда я вам поверил, мистер Мак-Гиннис, потому что вы мне давали, а теперь верю с трудом, потому что норовите забрать. Таковы люди! – в дверь просунулся Мерфи с подносом, и Дрейк жестом пригласил его. – Еще раз: простите за убогость стола. И поймите же! Дельфин очень помог мне. Он изменил мою жизнь и, смею надеяться, жизнь моей страны. Но вот теперь, когда я на пороге завершения моего величайшего деяния, вы хотите

его забрать. Мы в чужих водах, до Англии еще очень далеко! Впереди тысячи опасностей, а «Золотая лань» несет в своих трюмах слишком много, чтобы я имел право рисковать.

– Так дельфин все-таки у вас? – вставила я словечко, незаметно запуская руку в карман.

– Не будьте ребенком, Кристин! Впрочем, кем же вам еще быть... – теперь Дрейк улыбнулся шире. – Что я говорю? Да я понятия не имею, сколько вам лет на самом деле, люди ли вы или демоны, и чего хотите от меня на самом деле...

– Что? – Джон опешил. – Вы шутите, капитан Дрейк? Мы такие же люди, как и вы, и так же, как и вы, хотим добра нашей родине! Вы просто обязаны нам помочь!

Умный парень Джон, очень умный. Но иногда несет вот такую ерунду. То, что он и меня приплел к своей дорогой родине, я пропустила мимо ушей, потому что быстро взглянула на стрелку Искателя, благо Мерфи как раз меня на миг загородил. Стрелка показывала прямо на Дрейка. Значит, несмотря на то, что глаза у него были совершенно одинаковые, с дельфином он не расстался. Скорее всего, просто пихнул в карман.

– Солонина и сухари, – виновато шепнул Мерфи. – Даже вина нет. Не знаю, зачем капитану понадобился этот «обед».

– Я сыта, старый дурень! – я обняла Джека, и стоявший за мной солдат подступил ближе. – Так много хочется тебе рассказать, а времени, боюсь, нет.

– Главное я знаю, Кристин: с тобой все хорошо!

Мерфи улыбнулся совершенно беззубым ртом, и я едва не разрыдалась – какой он стал старый!

– Что поделаешь, цинга!

– А хочешь вернуться на «Ла Навидад»? – не удержалась я. – Тебе все будут рады.

– Нет, я уже не тот крепкий старикан, что прежде, – вздохнул он. – Если бы можно было заодно с кораблем вернуть молодость... Но на самом-то деле я думаю, что возвращать ничего

не нужно. Какого дьявола, Кристин? Ты же знаешь, мы всегда жили только вперед! Так и продолжу.

Я только вздохнула. Да, Мерфи тоже был бы против попыток вернуть к жизни отца, переписать историю. Все верно: только вперед, и полный вперед! Я вложила Искатель в руку Джона, который продолжал увершевать Дрейка. Он замолчал, пряча его в рукав, и наш хозяин ответил.

– Ко мне приходили прозрачные демоны. То ли во сне, то ли наяву. Они тоже хотели, чтобы я отдал дельфина, грозили мне. Но я не поверил! И мой корабль прорвался сквозь все преграды, хотя остальные я потерял. Я верил только себе! А демоны не унимались, посыпали штормы и врагов. Но я отправил их ко всем чертям, и теперь «Золотая лань», полная золота и прочего добра, держит курс на Лондон. И дойдет туда, потому что дельфин останется у меня. Я не отдам вам эту вещицу. И ни в каких играх демонов участвовать не собираюсь.

– Зачем же тогда вы взяли нас на борт? – спросил совершенно расстроенный Джон. – Посмеяться?

– Нет, – Дрейк принял за еду и жестом предложил нам присоединиться. – Я в самом делелагаю вам продолжить этот разговор в Лондоне.

– Но вы можете хотя бы дать слово, что в Лондоне вернете нам дельфина? – мой шотландец, кажется, и правда собирался в Англию. – Что ж, давайте договоримся о встрече. Когда вы думаете там быть?

– Как можно быстрее, – Дрейк пожал широкими плечами. – Да о чём договариваться? Разумнее всего будет плыть вместе. В здешних водах корабль хорошо, а два лучше. И безопаснее, и веселее. Особенно – безопаснее: я помню, какие у вас прекрасные пушки.

– Вот-вот! – обрадовалась я. – У нас прекрасные пушки! А вы, кажется, ведете себя так, будто совершенно о них забыли! Знаете, капитан Дрейк, чем больше вы говорите, тем меньше у

«Золотой лани» шансов добраться до Англии. Отдайте дельфина, и я готова отконвоировать вас до самого порта, никому не дам в обиду.

Дрейк метнул на меня суровый взгляд из-под бровей, но решил не отвечать резкостью.

– Если я не ошибаюсь, капитан «Ла Навидад» находится у меня на борту. И он, точнее она, будет здесь находиться. Если ваши друзья решат послать меня на дно вместе с дельфином, вами и вашим другом Джоном – что ж, я приму смерть с достоинством. Но надеюсь, они проявили благородство.

– Так я и знала, – кивнула я. – Значит, переговоры окончены.

Охранявший меня солдат стоял очень удобно, близко и справа. Убивать его не было нужды, я лишь воткнула стилет ему в бедро, заставив вскрикнуть и отскочить. Перемахнуть стол и увернуться от протянутой руки Дрейка – плевое дело! Я даже успела крикнуть «Прощай!» старине Мерфи, прежде чем выпрыгнула в окно.

Стоило, конечно, еще извиниться перед Джоном, что оставил его одного, но вот на это времени не было. Я бултыхнулась в воду и сразу ушла довольно глубоко. С «Ла Навидад» обязательно наблюдали за «Золотой ланью» в несколько десятков глаз и мой прыжок не мог остаться незамеченным. Теперь надо лишь немного продержаться.

Отплыв под водой настолько далеко, насколько позволяло дыхание, я собралась вынырнуть и едва не столкнулась с акулой. Здоровенная тварь спешала ко мне изо всех сил! Проклятая попрошайка следовала за кораблем Дрейка. С перепугу я забилась как припадочная, и акула, смущенная таким поведением, решила сделать круг и присмотреться к добыче. Этого мне хватило, чтобы вынырнуть, вдохнуть воздуха, увидеть спешащий ко мне «Ла Навидад», услышать выстрелы позади и снова нырнуть.

Стилет остался торчать в ноге солдата, да и от него было мало толку. То и дело оглядываясь в поисках врага, я болталась под водой, толком даже не двигаясь вперед. Акулы не было видно, а потом она вдруг оказалась совсем рядом. Слишком близко! От ужаса я уже выпустила в воду весь воздух из легких, изображая крик, но сбоку появилась еще одна быстрая, как молния, хищница, и атаковала первую. Спустя миг мимо меня, оцарапав плавником ногу, пронеслась еще одна. Я поняла, что две акулы, следовавшие за «Ла Навидад», решили сообща отбить добычу у наглой незнакомки.

Уже не боясь пуль, я вынырнула и что было сил поплыла к своему кораблю. Я уже видела, как собравшиеся на бушприте матросы готовятся кинуть мне веревку, слышала, как они меня поторапливают, но понимала: мне не успеть. А потом грянул выстрел и вода у меня за спиной будто закипела. Спустя несколько мгновений я ухватилась за веревку и едва увернулась от разогнавшегося носа «Ла Навидад».

– Я трижды не попал! – почти похвастался Клод, втаскивая меня на борт. – А Роберт прикончил акулу с одного выстрела, и две другие стали ее рвать! Эта кобра – лучше дельфина во сто крат.

– Ты охотник, а не моряк! – выдохнула я, а потом меня скрутил приступ кашля.

Когда из меня вылилась вся проглоченная морская вода, с меня уже стащили мокрый камзол и укутали в одеяло. Пришлось этим одеялом и разгонять чересчур заботливых друзей – нам нельзя было упустить «Золотую лань»! Я кинулась к штурвалу, мы развернулись и начали погоню. «Ла Навидад» быстро набрал скорость и стал нагонять. Ветер, вызываемый дельфином, пока дул и в наши паруса.

– Я помню, как ты управлялась с кораблем, владея дельфином! – Роб хромая подошел и встал рядом. – Нам не подойти достаточно близко. И под наши батареи Дрейк не подставится, увернется. Джон жив?

– Жив! И именно поэтому нам не надо стрелять из всех пушек! Что ты стоишь?! – если бы не раненая нога, бестолковый Роб получил бы хорошую затрещину. – Ступай к любой пушке, и когда подойдем на расстояние выстрела, сшиби ему мачту, что ли! Пусть поймет, что без парусов ему никакой дельфин не поможет!

– Но я не умею наводить пушку!

– Спроси, как, и хотя бы попробуй! У тебя же кобра, не тяни!

Роберт сорвал с шеи шнурок с фигуркой кобры и хотел еще что-то сказать, но я наградила его таким взглядом, что он наконец убрался. Конечно, можно было дать волшебный предмет и опытному пушкарю, да только время дороже.

– Что случилось? – Бенёвский проводил взглядом Роба и решил, что пришло его время получить объяснения. – Вы же не собираетесь топить его вместе с дельфином? Нужно вступить в переговоры! И, кстати, там богатая добыча...

– Заткнитесь, полковник! Не до вас!

Дрейк начал лавировать. И ветры тут же кинулись ему на помощь: он уходил на северо-восток под всеми парусами, а все, что могла сделать я – идти бейдевиндом на север. Только что сокращенное расстояние снова начало увеличиваться. Я уже собиралась сама бежать к пушке, когда услышала выстрел.

Конечно же, Роб попал. Вот только мачта, к моему разочарованию, устояла. Зато удар получила такой сильный, что зашаталась, обрывая снасти. Я увидела, как матросы кинулись убирать паруса. Отлично! Значит, уже не уйдет далеко, будет крутиться рядом. Я передала Моррисону штурвал, перевесилась через фальш-борт и закричала:

– Роб! А теперь в руль ему! Прямо под корму!

Он ответил что-то неразборчиво, а спустя минуту пушка снова выстрелила. Ядро разорвалось именно там, где я и хотела. Мне и проверять было не нужно: лопасть руля если не разбита совсем, то порядком испорчена.

Некоторое время погоня продолжалась с нашим нарастающим преимуществом в скорости, а потом корабль Дрейка лег в дрейф. Ветры перестали нам мешать, и причина тому могла быть только одна: он не касается дельфина. Когда мы приблизились, я увидела, почему: капитан стоял у самого борта, вытянув руку над водой.

– Там, кажется, что-то болтается на цепочке... – Бенёвский прильнул к биноклю – О, нет! Кристин, мы не можем этого допустить, нужны переговоры!

Я лихорадочно соображала, что делать. Рядом с Дрейком стоял Джон, его придерживали двое молодцов, один из которых прижал к горлу шотландца нож. Мы подошли совсем близко.

– Переговоры! – закричал Бенёвский и тут же получил хорошего тычка в спину от Клода.

Естественно, рядом оказался Устюжин, оба были готовы сцепиться, но мне не было до этого дела. Джон поднял руку, привлекая внимание. Я приказала всем молчать.

– Я предлагаю обменять дельфина на кобру! Пусть Роб придет для переговоров, без предмета!

Дрейк покачал дельфином над водой, лишний раз напоминая, что все висит на волоске. Я прикинула, как Роберт сейчас пристрелит его, а я кинусь в воду. Вполне можно успеть, но Джон... Тогда Джон умрет, и этот вариант пришлось отбросить. Тем более, что между кораблями, нагло показывая плавники, проплыли две акулы.

– Держи! – Роб протягивал мне шнурок с коброй. – Я приказал спустить шлюпку.

– Уже приказываешь? – я приняла предмет. – Что он задумал? Почему ты, а не я?

– Потому что ты – капитан. А если Джону нужен я, то я и приду. Дрейк не мог меня звать, он и имени-то моего не помнит.

– Верно...

– И пусть прихватит бутылку рома! – выкрикнул Джон. – У капитана Дрейка давно пересохло горло!

– Отравить ром?.. – пробормотала я. – Когда же мы успеем, да и нечем...

– Он не мог это иметь в виду! – Клод положил руку мне на плечо. – Успокойся. Сосредоточься на Джоне, вдвоем мы можем пристрелить обоих. Он будет свободен и, может быть, прыгнет в шлюпку? Конечно, его не трудно будет пристрелить и там. И зачем-то же ему нужна бутылка?

Шлюпка в несколько гребков преодолела разделявшее корабли пространство, и Роб, держа в одной руке бутылку, с трудом взобрался на борт. Я заметила, как промокла его штанина – не успевшая толком затянуться рана открылась. Только этого не хватало! Я повесила кобру на шею, почувствовав кожей знакомое покалывание.

На «Золотой лани» состоялся короткий разговор. Дрейк что-то спрашивал у Роба, недовольно скривив рот. Потом один из матросов забрал у Роба бутылку, внимательно осмотрел и передал Джону. Тот снял шляпу и пристроил бутылку себе на голову, придерживая одной рукой.

– Стреляй, Кристин! Покажи сэру Френсису, на что способна кобра!

Я беспомощно оглянулась на Клода. Он только пожал плечами. Что ж, я тоже верила в силу предмета, но расстояние все же было приличным, да и корабли немного покачивали.

– Даешь свое ружье?

– Если промажешь, то промажешь. А нет – сгодится и пистолет, – Клод вытащил оружие из-за пояса, взвел курок и протянул мне. – Заряжен. Сделай, что он хочет.

Я медленно подняла руку. Те парни, что держали Джона, тут же отпустили его и отошли на шаг. Роберт тоже шагнул в сторону, наткнувшись спиной на Дрейка. Я собралась было выстрелить, в последний миг передумала и опустила пистолет, но тут

же устыдилась. Я выстрелила почти не целясь, постаравшись взять как можно выше. В самый момент выстрела в глаз будто что-то попало, и он заслезился.

– Что там?! – отвернувшись, я терла глаз рукавом и боялась посмотреть. – Клод, дьявол тебя утащи!

– Ты отстрелила горлышко. Теперь капитан Дрейк может промочить горло, – сообщил буканьер. – Знаешь, мне как охотнику немного обидно. Зато производит впечатление. Но послушай, разве этот дельфин стоит кобры? Хорошенько подумай, Кристин.

– Обмен! – крикнул Дрейк, выразительно покачав дельфином. – Я согласен, но должен проверить еще раз!

– Тогда пусть вернутся мои люди! Или обмен не состоится и продолжим веселую игру: один убегает, другой стреляет! – все, что мне в этот момент было нужно – вернуть и Джона, и Роба. Они мне были дороже предметов. – Обдумайте условия проверки и обмена, а я обдумаю свои!

Дрейк еще думал, а Роб, потянув за рукав Джона, начал спускаться в шлюпку. Какой-то матрос шагнул к шотландцу, желая его задержать, но я выхватила у Дюиона второй пистолет и прицелилась.

– Не промахнусь, даже если захочу! Дрейк, обмен может состояться, только если вернете моих людей!

– Хорошо! – Дрейк махнул рукой. – Я все обдумаю. Но предупреждаю: здесь глубоко, и уж я позабочусь, чтобы дельфин оказался на самом дне!

Он так и стоял, держа фигурку на вытянутой руке, пока мы поднимали шлюпку. Оказавшись на палубе, Джон улыбнулся так, что я удивилась, как у него щеки не лопнули.

– Капитан Кристин, мы можем отплывать!

– С чего вдруг такая радость?

– А вот с чего! – Роб, кривясь от боли и оставляя на палубе кровавые отпечатки, протянул мне фигурку дельфина. – Пока

все смотрели на бутылку, я запустил руку в карман самого Френсиса Дрейка! Вспомнил старые лондонские привычки.

Я схватила дельфина и почувствовала: да, это он. Перепутать прикосновение к предмету невозможно ни с чем.

– А что в руке у Дрейка?

– Не знаю, – пожал плечами Джон. – Что-то похожее. Но Искатель уверенно показывал на его правый карман, а тихонько шарить по карманам у нас умеет только Роберт.

М-да, парни приятно меня удивили. Оставалось только отправить Роберта на перевязку и дать команду поднимать паруса.

– Капитан Дрейк! – крикнула я во избежание недоразумений. – Обмен не состоится. Вы, может быть, немного расстроены, но не советую стрелять со злобы – я вас тогда вдобавок ко всему еще и потоплю! Счастливо добраться до Англии, прощайте!

Дрейк несколько секунд недоуменно смотрел, как мы отплываем, потом полез в карман. Последние слова, которые я от него услышала, были витиеватыми проклятиями.

– И все-таки вы его отпустите? – разочарованно протянул Бенёвский. – Странно. Теперь, когда он показал свои худшие черты характера и все козыри у нас на руках...

Я устала от этого человека. Ведь сказала уже не раз, что «Золотая лань» продолжит свой бег. Почему он решил, что я могу передумать? Это раздражало, особенно после сегодняшнего, не самого простого дня.

– Полковник, вы же знаете, что Дрейк вернулся в Англию с огромной добычей. Зачем вы-то хотите изменить историю? Только ради денег?

– Мне плевать и на деньги, и на ту историю, что случилась помимо меня и моей будущей Республики, – обиженно ответил он. – Это – ошибочная история! Но я все исправлю, и никто не сможет мне помешать.

– У меня уже руки чешутся посадить вас с товарищами в шлюпку, дать бутылку рома на всех вместо воды и посмотреть, как вы там будете строить свою Республику! – я и правда вскипела. – Не суйтесь под горячую руку. Дойдет дело и до вас.

Я пошла было прочь, но поляк заступил мне дорогу.

– Дельфин! Он понадобится мне, чтобы привести корабль в бухту тамплиеров!

На счастье Бенёвского, между нами втиснулся Дюпон.

– Кристин сама найдет дорогу до мыса Доброй Надежды, – удивительно вежливо сказал он. – И ей, как моряку, дельфин поможет куда лучше, чем вам. Сказано же: подождите. Дойдет дело и до вашей бухты.

«Еще как дойдет! – подумала я. – Можешь сколько угодно играть в свои шахматы, но я-то играю в кости. И мне, как всегда, везет!»

Успокоенная этой мыслью, я крикнула Руди, чтобы подготовил мне все для умывания, и отправилась в каюту. Приятно иметь личного камердинера.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Свобода и скука

Погода стояла прекрасная. А какой ей еще быть, если на шее у капитана висит волшебная фигурка дельфина, и капитан никуда не торопится? Я хорошо выспалась и вышла на палубу немного ленивая. Вот почему не стоит слишком часто хорошо высыпаться – все становится слишком приятным, и ничего не хочется. На баке парни развлекались с японским луком, прихваченным с «Венесуэлы». Клод, само собой, уже научился неплохо из него стрелять и объяснял, как это делается, остальным. В качестве мишени использовался пустой бочонок, расстояние совсем маленькое, но все равно время от времени стрела улетала в море. Тогда все хохотали, орали и вообще вели себя как придурки. Редкий случай – пираты веселились без рома. Которого, впрочем, осталось совсем немного.

Ко мне подошел Джон, выискивая что-то в кармане.

– Вчера забыл тебе передать… – он вытащил почерневшую, прогоревшую насеквоздь трубку. – Вот, это Мерфи просил передать. На память. У них табака все равно не осталось, да и не может он уже курить. Сказал, что-то с легкими.

– Вот и его скоро не станет… – я взяла подарок и будто почувствовала тепло рук старого Джека. – Я звала его к нам. Он не пошел.

– Когда мы стояли там, рядом с Дрейком на палубе, он спрятался с мушкетом за якорной лебедкой. Думаю, если бы моей жизни угрожала опасность, Мерфи вмешался бы. А еще он мешал в тебя стрелять, когда ты выпрыгнула за борт, – Джек напустил на себя такой вид, словно на похоронах речь произно-

сил. – Он просил передать тебе: научись прощать людей. Джек сказал, что к старости понял: надо принимать людей какие они есть, со всеми их слабостями. Не надо требовать от людей быть ангелами. Просил передать тебе.

– Да я вроде бы никогда к людям, как к ангелам, не относи-
лась. – я и в самом деле не совсем поняла, что Джек имел в виду.

– Или он понял, что Дрейк, хоть и национальный герой, а все равно человек со слабостями? Ну, сам видишь, я на него зла не держу, а то плавал бы он сейчас кверху пузом.

– Вот-вот... – Джон разволнился и рукавом утер пот. – По-
нимаешь, слабости – они разные. Кто-то кролика зарезать не
может, потому что жалко. А кто-то наоборот, режет почем зря
людей, как кроликов, потому что не видит в этом ничего осо-
бенного. Если бы я погиб там, на «Золотой лани», то тебе все
равно надо было бы отпустить Дрейка. Какой он ни есть, а хо-
роших сторон у него больше, и глядя со стороны...

– Заткнись! – все настроение мне этот шотландец испортил.
– Я никогда не прошу тех, кто тронет моих друзей, и ты это от-
лично знаешь. Ты, конечно, можешь поступать иначе, это твое
дело. Буду теперь знать: ради высших интересов мистер Мак-
Гиннис может позволить прикончить меня прямо у него на гла-
зах и пальцем не пошевельнет.

– Нет, я просто хотел сказать, что...

– Уйди с моих глаз!

Я отпихнула рулевого от штурвала и заняла его место, про-
сто чтобы хоть чем-то заняться. И сразу занозила руку: наш
плотник Бен, видимо, занимался починкой, пьяный вдребезг.

– Руди! Где этот безрукий прощелыга?!

– Это я делал, капитан... – Руди выскочил у меня из-за плеча
и с ужасом уставился на мою руку. – Простите, у меня инстру-
ментов не было! Давайте я вас перевяжу!

– И ты тоже уйди с моих глаз! – не хватало еще из-за пары ка-
пель крови меня в постель укладывать. – Тебе что?

Ко мне, улыбаясь во весь рот, ковылял Роберт. В отличие от Руди, Роб никогда не подлаживался под мое настроение. Но не потому, что не хотел, а потому что не умел совершенно. Вот и теперь не догадался, что я не в духе. Я ему даже морду злую состроила – все равно не догадался. Так и подошел, улыбаясь.

– Ты чего ладонь облизываешь? Сухари кончились? Кристин, дай кобру! Мы с Моррисоном поспорили, что я не рискну пулю себе на голову положить. Давай, Клод собыет!

– А без кобры – испугался, что ли?

– Ну... – улыбка с лица Роба сползла, теперь он удивился. – Конечно, испугался. Клод, стрелок хоть и отличный, но с луком никогда не охотился.

– Так пусть мушкет возьмет! – сегодня все как сговорились меня доставать. – И зачем вам кобра? Надо, чтобы все почестному. Уж в лоб так в лоб. Зато весело, правда?

Роберт погрустнел.

– Ну, не хочешь давать – не давай, ты капитан. Скажи хоть, почему.

– Потому что кобра – не игрушка для идиотов! – взорвалась я. – Потому что если что-то пойдет не так, у меня станет на двух друзей меньше! Потому что того, кто останется жив, я сама пристрелю!

Мои крики заставили команду немного зашевелиться – кто-то занялся приборкой, кто-то вернулся к штопке парусов. Роберт тоже предпочел побыстрее найти себе какое-то занятие, а его место решил занять Клод.

– Ты что раскричалась, Кристин? Надо же разобраться с этим предметом.

– Нечего там разбираться! Даешь такую кобру ребенку, и он начинает стрелять лучше тебя, без всякой учебы, – у Клода вытянулось лицо, и это доставило мне удовольствие. – Да, да! И все твои фокусы со стрельбой теперь никому не нужны, их может повторить каждый.

Ветер понемногу прижимал нас к берегу. Я ничего не имела против – все равно припасы надо пополнять. Прежде всего надо позаботиться о воде, а значит, ищем русло реки. Примерно в районе полудня на горизонте появились далекие горы, я впервые в жизни приблизилась к африканскому берегу.

– Дым! – вдруг закричал марсовый. – Дым впереди по левому борту!

Я уже привычно отыскала глазами Бенёвского и поманила к себе. Мне досталась от отца отличная подзорная труба, но этот бинокль… В очередной раз подумалось, что давно надо найти повод и отобрать его совсем.

Спустя час все стало ясно. Некие веселые ребята под португальским флагом хорошо порезвились в туземной деревушке. Деревушка теперь весело догорала, на берегу трясли копьями какие-то оборванцы, а весельчаки как раз выбрали якорь и правили в открытое море, делая вид, что нас не замечают. Я вернула Бенёвскому бинокль.

– Джон, курс наперерез!

– Послушайте! – Бенёвский, вот кто этим утром еще не выводил меня из себя. – Послушайте, капитан! У нас есть важное дело, великая цель. Неужели вы собираетесь тратить время на пиратство? Я еще понимаю – «Золотая лань», огромная добыча была у нас в руках! Но эти бедняки не сделают вас богатыми! Тем более, я вижу реку, а у нас кончается вода!

– Вот именно! – устало подтвердила я. – И португальцы там не просто у костров погреться решили. У них на борту сейчас есть и бочонки с водой, и припасы, какие они смогли тут найти. Все уже готово, надо только взять.

Бенёвский нахмурился, но Устюжин положил здоровую руку ему на плечо и что-то зашептал на ухо. Слава богу, хоть этот быстро оставил меня в покое. Скоро мы подошли ближе и я разглядела название этой каракки, или как ее там: «Дон Жуан ди Кастрю». Хотя правильнее, наверное, «Каштру» – не знаю, не

сильна в португальском. На палубе, понятное дело, вовсю шли приготовления к бою.

– Поднимем «Веселого Роджера»? – предложил Моррисон.

– Нет, – решила я, немного подумав. – Лучше будет оставить испанский флаг.

Мира между испанцами и португальцами никогда не было, только перемирия иногда. А уж в этих водах они нападают друг на друга постоянно. Португальцы не хотят, чтобы вокруг Африки ходили еще чьи-то суда, а испанцы знают, что в случае встречи терять им нечего. И все же испанский флаг не должен был напугать их слишком сильно – в рабство угодить можно запросто, а вот топить людей без причины никто не станет. Так что пусть лучше пока не знают, что мы пираты.

Я спустилась к пушкам, выбрала одну и стала командовать наводкой, предварительно повесив на шею кобру. Кажется, дельфин не возражал. Когда мы еще немного приблизились, я приняла от канонира горящий фитиль и рискнула. К этому просто нельзя было привыкнуть! Моя неопытная наводка оказалась точна: описав высокую дугу, ядро попало почти туда, куда я целилась. Но все же почти – примерно на фут левее. Поэтому просто порвало парус, не задев мачты.

– Вот видишь! – Клод, конечно, накручивал усы. – Я же говорил, что с предметом надо разобраться! Вдруг именно тебя он не слушается?

Я приказала заряжать и отошла от пушки. В самом деле, предметы имеют какой-то характер... Дюпон ведь не мог сам воспользоваться дельфином, потому что его украл. В этот раз вором оказался Роберт, а я приняла его как подарок. Дельфин подчинился мне. Кобра... Нет, с ней все должно было быть в порядке.

– Клод, перестань меня бесить! Я ведь уже стреляла в бутылку на голове Джона!

– Да я просто пошутил! – он и в самом деле удивился. – Что тебя гнетет все утро?

Лучше бы не спрашивал! Да, была одна мысль, или даже чувство, которое я изо всех сил старалась не пускать в голову. Смутные воспоминания о каком-то сне. Что-то, что заставляло нервничать.

Я вернулась к пушке, по пути задев плечом Дюона, и снова навела в то же место. Португальцы как раз открывали пушечные порты – думали, что это был пристрелочный выстрел, случайно едва не задевший мачту. Я снова поднесла к пушке фитиль, и в этот раз все прошло как по маслу. Ядро ударились в мачту, разорвалось, и две трети переломленного гнота рухнули им на палубу, запутали шкоты, сделали невозможным управление парусами.

– Право руля! – я не хотела подходить близко и оказаться под огнем. – Держаться на таком расстоянии!

Третьим выстрелом я уронила португальцам вторую и последнюю мачту – просто чтобы они не считали мои проделки случайными.

– Джон! Правь кораблем – сделаем круг. Огня не открывать.

– Хорошо бы все-таки положить им пару ядер на палубу, – заметил Моррисон. – Ты, конечно, произвела впечатление, но если еще перебить человек двадцать, они будут говорчивее.

Боцман искренне не понимал моего поведения. А мне не хотелось объяснять, что убивать таким образом – все равно, что убивать безоружных. Это как минимум скучно. Скучно, точно так же, как скучно ходить по морям с дельфином. Все штормы обойдут нас стороной, если только я сама не захочу с ними встретиться. И ветер будет попутным, и матросы будут дремать на палубе... И ни один враг не сможет нас обидеть, пока рядом с дельфином у меня на шее висит кобра. Разве что вдруг появится подводная лодка или еще какое-нибудь чудовище из далекого будущего.

Я вздохнула. Как ни загоняй печальную мысль поглубже, а она все равно выберется на поверхность. Мне не нравились эти

предметы! Но и расстаться с ними глупо. Тем более, я капитан, а команду такое положение вещей вполне устраивает. Конечно, все давно уже знают о волшебных фигурках. Знают, и рады им! Все, кроме меня.

– Сигнальте – переговоры! Или пустим их ко дну.

Спустя полчаса португальцы спустили шлюпку. Она проделала половину расстояния между кораблями и остановилась, ожидая, видимо, и с нашей стороны такого же поведения. Пожав плечами, я встала к штурвалу и спустя пять минут «Ла Навидад» навис над шлюпкой своей громадой. Гребцы поняли, что уйти от нас не получится, и бросили весла. Еще через пять минут к нам на борт поднялся толстый мужчина в богатой одежде. Его бородатое, загорелое лицо выражало крайнее недовольство.

– Вы говорите по-английски? – спросила я. – Так будет проще.

– Вот и я видеть, что не испанцы здесь! Вы нападать как пираты, английские моряки?! – португалец даже ногой притопнул.

– Вы права не иметь тут находиться, чужие воды!

Я не была расположена к долгим переговорам, игре в оскорбления и тому подобному. Поэтому просто приказала притащить толстяка к пушке.

– Просто скажите: куда вы хотите, чтобы я положила ядро?

– Себе в голова! – прошипел он, вырываясь из рук наших матросов. – Что ты хочешь?

– Я хотеть вам кое-что показать! Например, как можно уронить честь флага, – прицелилась я теперь в кормовой флаг, точнее, в то место, где он крепился к судну. Очень скоро флаг плавал в воде. – Вот так. Если хотите – всажу ядро куда-нибудь еще. Прямо в какого-нибудь матроса, например, по вашему выбору.

Португалец перестал вырываться и мрачно смотрел на меня. Это могло продолжаться долго, поэтому я приказала снова заряжать.

– Знаете, что? Топить я вас не буду, и «Дон» ваш мне не нужен. Но раз вы никуда не торопитесь, то я вам сейчас хорошую дыру сделаю в борту – просто, чтобы было чем заняться перед починкой мачт.

– Что вы хотите? – снова спросил португалец.

– Хочу, чтобы ваша команда сложила оружие и впустила моих людей на борт, что же еще? Мы собираемся взять все, что нам нужно. А ваши жизни и ваш корабль меня не интересуют.

– Я не капитан, – печально сказал он. – Но если вы меня отпустить, я постараюсь убедить дон Диаш. Но он мне не верить. Я и сам не верить, дьявол!

– Заряжай! – что мне оставалось делать? Только продолжать эти скучные упражнения. – Теперь в бушприт.

– Не надо! – взмолился португалец. – Наши последние паруса там. Здесь шторм часто, к берег надо плыть.

Тогда я выстрелила снова в мачту. Теперь и оставшаяся треть грота покосилась. Португалец молча спустился в свою шлюпку и вернулся на корабль. Меня совсем разобрала тоска, и только Джон догадался огласить наши условия: команду в шлюпки без оружия, пушечные порты закрыть, на судне остаются только офицеры.

Капитану Диашу потребовался целый час, чтобы решиться. Я уже собиралась отдать кобру Робу и отправить его пострелять – ну нельзя же было торчать друг напротив друга целый день! Однако шлюпки наконец были спущены, и Бенёвский в бинокль не заметил, чтобы в них грузили оружие. Впрочем, его могли положить заранее. Я бы так сделала обязательно.

Мы подошли вплотную, зацепились «кошками» и перебросили трап с борта на борт. Португальцы, восемь человек, встретили нас на палубе. Капитан Диаш, верзила с испещренным шрамами лицом, произнес какую-то речь и вручил мне шпагу. Я ни слова не поняла, но подарок приняла вежливо. Матросы обыскали судно: все без обмана, никто нигде не спрятался. Если

только не считать запертых в трюме негров, человек тридцать. Всех их явно взяли в той самой деревушке, дым от которой мы видели до сих пор. А еще этот «Дон» просто ломился от восточного товара: пряности, шелк, чай... Я поманила к себе дона Бартоломеу, того самого толстяка-переговорщика, и попросила все объяснить.

– Мы идти из Индия! Хорошее плавание. Если бы не вы.

– Нам нужна вся вода и весь провиант, – начала перечислять я. – Пожалуй, половина пороха и свинец для пуль. Еще я заберу вашу козу. Не потому, что люблю коз, а потому что у меня на борту раненые и им нужно молоко.

– И все? – не поверил португалец. Он посветлел лицом, и тут же опять разгневался. – Зачем тогда в нас стрелять?! Зачем разбой?!

– Потому что так мне проще! – пояснила я. – К тому же, из вшего груза я тоже кое-что возьму, просто для себя и команды. Но вы останетесь с неплохой прибылью.

– Вино! – подсказал Дюпон. – Еще мы заберем вино!

Бартоломеу закатил глаза и перевел наш разговор капитану. Вышло довольно долго: насколько я поняла, из-за того, что португалец очень много ругался. Дон Диаш вытаращил на меня глаза и впал в оцепенение.

– Может, все же возьмем что-нибудь? – предложил Роб. – А то они, кажется, обижаются.

– Да мне наплевать! – честно призналась я, и тут вспомнила о рабах. – Бартоломеу! А какого черта вы с таким богатым грузом решили еще и людей похвватать?

– Просто заодно! Место в трюме мало, но все равно ведь не все выживать! – сердитый португалец шумно дышал. – И что делать ваш человек там с команда наша?

Я проследила за его взглядом и увидела сидящего на борту Устюжина с оружием в руках. Он смотрел вниз, и я догадалась, что Бенёвский спустился в шлюпку к португальским матросам.

– Иван! Твой Мауриций что, умрет, если перестанет всем рассказывать о счастье и свободе?

– А вдруг кто-то захочет плыть с нами? – отвечая, Устюжин продолжал внимательно следить за происходящим в шлюпке.

– Это ведь бедные люди! Вся прибыль от добычи этим донам пойдет, а матросам зачем на них горбатиться?

– Правильно, пусть идут в пираты! Извините, – я улыбнулась дону Диашу, – если вашей команды немного убудет. Этот джентльмен умеет уговаривать. И, если уж говорить о счастье и свободе, то я хочу дать свободу вашим неграм. Хватит с дона Диаша и пряностей.

– Несправедливо! – упрямый Бартоломеу снова нашел повод злиться. – Почему пряность можно, негры нельзя?!

– Будешь еще на меня кричать, и пряность твою вывалю прямо в море! – рявкнула я на него. – Хватит ворчать! Я сказала всем свободу – значит, всем свободу! Джон, выпусти их.

– С удовольствием!

Пока негры с опаской выбирались из трюма, я пыталась разобраться, что все-таки мною движет. В наших краях захват людей – обычное дело. Бывает, что после удачного набега и плантаторы становятся рабами. Но эти дикари, которых поймали и затолкали в тесную клеть, чтобы, может быть, держать там еще два месяца, вызывали у меня не совсем понятную жалость.

– Как вы их поймали? – спросила я у Бартоломеу.

– Обычно как! – пропыхтел он. – Туда плыть – вставать якорь, подарки-бусы дарить. Обратно плыть – вставать якорь, все за подарки приходить, мы сколько надо ловить.

– Боже мой! – Бенёвский наконец вернулся на борт и увидел негров. – Ну вот, еще один страшный порок – рабство! Человек не должен владеть другим человеком, словно имуществом! Кристин, я надеюсь, мы освободим этих несчастных?

Мне сразу захотелось загнать негров обратно в трюм. Но из-за своей неприязни к зануде Бенёвскому не хотелось портить людям жизнь. Пусть уж им сегодня повезет, простакам доверчивым.

– И еще! – полковник просто сиял. – Семь человек согласны плыть со мной на Мадагаскар! Граждан Либерталии становятся больше!

– Еще каких граждан?! – прямо-таки подпрыгнул Бартоломеу, но я посмотрела на него сурово, и продолжил он тише и по-португальски.

– Я неплохо вас понимаю, милейший! – Бенёвский раскланялся. – Прошу прощения, но я считаю всех людей свободными от рождения. Чего желаю и вам.

– Пусть приходят без оружия и ведут себя тихо, – согласилась я. – У меня маловато команды. А сейчас нам нужна помощь с погрузкой.

За час мы почти управились. Матросам я разрешила подняться на борт «Дона» с длинным именем, а негры, наоборот, начали спускаться. Все, кроме двух, которых Бенёвский ухитрился уговорить отправиться с ним на Мадагаскар. По тому, как один из них попытался поцеловать ему руку, я догадалась, что именно полковник в их глазах выглядит освободителем. Но мне было все равно. Главное, чтобы в пути от работы не отлынивали, а то мигом окажутся за бортом.

Уже когда я поднялась на трап, чтобы вернуться на «Ла Навидад», меня окликнул Роберт. Он, хромая, тащил тяжеленную резную шкатулку. Опустив ее на трап передо мной, он утер пот и откинул крышку. Шкатулка оказалась полна золотых украшений, сверкали драгоценные камни.

– Я просто чувствовал, что там что-то есть! – засмеялся Роб. – Все-таки нашел в одной из кают!

– Что вы молчали? – я укоризненно посмотрела на Бартоломеу. – Золото – другое дело! Это я обязательно заберу.

– Я не знать, откуда! – Бартоломеу и правда выглядел удивленным. – Это не наш.

– Конечно, не ваш! Потому что он уже наш! – передразнила я его. – Все, заканчиваем! И не вздумайте стрелять в шлюпки с неграми – вернусь и потоплю!

– Это мое золото!

Все время молчавший португалец, невысокий и смуглый, пошел ко мне. Он весь дрожал от страха и злости, но остановиться не мог. По-английски он говорил в совершенстве.

– Фария! – зло буркнул Бартоломеу. – Конечно, это Фария!

– Я добыл его сам! Оно только мое!

– Да где же ваше, дон? – мне стало забавно, но на всякий случай я вытащила пистолет. – Оно уже мое, разве не видите?

– Я всем рисковал! – при виде пистолета португалец остановился, но не смирился. – Я один, один вошел в дом раджи! Я был там первым, я это нашел, и это мое!

Его товарищи выглядели смущенными. Ничего удивительного – целая шкатулка! Это не колечко на память припрятать от товарищей, хотя пираты и за колечко могут лишить и доли, и головы. Может быть, он и вошел в какой-то дом какого-то раджи первым, но плыли к этому дому через половину мира они все вместе. Ненавижу таких людей.

– А ты грабишь ради забавы! – вдруг закричал Фария. – Тебе даже не нужно это все! Ты, дрянь, приходишь и берешь то, что тебе не принадлежит, только чтобы развлечься! Хотел бы я видеть, как ты однажды запляшешь на веревке! Грязная воровка!

Что ж, желающих увидеть меня на веревке, смею надеяться, на земле немало. И я их прекрасно понимаю. Но вот оскорблять меня... Это неправильно. Тем более, когда это делает человек, к которому я сама не испытываю ни малейшего уважения. Но, как говорил покойный папа, «Не прикончила человека сразу – дай ему шанс!».

– Ну хорошо, можешь забрать свое золото. Только учти: тебе придется покинуть корабль. Ты больше не член команды.

Он оглянулся на капитана, и тот плонул в его сторону. Тогда Фария повернулся к шлюпкам с неграми.

– Подождите! – хрюпло крикнул он. – Я вам заплачу! Ты в самом деле отдашь мне золото и оставишь здесь?

– В самом деле, – подтвердила я. – Бери.

Он поднялся на трап, подошел, нагнулся и хотел было поднять шкатулку, но я поставила на нее сапог.

– Нет, шкатулка мне чем-то нравится. Вместительная такая, красивая… Я в ней буду держать веера, или пистолеты, или сушеные головы врагов – что-нибудь такое, – Фария смотрел на меня, ничего не понимая. – Я серьезно: шкатулку не отдам. А золото бери.

Он опустился на колени и стал быстро, жадно распихивать украшения по карманам. Не прошло и минуты, как шкатулка полностью опустела. Он даже и не подумал что-нибудь подарить мне, такой доброй и щедрой! Я посмотрела на его товарищай. Все отвернулись, и только Бартоломеу, то бледнея, то багровея, шептал какие-то проклятия. Чем-то мне нравился этот толстяк. А вот Фария не нравился совсем.

С некоторым трудом поднявшись с колен, он заискивающе посмотрел на меня и снял шляпу.

– Разрешите откланяться?

– Да, ступай к земле, – я захлопнула ногой шкатулку, встала на нее и сильно пнула дурака в грудь. Взмахнув руками, он без крика упал в воду и тут же пошел на дно. – Карманы он набивает быстро. Теперь посмотрим, сможет ли еще быстрее их очищать. Если выплынет – делайте с ним, что хотите, капитан Диаш.

Мы минут пять смотрели на воду, но Фария, конечно, не появился. Слишком много у него было карманов. А вот высыпал бы все за пазуху – и остался бы жив.

– А я бы в шляпу все сложил, – будто читая мои мысли, прошептал стоявший рядом Роб. Я удивленно посмотрела на него.

– Шучу, конечно! Ты же знаешь, я у своих не ворую.

– Подумать только! – Бартоломеу взмахнул короткими руками. – Мог вернуться с нами, мог стать самый богач!

Сказал что-то и капитан Диаш. Бартоломеу перевел:

– Жил как крыса, умер как крыса.

– У меня на корабле крысы ничего, кроме сухарей, не воруют, – я, честно говоря, немного обиделась за крыс. С детства на корабле, отец меня стрелять учили, охотясь на этих хитрых тварей. – Что ж, рада была познакомиться. Прощайте, господа!

Португальцы не слишком весело приподняли шляпы, и мы втащили трап. Отплыв, мы обогнули шлюпки со счастливыми неграми. Те двое, что остались у нас, долго что-то им кричали. Наверное, передавали приветы родне. По пути к каюте я встретила Бенёвского.

– Полковник, зачем вам люди, о которых вы ничего не знаете? Такие могут предать в любой момент.

– Не надо обращаться с людьми, как с животными, и они не укусят, – твердо сказал он. – Не надо подталкивать их к преступлению, и тогда они не совершают преступлений в отношении вас. Я верю в людей. В тех, конечно, которые еще не испорчены окончательно. Эти дикари – идеальный материал для создания нового человека. Сытого, свободного, счастливого.

Я только головой покачала. День не задался с самого утра, вот и грабеж вышел каким-то странным. У самых дверей я наткнулась на Клода.

– А ведь он кое в чем прав, – ухмыляясь, сказал он. – Ты грабишь для развлечения. Те, кто любит золото, не отправляют его на дно.

– А ты для развлечения болтаешься со мной по океанам, хотя, кажется, вообще ничего не хочешь! Дай пройти, я устала.

– У меня просто нет сейчас никаких других занятий... – он посторонился. – Кроме того, ты нуждаешься в присмотре.

Я ничего не ответила и прошла в каюту. Но и здесь не осталась одна: Руди протирал тряпкой шкатулку раджи.

– Я ее уже вымыл! – весело сообщил он. – Вы здесь можете держать письма, или украшения, или...

– Головы мертвых врагов! – рявкнула я. – И твоя будет первой, если не уберешься!

Он скрылся, а я рассмотрела шкатулку. Всю ее покрывала очень красивая резьба, немного похожая на индейскую, но другая. Танцующие грудастые женщины, демоны с клыками, тигры и собаки... Дерево было тяжелым и очень приятным на ощупь. Оно будто согревало. Мне захотелось увидеть страну, где живут раджи и слоны катают на себе воинов с копьями.

И это было мое первое искреннее желание за весь день.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Ром и дыра в борту

Глупо все получилось. На душе почему-то кошки скребли. Хотя... Я ведь никого не убила, кроме того, кто этого заслуживал. Я всего лишь повредила португальский корабль и отпустила негров. Ничего, починяется и наловят новых, раз уж им мало пряностей и шелка. Кроме того, они хоть и грабители, но не свой брат, не пираты, а скорее корсары. Какое мне до них дело? Но почему-то было неспокойно.

Неспокойно, как мне показалось, стало и многим из команды. И не удивительно: сначала их капитан отпустила «Золотую лань», потом, в общем-то, тоже отпустила «Дона». Ради чего вообще ходить по морям, если вот так поступать? Трудно объяснить пиратам, что я теперь воюю на стороне Прозрачных. И даже не могу объяснить, каких именно. Этого пираты не поймут. И единственное, что пока заставляло их молчать – золото Бенёвского. Золото тамплиеров.

В это золото ребята верили. Во-первых, некоторая его часть уже находилась в нашем трюме. Во-вторых, Бенёвский умел рассказывать. По его словам, сокровища Храма просто несметны. Меня эти истории немного смущали. Ну зачем было тащить все это золото вокруг Африки, на далекий остров? Хотя, с другой стороны, я уже знала о поселениях тамплиеров за океаном, об их посещении острова Оук. Куда они ушли оттуда? Вполне возможно, что и на Мадагаскар. Но никаких других доказательств, кроме слов Бенёвского, у меня не было. Ни карты, ни свидетелей – даже он сам не бывал в Храме! Кроме того, полковник вел нас к сокровищам в полной уверенности, что украдь их мы не сможем. На чем эта уверенность основывалась, мне узнать так

и не удалось. Он только болтал что-то о магии и силе судьбы, которая ведет его вперед.

И, тем не менее, мы шли к Мадагаскару. Шли при легком попутном ветре, спокойном море и безо всяких приключений. Так продолжалось несколько дней, а потом Бенёвский отозвал меня в сторонку.

– Капитан, а почему мы плывем так медленно?

– Потому что ветер слабый! – выпалила я и тут же поняла, что сказала глупость.

– Потому что вы не хотите туда плыть! – полковник засверкал глазами. – Не могу вас понять! То вы расспрашиваете меня о золоте тамплиеров, пытаетесь что-то выведать, а то впадаете будто в какую-то дремоту! Кристин, я все понимаю: вы юная девушка, у вас на уме... Ну, не знаю, что у вас на уме, но сосредоточиться вам отчего-то не удается.

– Прекратите нести чушь! – искренне попросила я. – Да, мне о многом надо подумать. Но мы приближаемся к Мадагаскару, все в порядке. Кроме того, вы же говорили, что мы не сможем взять золото – может, я вам поверила?

– Я! – Бенёвский вдруг стукнул себя в грудь. – Я вам дам золото! Вы его взять не сможете, а я смогу. И я стану строить Республику. И Либерталии потребуются ваши услуги. Никто не заплатит вам так щедро, как я, тем более, что у вас есть кобра.

– И дельфин, – напомнила я.

Отчего-то стало грустно. Да, я самый удачливый капитан в мире. Была. Теперь, когда удача со мной всегда, это уже больше похоже на проклятие.

– А вот дельфина вам лучше отдать мне, – Бенёвский даже взял меня за руку. – Я хочу туда добраться поскорее! И ваша усталая команда – тоже! Дайте мне дельфина, и мы помчимся под всеми парусами!

– Мы и так под всеми парусами, – я забрала руку. – Просто ветра маловато, вот и не мчимся. А дельфина вы получите, когда

приведете нас к этой таинственной бухте, и я увижу, что другого способа попасть в нее нет. Хотя мне кажется, я и сама смогу провести «Ла Навидад», владея дельфином.

— Я — наследник тамплиеров! — гордо объявил полковник. — Я имею право туда войти. А вы — нет. Вам никакой дельфин не поможет. Он мой! И должен был принадлежать мне с рождения.

— Это уж вы Моник благодарите.

И я отошла, закончив разговор. На канатном ящике сидел Роберт. Увидев меня, он отвернулся. Вот тоже — взял моду на меня обижаться! Повинуясь внезапному порыву, я сняла кобра с шеи и протянула ему. Давно надо было ее вернуть, мне она никакой радости не приносила.

Немного помедлив, он взял фигурку и повертел ее в руке. И улыбнулся.

— Кристин, а может быть, у нее не совсем такое предназначение?

— В каком смысле? — не поняла я.

— Ну, вот может же такое быть, что дельфин на самом деле нужен только для одного: войти в эту секретную бухту тамплиеров. Она заколдована, понимаешь? И единственный ключ — дельфин! Просто его можно и по-другому использовать. Просто для морской удачи. Но это не его предназначение, — Роб наморщил лоб. — Его ведь кто-то сделал, верно? И сделал, не думая, что с ним будут вокруг света ходить. Он думал — просто ключ, чтобы войти в бухту.

— Может быть, и так, — согласилась я. — А кобра тогда зачем? А лягушка?

— Ну вот и я о том же! — подхватил Роб. — Может быть, это тоже ключи к определенным дверям. Только у нас ключи есть, а дверей нет. Кобра, скажем... Ну, допустим, чтобы куда-то попасть, надо сначала сбить какое-нибудь яблоко с вершины дерева...

– Глупость какая-то, – я погладила его по плечу. – Не умничай, Роб! Не наше дело, для чего нужны эти предметы, и кто их создал.

– А какое наше дело, Кристин?

И мне захотелось вышвырнуть в воду все три предмета, которые были теперь с нами. Раньше все было понятно: наше дело – сквозь все шторма и непогоды добраться до чужих денег и в бою их взять. А теперь получилось, что ни штормов не будет, ни боев. Осталась только бесплатная нажива. И от этого нападала тоска.

На палубу вышли Отто и Моник. Эта парочка держалась тихо, незаметно и только раз в день выходила немножко прогуляться. Моник после нашего разговора избегала на меня даже смотреть, проскакивала мимо, как мышка. А Отто, за которого она держалась обеими руками, и вовсе ни с кем, кроме нее, не разговаривал. Он сильно похудел, глаза ввалились, и постоянно о чем-то думал.

– Зря она не дала ему застрелиться, – сказал Роберт. – Раз уж он считает себя предателем и никак вины искупить не может, у него не жизнь, а ад.

– Вот влюбишься, как Моник – тогда позволяй ей стреляться, – предложила я.

И Роб, конечно же, покраснел. А я не могла себе представить, что буду ходить с кем-то вот так, под ручку, и прижиматься плечом. Эта мысль меня позабавила: хоть я и не отомстила за отца, но жизнь Моник, благодаря Отто, тоже превратилась в ад. Она постоянно боится его потерять. И знает, что случиться это может в любой момент – такова пиратская жизнь. Если, конечно, у пиратов нет с собой дельфина, кобры и лягушки в придачу. Что превращает пирата в какого-то короля, который берет, что хочет, и никогда не платит. Вот так мои мысли сделали круг, и настроение снова испортилось.

На баке Бенёвский, собрав вокруг себя слушателей, опять что-то излагал насчет справедливых налогов и честного тру-

да. Удивительно – как такие речи могут быть популярными на моем корабле?! Но факт оставался фактом: его слушали не только португальцы и негры, оставшиеся с неугомонным полковником, но и мои матросы. Со скуки, что ли. Неужели команда снова окажется на волоске от бунта?

Джон позвал меня в каюту, где они с Устюжиным торчали над картой.

– Иван советует менять курс. А я бы ушел южнее, все же у мыса Доброй Надежды дурная слава.

– Да куда южнее! – всплеснул руками Иван. – И так уже давно берега не видно. Самое время идти на восток, а уж там и до цели недалеко.

– Нечего тянуть, – решила я, взглянув на карту. – У нас же дельфин, Джон! Пройдем мимо мыса безо всяких приключений.

А жаль! Как, черт возьми, мне было жаль! Когда-то, совсем маленькая, я водила пальцем по картам, и отец рассказывал, что слышал или сам знал о далеких местах. Мыс Доброй Надежды на многих картах был обозначен как мыс Бурь. Там погибло много кораблей. И вот теперь я добралась сюда – а рассказать будет нечего!

Я вышла на палубу и отдала распоряжения рулевому. «Ла Навидад» готовился из Атлантического океана пройти в Индийский. Насколько мне было известно, в этих водах наш киль пока следов не оставлял.

Все случилось так, как я и предсказывала: тихо и скучно. Я даже взяла ближе к берегу, чтобы хоть было, на что посмотреть. Для любого другого корабля такое поведение было бы смертельно опасным, но не для нас. Впрочем, спустя некоторое время мы увидели на горизонте тучи. Там бушевал шторм, но повинуясь дельфину, он уходил от нас южнее и восточнее. Так и получилось, что мы вытащили из непогоды две маленькие шхуны, как бы я назвала эти восточные кораблики с не совсем понятной мне системой снастей.

Только что боровшиеся с волнами и вдруг оказавшиеся в полосе хорошей погоды арабы или индузы, или кто там еще, смотрели на нас, как на чудо. Ничего удивительного: вдалеке за нашей кормой тоже собирались тучи. «Ла Навидад» будто разгонял их своими парусами, хотя на самом деле это делал крошечный предмет на моей груди.

Я помахала им шляпой: плывите, куда хотите, большой корабль из далекой страны вас не тронет. Тогда один из малышей подошел к нам ближе, и люди в чалмах принялись кричать нам что-то на непонятном языке. Негры, однако, язык знали и вступили в переговоры. Они продолжались минут десять, а потом мне это надоело и дельфин, повинуясь моему желанию, толкнул ветром наши паруса. Мы продолжили путь, и я быстро забыла бы о случайной встрече, не подойди ко мне вскоре обеспокоенный Бенёвский.

— Я говорил с неграми. Мы кое-как понимаем друг друга на смеси португальского и арабского, которым я немного владею. Эти корабли преследовали тех португальцев, которым вы повредили мачты.

— Гонятся за «Доном»? Если минуют бури, то им повезло — «Дон» еще не скоро закончит ремонт, — я вспомнила толстяка Бартоломеу и немного смутилась. Зла ему и капитану Диашу я вовсе не желала. — Что ж, если бы с ними общалась я, то сказала бы, что «Дон» затонул и погоня бесполезна.

— Бой будет нелегким, но эти суденышки показались мне более маневренными, чем даже ваш корабль. Такие суда иногда навещают поселения негров, вот они и выучили немного языка. Они приходят от самой Индии.

— Пусть приходят, — я пожала плечами. — Нам какое дело? Португальцы им чем-то насолили, вот теперь судьба их настигнет.

— Они гонятся за португальцами ради какой-то одной вещи... — протянул Бенёвский. — Если я правильно понял негров, из-за того ящика.

– Ящика?

– Шкатулка! – поправился Бенёвский. – Большая шкатулка. Она все еще с вами?

– Да, но она пуста, – я запихнула ее в угол и с тех пор не вспоминала. – Может быть, какое-нибудь дорогое дерево?

– Или что-нибудь священное, – предположил полковник. – На востоке есть множество странных культов. Если позволите, я бы ее хорошенько рассмотрел.

– Спросите тех португальцев, которых вы сманили в свою сказочную страну!

– Я спросил, но они понятия не имеют о шкатулке. Этот Фария тайком пронес ее на борт и ото всех прятал.

– Идемте, посмотрим, все равно при такой погоде кораблю капитан не нужен!

Мы прошли ко мне в каюту и битый час вертели шкатулку так и эдак, простирали и прощупывали. Нет, никаких секретов она в себе не таила. Дерево и правда выглядело редким, дорогим, но не настолько же ценным, чтобы гнаться за ним тысячи миль! Наконец, я отдала шкатулку Бенёвскому и оставила его рассматривать рисунок, в котором он пытался найти следы этих «восточных культов».

Вернувшись на палубу, обнаружила там ту же картину: ленивые матросы не заняты ничем, кроме приборки. Тощий Бен вместе с Руди продолжал укреплять наши пробитые ядрами борта, остальные, не считая разве что кока, откровенно бездельничали. Не поход, а прогулка. Джон и Роб трепались о Бенёвском.

– Ну хватит! – прикрикнула я. – Он мне только что в очередной раз надоел до колик в желудке. Он сумасшедший, вот и все.

– А вдруг он в самом деле построит свою справедливую Республику? – спросил Джон. – Мне тоже многое непонятно и не нравится, но вдруг – построит?

– Не построит. Роберт его пристрелит, а потом я на «Ла Навидад» вывезу все золото.

– Шутишь? – Джон покачал головой. – Бенёвский не дурак. И если он уверен, что ты ничего взять не сможешь – то не просто так.

– Если это будет так, моя команда меня растерзает, – честно призналась я. – Или просто выберет другого капитана. Я даже была бы не против, если бы не «Ла Навидад». Я не смогу им управлять ни одна, ни даже с вашей помощью.

Джон и Роб переглянулись.

– Да, Кристин, ты и правда какая-то сама не своя! – сказал Роберт. – Уже и капитаном быть не хочешь?

– Наверное, заболела! – Джон пощупал у меня лоб. – Иди полежи. Или выпей рома, что ли.

Я оттолкнула Джона и ушла. Понимала, что они мои друзья, вот только чем они могли помочь? Сунулась было к Дюпону, но тот сидел с бутылкой вина, смотрел на кильватерный след за кормой и на вопросы отвечал однозначно. Я хлопнула дверью, заперлась у себя и с непонятной злостью проглотила целый стакан рома. Пришлось заесть похищенными у португальцев бананами, иначе вылился бы обратно. Голова закружилась, мне стало нехорошо, и я уснула, прижимая к щеке проклятого дельфина.

Проснулась я от бешеного стука в дверь. Я лежала на полу, из носа шла кровь. Еще не понимая, что случилось, я схватила пистолет и распахнула дверь.

– Мы тонем! – закричал Руди и схватил меня обеими ручонками, куда-то потащил. – Мы тонем, мы переворачиваемся!

– Какого дьявола?! – я отодрала его от себя, оттолкнула и повалилась сама. – Сколько же я выпила?..

– Понятия не имею, но крен тебе не кажется. Мы черпаем воду носом, – Клод поднял меня и слегка похлопал по щеке. – Эй, ты как себя чувствуешь? Сильно ударились?

Я утерла кровь и попыталась сосредоточиться. Крен и правда присутствовал, кроме того нас молотили волны. Порывы ветра просто рвали паруса, повсюду метались обезумевшие люди.

– Они пытаются спустить шлюпки, – пояснил Клод. – Ты проспала весь день, к вечеру начался шторм. Это нас довольно-таки удивило. Командовал Джон, и к полуночи мы уже убрали все паруса, а нас все равно тащило на северо-восток. Тащило так, будто сотня дьяволов впряженных в одну упряжку!

– Почему меня не разбудили?!

– Пытались! Но ты же знаешь, эту дверь невозможно выломать, а потом стало не до того! Дельфин у тебя?

Я сунула руку за пазуху... Ну конечно, его не было. Оттолкнув Клода и откуда-то появившегося Роба, я вернулась в каюту.

– Все сюда, всем искать!

Очередная волна ударила в корму, ставень сорвался и целый поток воды залил пол. Я похолодела от ужаса. Проклятый дельфин мог уплыть от меня в тот момент, когда нужен как никогда! Отчего начался шторм, как все это случилось, мне не хотелось даже думать. Я проверила кровать, а потом упала на четвереньки и принялась шарить в воде.

– Всем искать, всем!

Порыв ветра задул лампу. В темноте я тут же больно столкнулась с кем-то лбами и по голосу узнала Джона.

– Я выронила его! Но он где-то здесь, проверяйте пальцами щели!

Это продолжалось несколько длинных минут и мне стало уже казаться, что пора бежать к шлюпкам. Однако спустить их в такую погоду – не самое простое дело. Странный шторм гнал и гнал нас вперед, и это несмотря на огромную дыру в борту ниже ватерлинии. На что мы налетели, никто не разглядел.

– Да будь они прокляты, эти волшебные предметы! – завизжала я и поднялась на ноги. И тут же почувствовала неприятный укол в подошву. – Света, дайте немедленно света!

Руди примчался с лампой от рулевого, оставив того в темноте. Но это было уже не важно. Я как могла аккуратнее стащила сапог, нашарила внутри металлическую фигурку, и удары волн сразу стали тише.

– Нашелся! – я баюкала дельфина, словно ребенка. – Нашелся, мой хороший! Ну вот, теперь все будет хорошо!

Однако совсем хорошо не стало – дыра в нашем корпусе никак не делась. Мы продолжали набирать воду. Зато теперь всю команду можно было направить в трюм – черпать воду и заделывать дыру. Быстро светлело, тучи расходились, ветер совершенно утих в пять минут.

– Я требую объяснений! – Бенёвский вошел в каюту, когда мы с Джоном и Робом в ряд сидели на моей кровати и тяжело дышали. – Вы уснули и выронили дельфина?

– Вроде того, полковник. С каждым может случиться. В любом случае, больше я такого не допущу.

– И не закрывай дверь, если собираешься напиться! – сурово посоветовал мне Джон. – Вообще, зачем тебе это понадобилось?

– Ты же сам сказал: полечись! Только вот почему я после этого лекарства так паршиво себя чувствую... Зовите Моррисона, пусть доложит о повреждениях и потерях!

– Странно: штурм гнал нас сперва на восток, а потом на северо-восток. Гнал со всей силы. Гнал туда, куда нам и нужно, – задумчиво сказал Бенёвский. – В самом ли деле вы давно выпустили из рук дельфина или во сне он показал нам какую-то иную часть своей природы? Теперь этого не узнать. Лучше бы вы отдали дельфина мне, капитан.

Да уж, нелегко быть капитаном! Мысленно я поклялась себе в таких случаях отдавать дельфина Джону или Клоду, но уж конечно, не Бенёвскому. Надо же было устроить такую глупость: уснуть с дельфином в руке! Однако выпал он из моей ладони, только когда я сама вывалилась из кровати и расквасила нос

о доски. Или даже, скорее, когда я вскочила. Но почему тогда шторм гнал нас к Мадагаскару? Я попыталась припомнить, не снился ли мне какой-нибудь сон, но ничего не вышло. Хотя если что и снилось, то это, скорее всего, был кошмар. Возможно, я от кого-то пыталась убежать, как это бывает, и дельфин почувствовал мои желания.

Появился Тощий Бен, не только мокрый и грязный, но еще и исцарапанный. Он тяжело дышал и смотрел на меня с неприязнью.

– Что там?

– Волшебные фигурки, мы неуязвимы! – передразнил он кого-то. – А я всегда парням говорил: от волшебства хорошего не жди! Настанет миг, и подведет вас ваше волшебство!

– Да говори уже! – неприятно, когда тебе тычут в глаза твоими же ошибками. – Плохо дело? Хотя бы на плаву останемся? Скоро погода совсем наладится, тогда подведем парус снаружи и будем отчерпывать.

– Поучи меня! – Бен сверкнул зубами. – Капитан, там в дыре застрял ствол какого-то дерева. И хорошо, что застрял – если бы его вытащило волнами, мы бы уже барахтались в океане! Но он засел крепко, вся крона в трюме. Я побоялся рубить даже маленькие ветки, вот и исцарапался. Вынимать его оттуда нельзя, теперь так и поплыем с деревом в борту. Хоть бы корни не пустило, дьявол его на растопку забрал бы в ад!

Проклятье! Бурей унесло в океан древесный ствол и надо же было, чтобы мы на него налетели! Впрочем, жаловаться было не на кого. Такие вещи иногда случаются, и мы, можно сказать, легко отделались. Я сходила посмотреть – да, в трюме полно воды, много всего попорчено. И ветви занимают все место под баком, а рубить их и страшно, дыра-то получилась здоровенная. Бен сказал, что возьмется ее заделывать только в сухом доке.

– Где я тебе его возьму, приятель? Добраться бы до берега, а там что-нибудь придумаем.

– Смолы почти нет! – ворчал плотник. – Распорки поставим, но правый борт в том месте и так пропускает воду. Мы слишком долго в плавании, капитан! «Ла Навидад» должен где-то отдохнуть.

– Вряд ли Мадагаскар самое подходящее место, – сказал Джон. – Но, похоже, мы уже недалеко. До туда ближе, чем до африканского берега.

– Да какая разница? – я достала из-за пазухи дельфина и объяснила ему: – Я хочу побыстрее дойти до берега, лучше всего какой-нибудь пляж, где можно хотя бы посадить корабль на мель. Но не так быстро, чтобы «Ла Навидад» окончательно развалился, слышишь? Мы должны идти очень аккуратно!

Дельфин, казалось, улыбался мне, и улыбался довольно-таки язвительно.

День прошел в хлопотах – нам еще и счасти изрядно потрепало. Отчерпывать воду предстояло круглосуточно, ход мы совершенно потеряли, да и руля корабль с древесным стволовом в борту слушался с трудом. Еще хуже, что матросы на меня по-рядком обозлились, даже боцман Моррисон. Этот рыжий бочонок для рома считал, что капитан отвечает за все. И, в сущности, был прав... Капитан отвечает даже за удачу, а если не может – нужен другой капитан.

Спокойнее всех к случившемуся отнесся Клод.

– А чего мы ждали? Вот Бен ругается на волшебные предметы, и правильно. Мы их не делали, не знаем, как они устроены и что за заклинания дают им силу. Поэтому всерьез можно рассчитывать только на себя. Мы получили хороший урок и остались живы – что может быть лучше? Просто больше не пей много, юная леди, дельфин скверно относится к алкоголю.

– Может, и так, – говорю, – это мне как раз не трудно. Но что делать дальше? Бенёвский обязательно будет говорить о том, что дельфина надо отдать ему. И многим эта идея понравится.

– Почему бы и не отдать, – пожал плечами Дюпон. – По крайней мере, мне любопытно было бы заглянуть в этот Храм. Мо-

жет, оттуда и нельзя унести никакого золота, а может, его там и нет совсем. Но мне некуда возвращаться и некуда спешить. Отчего не прогуляться?

– Я обещала Джону, что мы выполним волю Прозрачных, передадим дельфина другому английскому моряку.

– И кому же?

Теперь уже я пожала плечами.

– Пока он не сказал.

– Тогда ты не знаешь, куда плыть. Пойдем с Бенёвским, мне бы хотелось увидеть, как его мечты рухнут. Я, честно сказать, совершенно не верю в этот Храм.

– Без золота команда захочет другого капитана.

– А мы вздернем пару мерзавцев! – Клод похлопал меня по плечу и пошел прочь. – Пора спать. Кристин, ты стала слишком серьезной. Встряхнись, и прогулка с Бенёвским – неплохой способ. Только бы корабль починить, а там уж как-нибудь справимся.

Я кое-как закрыла сломанный ставень и легла спать. Сон не шел, да еще, как назло, я вспомнила про лягушку. Она лежала на дне моего сундучка с пожитками, с собой я ее давно не носила. А ведь она могла рассказать о шкатулке, над которой мы, как два дурака, час сидели с Бенёвским! Хотелось побежать к нему прямо сейчас, но полковник, скорее всего, спал. Проклиная свою глупость, я откинулась на подушку и тогда пришел Прозрачный. Легок на помине!

– Ты устала… – он улыбался. – Тебе плохо, да? Это бывает тяжело, обладать предметами. Не только у тебя, у них тоже порой бывает плохое настроение.

– Они живые?

– Нет, но и не мертвые. Я не смогу объяснить. И не спрашивай меня о многом – времени мало, а я кое-что должен сказать.

– Сказать или приказать? – я злилась. – Почему ты не предупредил нас о Стрелке?

– Я не знал. Но послушай...

– Мы воюем за вас, умираем за вас, а ты говоришь – не задавай вопросов? Кто такой Стрелок, кто его послал? Почему он хотел убить нас?

– Потому что должен был или получить дельфина, или отправить его на дно. Ты и сама догадалась. К счастью, он не знал, что с тобой Бенёвский и его оружие, иначе вы были бы мертвые. Тем не менее, Бенёвский – твой враг.

– Подробнее, – потребовала я. – Говори подробнее, расскажи мне все! Я сама буду решать, что мне понятно, а что – нет!

– Решать буду я, – печально сказал Прозрачный. – И поверь, это нелегко. Я еще не знаю, кто тот моряк, которому надо передать дельфина. Не знаю, где он, и когда он появится.

– В каком времени? – я поморщилась. – Моя команда скоро захочет назад. У некоторых есть семьи на берегу.

– Это не важно! – Прозрачный, кажется, просто меня не понял. – Пока запомни одно: ты не должна давать Бенёвскому дельфина. Он не должен попасть в Храм.

– Значит, Либертalia может существовать? – я села. – Он не сумасшедший, счастье для всех возможно?

– Это не счастье. Это... Ты видела черные времена и страшную войну в будущем. Но это не единственная опасность. У наших врагов есть и другие планы, – он начал таять, будто превращаясь в туман. – Бенёвский – не плохой человек... Но его ведут враги. Не давайте ему дельфина и не ходите в Храм. Там вас ждет гибель, и мне неизвестно, какая.

Я открыла рот, чтобы задать еще тысячу вопросов, но собеседника передо мной уже не было. Мало того, я не сидела в кровати, а лежала. И сквозь ставни пробивались солнечные лучи, потому что настало утро.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Берег злых дикарей

Когда показался берег, мы все уже были порядком измучены. Да, каждый черпал воду только свою вахту, но попробуйте заниматься этим неделю! Пришлось и мне потаскать ведра, все же в истории с проклятым стволовым было виновата именно я. Бенёвский и его люди, чистюля Клод, даже раненые – все уже смотреть не могли на ведра. И все же дельфин нес нас к берегу, и мы увидели берег.

Это был Мадагаскар, далекий, опасный и очень удобный для пиратских баз с тех пор, как португальцы вошли в Индийский океан и началась морская торговля. Впрочем, морской грабеж тоже пришел сюда с ними. Португальцы атаковали все арабские суда без разбора, а те поначалу оказались не готовы к такому количеству пушек. До европейцев путешественникам здесь угрожали в основном стрелы и копья. Но все давно изменилось. Где-то на западном побережье прямо сейчас существовали прекрасные, удобные пиратские базы, и береговое братство чинило там свои корабли. Только нам туда дорога была заказана.

– Сколько нам понадобится времени? – спросила я у Тощего Бена. – Здешние места гостеприимством не славятся.

– Почем мне знать? Я вообще не уверен, что смогу надежно закрыть такую дырищу! Да и остальные пробоины требуют заботы. Все ведь латали на плаву, а это не работа! – Бен нервничал и злился. – Ты хочешь просто посадить «Ла Навидад» на мель во время отлива? Ну, значит как прилив – так конец работе. Много уйдет времени. Тем более, что нужно подходящее дерево, а его неплохо бы слегка подготовить...

– Хватит! Иди работать, – я уселась за стол и опять принялась изучать карту. – Джон, ты помнишь, о чем мы говорили? Карты надо постоянно пополнять и уточнять. Все, что ты здесь видишь, может оказаться неверным.

– Помню! Я с удовольствием, Кристин, это же интересное дело!

Джон и Устюжин сидели напротив меня, что-то высчитывая. Иван посмотрел исподлобья.

– Мы совсем недалеко.

– От чего? – со всеми хлопотами я и забыла, что Бенёвского и его людей волнует только таинственная бухта, ведущая к Храму. – Ах, да! Вы же видите, не до вас.

– Дельфин донесет нас туда так же легко, как донес сюда, – стоял на своем Устюжин. – Зачем останавливаться? Если есть бухта, наверняка можно заняться починкой прямо в ней. А она должна быть рядом.

– Должна – не должна! Я вижу удобный для нас берег, а в бухте вашей могут оказаться одни скалы! Или вы думаете, что с дельфином на шее можно ходить по морям на решете?! Всему есть предел. – Бенёвский уже пытался приставать ко мне с таким предложением и был послан ко всем чертям. – Тем более, что у вас не карта, а какие-то каракули!

– Я рисовал по памяти, – развел руками штурман Бенёвского. – Копировал когда-то с настоящей карты, из канцелярии Петра Великого. Но при обыске у меня все бумаги забрали. Однако память у меня хорошая! И то, что я нарисовал, очень похоже вот на этот кусок карты.

Он приложил свой клочок бумаги к побережью Мадагаскара. Да, что-то общее было, хотя были и расхождения.

– Может да, может нет. Сначала починка, – я сделала паузу. – Потом ищем бухту.

Устюжин жалобно вздохнул, но настаивать не стал. Сейчас было время прилива, и я подводила корабль к песчаному пля-

жу до тех пор, пока нос не ткнулся в песок. Тогда мы опустили якоря. Не слишком надежное положение, да и бухты здесь никакой не было, просто океанский берег, но я надеялась, что дельфин не подпустит к нам шторм. Плотник сразу отправился смотреть лес, искать подходящие деревья. Охранять его я отправила сразу десять человек с Робом во главе, нога у него быстро заживала.

– Не слишком опрометчиво? – спросил Клод, когда мы с ним стояли на палубе и наблюдали за удаляющимся отрядом. – Тут живут воинственные племена, а кобра одна.

– Вот пусть эта кобра и выполняет свое предназначение! Плотник у нас тоже один, и если потеряем его, хорошей починки не будет.

Первым делом мы как могли укрепили корабль. На ближайшее время он должен был стать нашей крепостью. На баке установили пулеметы Бенёвского, хотя зарядов к ним осталось совсем немного. Постоянным дежурным при них я назначила Отто – судя по всему, он был единственным, кто умел их чистить и смазывать. И, в конце концов, должен он приносить хоть какую-то пользу? Тем более, что в комплекте с ним шла вечно печальная Моник, которая действовала мне на нервы сильнее, чем когда была всюду лезущей стервой.

Мы открыли пушечные порты и приготовились вести огонь по берегу. С ядрами дело тоже обстояло не слишком хорошо, но я надеялась, что пары залпов хватит, чтобы отучить дикарей высовываться из леса большими группами. Приготовили и шрапнель, которой разжились на «Доне».

Судьба этого корабля почему-то беспокоила меня. Сбив португальцам мачты, я, скорее всего, обрекла их на гибель. Но и гибель их будет напрасной – шкатулка теперь у меня. По пути к этому пустынному с виду берегу я так и не собралась с ней «поговорить», и, закончив приготовления по обороне, решила этим заняться.

Бенёвский отдал мне вещицу без споров. Он явно уже потерял всякую надежду разгадать ее тайну, и вернулся к мечтам о своей Республике Либерталии. Впрочем, он и его люди вооружились и держались вместе.

Получив минуту покоя, я заперлась в каюте, достала из рундука лягушку, согрела ее в руке и прислушалась к шкатулке. Сперва она молчала, будто просыпаясь, но потом понемногу «разговорилась». Я видела дворец, где во дворе гуляли павлины, видела полуобнаженных женщин с опахалами и сурowego раджу с бровями гуще, чем у Устюжина. Я видела его воинов, слуг, секретарей... Но не понимала ни слова из их странного для моего уха языка. Мне уже казалось, что тайна так и не будет раскрыта, но шкатулка вдруг будто решилась, и показала мне свое рождение. О, ей было больно, когда мастер наносил резьбу! И все же она гордилась своей красотой. Самым же интересным было то, что время от времени мастер смазывал узор краской и прижимал к листу бумаги. На нем оставалось множество точек. Мастер отходил с этим листом куда-то, а вернувшись, вносил коррективы. Так происходило со всеми шестью сторонами шкатулки. Показав мне, как это было, вещица будто прикрыла глаза и задремала.

Я выпустила лягушку из пальцев и опять осмотрела шкатулку. Нет, никакой краски на ее боках не осталось. Но отчего бы не попробовать? Краску или что-то в этом духе мне не хотелось разыскивать в трюме без Бена – это его хозяйство. Зато у меня были чернила! Я пожертвовала платком и натерла им один из боков шкатулки, а потом прижала его к листу бумаги. Что ж, у меня получилось примерно то же, что показывала мне лягушка: набор точек и черточек.

Я сидела над этой непонятной картинкой, рассматривая ее так и эдак, когда в каюту ввалился Джон.

– Там, в лесу какое-то движение!

– Ну и что? – мне вовсе не хотелось отрываться от своей головоломки из-за каких-то пустяков. – Это люди или животные?

– Не знаю, – опешил Джон. – С корабля не рассмотреть. Это, правда, не в той стороне, куда пошли Роб и Бен, но хорошо бы их предупредить.

– Пушечный выстрел в случае опасности, ты же знаешь. Опасность есть?

– Не знаю, – вздохнул он. – Но нельзя же совсем ничего не делать?

– Наблюдать. Но там на палубе полно народу, и Бенёвский с биноклем. Помоги-ка лучше мне. Может быть, ты поймешь что-нибудь?

Я рассказала ему все, что знала о шкатулке. Джон некоторое время рассматривал лист, а потом сделал неглупое предположение:

– Если смазывали все бока шкатулки, то, может быть, надо на один лист отпечатать их все?

Не хочу сказать, что я о своих мозгах плохого мнения, но Джон поумней будет. Ему бы только меньше думать о том, хорошо ли быть пиратом, или о патриотизме. Мы принялись за дело, перепачкали почти всю бумагу, какой я располагала, но постепенно поняли, в каком положении должны ложиться друг на друга отпечатки. Часа не прошло, а мы смотрели на карту. Судя по всему, это была именно карта: остров, несколько островков поменьше и какие-то символы, совершенно мне не понятные.

– Надо полагать, указаны координаты. На индийском языке, или как он там называется, – я покрутила лист. – Нет, ничего знакомого. Можно было бы показать Бенёвскому как самому образованному на корабле, да что-то не хочется.

– Я тоже ничего не могу сказать, – Джон присел. – И кому могла прийти в голову мысль вот так прятать карту... Уж проще закопать где-нибудь!

– Эх, шотландец! Ничего ты не понимаешь в таких вещах! – засмеялась я. – Если у тебя есть красивая тайна, ее приятно красиво спрятать! Наверняка по этой карте можно отыскать нечто очень ценное. И держу пари, что мастера прикончили сразу после того, как он завершил работу.

– Ты все о сокровищах! – поморщился Джон. – Есть же вещи выше этого? Но я хотел поговорить о Бенёвском. Не знаю, приснилось мне или нет, я очень уставал за последние дни... Будто приходил Прозрачный. И просил не давать дельфина Бенёвскому.

Я вздохнула. О своем разговоре с Прозрачным я никому ничего не рассказывала, и тоже не была уверена, что мне все не приснилось. Теперь выходило, что нет. Двоим сразу одинаковый сон не приснится. Ну, или это должен быть не просто сон.

– Еще что-нибудь интересное сказал твой приятель?

– Я не очень помню, – признался Джон. – Что-то о том, что мечта Бенёвского не намного лучше мечты фюрера, которому служили Отто и Руди. Или даже хуже, я не помню. И что это все равно произойдет, но чем позже, тем лучше.

Я собиралась что-то ответить, но в этот момент выстрелила пушка и тут же еще одна. Мы выбежали на палубу и сразу увидели, что нас атакуют с трех сторон. Одна группа чернокожих воинов с копьями и луками нападала прямо по носу, так, что пушки по ним и стрелять толком не могли. Две другие – по борту, с обеих сторон. Как только наша пушка стреляла, дикари прыгали в воду, видимо, надеясь таким образом спастись. В общей сложности их было сотни полторы.

– Пригнись! – Клод почти повалил меня на палубу и снова взялся за ружье. – Мы с ними справимся, когда подойдут ближе – Отто говорит, что тогда меньше уйдет патронов. А из луков они стреляют очень недурно.

Я огляделась. Да, мы уже потеряли двоих – мой матрос Питерс и португалец из приставших к Бенёвскому курили, сидя

на борту. Стрелы истыкали их спины. Я подобралась ближе к мертвцам и выбросила подальше за борт их все еще дымившиеся трубки – еще пожара нам не хватало!

– Что там Роберт?

– Они отрезаны. Слышна перестрелка, будем надеяться на лучшее. – Клод привстал, вскинул приклад к плечу, и врагов стало еще на одного меньше. – Отто! Они рядом, это опасно!

– Они сразу испугаются! – лицо немца исказила злая гримаса. – Иван! Вместе, по счету три!

И в самом деле было пора отвечать всерьез – еще немного, и дикари окажутся под бортами, тогда наши пушки станут бесполезны. Сосчитав, как обещали, оба стрелка прицелились и открыли огонь. Страшное оружие эти пулеметы! Хорошая аркебуза, заряженная шрапнелью, тоже страшна, но ее нужно потом долго заряжать. А тут – знай води себе стволов! Глядя на кровавые клочки, полетевшие от группы, атаковавшей по центру, воины на берегу остановились. Это позволило нашим пушкарям выстрелить еще раз, и бой, по сути, кончился. Понеся серьезные потери, противник бежал. Отступая, чернокожие сразу рассыпались во все стороны, и огонь по ним больших успехов не принес. Впрочем, пулеметы замолчали еще раньше.

– Почти ничего не осталось! – Отто показал Бенёвскому короткий кусок заряженной ленты. – Можно считать, что пулеметов у нас нет.

– У меня тоже самое, – кивнул Устюжин. – Да и от автоматов скоро будет мало толку. Гранат почти не осталось.

– Ничего, зато мы почти рядом с целью. А когда доберемся до Храма, то уже ни в чем не будем нуждаться! – полковник первым выпрямился, разглядывая убегающих дикарей. – Наивный, чистый народ! Но весьма воинственный. Они готовы с оружием в руках не пускать на свою землю посланцев чужих тиранов. Осталось только научить их, как сбросить тиранов местных.

– Бенёвский, – говорю, – вы что несете опять? Не знаю, как вы, а я ничья не посланница, и с тиранами не знакома.

– Пираты – часть системы, выстроенной европейскими тиранами, – терпеливо пояснил полковник. – И в переносном смысле – вы ее посланцы. А я – нет... И я должен с ними поговорить. Мне нравятся эти люди: смелые, красивые! Они станут гражданами Либерталии, свободного государства на этом чудесном, большом острове!

– Ты бы не торчал как мишень, Мауриций! – попросил его Устюжин. – Люди красивые, и стреляют красиво.

Я собиралась устроить вылазку, чтобы помочь группе Роба, но тут они показались сами. Вышли из леса, выстрелами разогнали бегущих в их сторону дикарей, и поспешили к кораблю. Я сосчитала людей: они тоже потеряли двоих. Но и Бен, и Роберт остались целы.

– В лесу от нашей кобры не так уж много толку! – выдохнул запыхавшийся Роб, едва перевалившись через борт. – Они выскакивают из-за деревьев, совсем рядом, и тут уж кто быстрее, а не кто метче! Перезаряжать мушкеты было некогда, так что отбивались прикладами и саблями.

– Ясно, – хмуро сказала я. – Бен, ты нашел что-нибудь?

– Вроде неплохой лес! – ответил он, оторвавшись от фляги. – Прости, горло пересохло. Но деревья незнакомые! Надо разобраться – чем смолить, например, я пока не знаю.

– Надо залатать как-нибудь, а потом я вам обещаю любую помощь! – встремял Бенёвский. И добавил, обращаясь ко всем: – Не забывайте, что тем, кто не захочет оставаться здесь, я просто заплачу. И заплачу щедро!

Дела Бенёвского меня сейчас не тревожили совсем, тем более, что Прозрачный просил вообще не иметь с ним дела. Но эти дикари действительно показали крутой нрав. И по всему было видно, что атаковать корабли с пушками им уже приходилось. Это не удивляло: и пиратов всех мастей, и торговцев

тут наверняка побывало немало. Если они всерьез попробуют добраться до наших голов, надо что-то предпринять. Я поделилась своими опасениями с Клодом. Это услышал Бенёвский.

– Кристин, как вы можете бояться этих людей?! Вы же видите – они ничего, кроме стрел, не могут противопоставить не только пулеметам, но и вашим пушкам! Так европейцы и захватывают мир: силой более совершенного оружия. Что индейцы могли противопоставить конкистадорам? Огромные государства пали под ударами маленьких отрядов хорошо вооруженных подлецов, и...

Я устала от этого болтуна, поэтому была рада, что его прервал Дюпон.

– Вы не правы, полковник. Я верю, что вы не трус, но вы никогда не воевали с дикарями. Не надо их недооценивать! И что такое отряд конкистадоров в сельве, где отправленные стрелы летят со всех сторон без перерыва, а мушкеты постоянно нужно заряжать? У Магеллана были и пушки, и аркебузы, и пистолеты – но он погиб среди бела дня, в сражении на открытом месте от рук дикарей. Самые преданные не смогли его защитить. Наше положение очень серьезно.

– Мне кажется, вы преувеличиваете. Со всем уважением, но... – Бенёвский указал на трупы перед носом корабля. – Разве это было честное сражение? Что до ваших опасений, то нам следовало бы наладить с ними мирные отношения. Я думаю, нужно пойти в лес не с оружием, а с подарками.

– Завтра, – отрезала я. – Делайте, что хотите, но завтра. А сегодня пора хотя бы вытащить это дерево из борта «Ла Навидад»!

Чтобы дикии не могли обстреливать работающих матросов, мы спустили с борта парус и скрыли их за ним. Совместными усилиями, налегая снаружи и изнутри, мы наконец избавились от ствола. Мне показалось, будто «Ла Навидад» вздохнул с облегчением. Это была не заноза, а целая стрела в его боку. Теперь следовало залечить рану, но Бен выглядел крайне хмурым.

— Скоро опять прилив. Пока у нас есть много других дел, но эта дыра — главная проблема. И у дикарей будет много времени с нами покончить, если с ними не договориться, как предлагаёт наш поляк, — сказал мне плотник, и вокруг повисла тишина.

Да, болтун Бенёвский снова пообещал то, чего всем очень хотелось.

— Да разве я против?! — мне стало обидно. — Сейчас уже вечер. Завтра пусть идет договариваться. Только никто с ним в лес не отправится, потому что мне нужны люди! А сам Бенёвский не нужен.

В сердцах бросив топор, я ушла к себе в каюту. Спустя минуту постучал Дюпон.

— Зря ты так, — тихо сказал он. — Дело в том, что если у Бенёвского все получится...

— Ты смеешься? Да они отрежут ему голову и будут таскать на шесте!

— А вдруг нет? — Клод улыбнулся. — Знаешь, после того, как он уговорил плыть с собой в Либертанию даже двух негров, я уже во все могу поверить. Большой ловкач этот полковник! Но если у него получится, дальше «La Навидад» поведет он, кто бы не стоял у штурвала.

— И что ты предлагаешь? Я не стреляю в спину.

— А уже поздно! — рассмеялся букиньяер. — Момент крайне неподходящий. Если завтра полковник пойдет в лес, вся команда будет за него молиться. И если он вернется с добрыми вестями, мой совет: отдай ему дельфина.

Я ничего не ответила. Ну что за человек этот Бенёвский! Борешься с ним, борешься, вроде и побеждаешь, а люди все равно норовят идти за ним, будто овцы за козлом.

До наступления темноты ничего не происходило, но все мы нервничали. Было ясно, что если чернокожие воины намерены воевать с нами всерьез, то и ночью в покое не оставят. А вот

если не тронут... Тогда можно будет надеяться, что они слишком испуганы грохотом невиданных прежде пулеметов.

Но не прошло и час после заката, как они напали снова. Ночь, как назло, была безлунной, и дикии подошли к нам достаточно близко. Сперва на берегу там и сям замелькали огоньки, а потом на нас обрушился целый дождь из горящих стрел. Накануне вовсю палило солнце, «Ла Навидад» как следует просох и вполне мог загореться. Нам приходилось постоянно выдергивать или тушить водой эти стрелы, если до них нельзя было дотянуться. Но стрелы давали кое-какой свет, и в этом свете лучники целились прямо в нас. Оставалось радоваться, что парус, спущенный по борту, я приказала поднять – если бы он загорелся, нам действительно стало бы жарко.

Мы отстреливались, но то ли не наносили им большого урона, то ли враги не обращали на него внимания. Пушки правого борта, более других обращенные к берегу, дали несколько залпов шрапнелью, и судя по стонам раненых, удачных. Вот только град стрел от этого реже не становился. Ближе к полуночи атака прекратилась, и мы уже думали, что можем отдохнуть, но спустя час все началось сначала. Под самое утро группа каких-то смельчаков забросила веревки нам на бушприт и пыталась на него взобраться. Отто из пулемета расстрелял последние заряды и в сердцах швырнул его вниз. Дикии отступили от нашего носа, зато Моррисон вдруг начал звать на помощь с кормы – пользуясь тем, что наше внимание отвлечено, чернокожие забрались туда.

Дело принимало совсем скверный оборот – одного воина я пристрелила прямо в своей каюте, куда он забрался благодаря поврежденному ставню. Спас положение Устюжин, который вдруг закричал: «Берегись, укройся!», и швырнул одну за другой три гранаты в воду возле кормы.

– Последние, – мрачно сказал он мне. – В следующий раз только ядра ваши кидать.

– Ядра далеко не кинешь, – вздохнула я, потому что уже думала об этом. – Мы тут не починку, а поломку корабля получим, если взрывать ядра под своими же бортами.

Начало светать. Дикари отступали, собирая трупы. Я приказала не мешать им – только порох зря тратить и злить. За ночь мы сами потеряли восемь человек, не считая раненых. Враги понесли куда большие потери, но их это, кажется, совершенно не волновало. Поняв, что мы не будем стрелять, они стали грозить нам копьями и что-то выкрикивать.

– Моррисон! Часовых на палубу, остальным спать! – приказала я и пошла к себе.

За мной без всяких слов отправились и Роберт, и Джон, и Клод. Никто из них, к счастью, не пострадал, вот только Роб испугался сильно обжечь себе пальцы, когда возился с горящей стрелой.

– Если никто ничего не может предложить, то и вы идите спать! – я была совершенно без сил. – Как ты там говорил, Клод? Смерть во сне – хорошая смерть? Я с тобой согласна, так что, если опять полезут ко мне в каюту – можете не будить.

– Не говори глупостей! – поморщился Джон. – Нужно что-то придумать. От кобры ночью никакого толка. Может быть, отчалим и поищем другое место?

– Ага, дерево затолкаем обратно в борт и поплывем! – у меня не было сил смеяться. – Джон, надо хоть немного залатать дыру. И за сегодняшний день не управиться, хотя бы потому, что все устали, а Бену порвали стрелой лодыжку. Если следующая ночь будет такой же... Подведем под пробоину парус и поплывем – лучше затонуть. Но пока есть шанс не рисковать кораблем... Это же «La Навидад»! Это мой родной дом.

– Всерьез остается надеяться только на Бенёвского, – вздохнул Клод. – Как мне не печально это признавать.

– Ты хочешь меня позлить? – спросила я. – И потом, я не верю, что у него может что-то получиться.

– Стоит попробовать, – твердо сказал Джон. – Главное – не давать ему дельфина!

Мы с Клодом переглянулись. Я, конечно, приняла сторону в войне Прозрачных, и менять ее не собиралась. Тем не менее, когда мне что-то пытаются запретить, я обычно это делаю. Тем более, что судьба не оставляла нам выбора. Судьба действительно вела полковника к его Храму.

– Мы еще подумаем, Джон. Сам видишь, сейчас у нас другие проблемы, – я с удовольствием заметила тревогу на его упрямом лице. – И потом, тебе что, не хочется взглянуть на этот Храм? Мне бы хотелось. Взглянуть, ограбить и уплыть.

И Джон улыбнулся. Ну, наконец-то.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Дружба и доверие

Часа через три Бенёвский засобирался. Многие поглядывали на меня настороженно: стану ли я его останавливать? Все же пойти в лес к этим ребятам с копьями – почти самоубийство. Я делала вид, что взглядов не замечаю. В конце концов, Бенёвский даже не член команды. По крайней мере, я его таковым не считала.

– Оставьте бинокль, – попросила я, когда он подошел прощаться. – В лесу он вам не нужен.

– Вернете, когда снова поднимусь на борт! – Полковник усмехнулся, и я в очередной раз удивилась его натуре. Сумасшедший болтун, и в то же время смелый, даже отчаянный человек. – Недоверчивая вы, Кристин. Не верите в людей. Но я к этим парням пойду с куда более спокойной душой, чем во дворец какого-нибудь просвещенного монарха.

Он направился к борту, откуда уже спустили веревочную лестницу. Один из ушедших с ним негров вдруг загородил дорогу, и мешая слова всех языков, которые знал, попросил взять с собой. Тут же не выдержал кто-то из португальцев, затем другой, и наконец стали хватать оружие и мои пираты – тоже собрались идти, не спросив своего капитана, мерзавцы! Я не успела вмешаться, потому что, перекрыв крик своим басом, заговорил Устюжин.

– Тихо, братва! Мауриций знает, что делает: ведь главное, чтобы нас не боялись! Поэтому большой отряд не пойдет. Они же сразу нападут!

– Тогда мы могли бы идти сзади и прикрывать вас!

Я ушам своим не поверила: это сказал Рыжий Моррисон, мой боцман! Да, я тоже переживала о Бенёвском и тоже восторга-

лась его поступком. Но он – это он, а есть моя команда, черт возьми! Дело зашло слишком далеко. Я промолчала только потому, что Клод стиснул мое плечо.

– Ни в коем случае! – Бенёвский поднял руку, призывая всех слушать. – Дикие недалеко еще ушли от природы, а природа – честна. Поэтому и мы должны поступить честно. Все пришельцы из-за морей старались их обмануть. Надо показать: мы не такие! А любой отряд они заметят, ведь этот лес – их дом. Нет. Спасибо, что дали мне зеркала, бусы, ножи, это очень пригодится. Все любят подарки. Но пойдет со мной только Иван, да и то потому, что я не смог его отговорить. Мы с ним слишком близки, чтобы разлучаться сейчас. До скорой встречи!

Устюжин закинул за спину автомат и, крякнув, первым перевалился через борт. Через минуту он уже стоял на покерневшем от пороховой гари и пролитой крови песке. Спустился и Бенёвский. Медленно, с поднятыми вверх пустыми руками, оба направились к лесу. У первых деревьев они остановились, будто с кем-то разговаривая.

– Их встретили, – тихо сказал Моррисон. – Роберт, кобра у тебя? Если что-то случится, надо положить ядро прямо туда. Полковника и Ивана мы уже не спасем.

Но все прошло мирно. Постояв несколько минут, наши переговорщики очень медленно сняли оружие, оставили его в траве и скрылись в лесу. Все курильщики как по команде набили трубки и закурили. Я машинально вытащила из кармана свою – ту, что подарил Мерфи. Курить я не собиралась, просто носила ее на счастье.

– Бен! – позвала я плотника. – Надо бы и нашими делами заняться. Ты говорил, что так и не нашел смолистых деревьев.

– Идти в лес? – плотник отвел глаза. – Кристин, тогда нам всем придется идти. Маленький отряд обречен.

– Капитан! – Моррисон, как бы извиняясь за свое поведение, привстал на полусогнутых, чтобы не показаться над фальшбортом. – Капитан, выйдет драка, и получится, что пока полковник там ведет разговоры от мире, мы затеяли войну.

Я только сплюнула: он прав! Только вот Бенёвский, возможно, уже мертв, а мы теряем время. Я приказала продолжить приборку. Несмотря на наше положение, корабль должен выглядеть как корабль, а не как задний двор борделя. Хоть немного заняв таким образом людей, я ушла к себе, поманив рукой товарищей.

Джон, едва оказавшись в моей каюте, тут же вызвался идти в лес хоть в одиночку.

– Нельзя все ставить на одну карту! Следующей ночью снова будет бой, и неизвестно, кто победит в этот раз!

– Это и без тебя всем ясно, Джонни! – Дюпон слегка умерил его пыл. – Но силой в лес никого не загнать, а если пойдем только мы, толку будет мало. Лучше давайте прикинем, что делать, если Бенёвский не вернется до вечера.

– Предложения, Клод! – я отодвинула от него бутылку, к которой француз уже потянулся. – И, кстати, ты сел прямо на пятно крови. У меня тут ночью был гость, если помнишь.

– Плевать! – отмахнулся букиньер. – Предложение у меня простое: в темноте сесть в шлюпки, отплыть подальше в море и попытать счастья севернее. Или вообще уйти за пролив, на континент. Дельфин нам поможет, особого риска нет. Я надеюсь, по крайней мере, что фигурка не только большим кораблям помогает.

– Можно обдумать, – согласилась я, мысленно послав Клода ко всем чертям. – Жаль, что ты не понимаешь, что такое для меня «La Навидад», но можно обдумать.

Он только развел руками. Роб молчал, поигрывая своей коброй. За него я была спокойна, он поддержит любое мое решение. Но толку от такого друга никакого, потому что решения у меня нет.

– Я тоже не хочу бросать корабль, – сказал Джон. – Без корабля мы далеко не уйдем даже с дельфином.

– На шлюпках можно установить мачты и паруса, – напомнил Дюпон. – И тогда можно рискнуть. Пушек взять, наверное, не получится – нам понадобится много припасов. Но с коброй, имеет смысл атаковать чай-нибудь корабль. Не в море, конечно, и не при свете дня, но шанс есть.

Тщетно я ждала других предложений. Да их, наверное, и не могло быть. Если с дикарями не заключить мир, то они не позволят нам произвести починку, а уйти от берега с такой дырой в днище означало утопить корабль. Можно было попытаться: подвести парус, чтобы в трюм проникало меньше воды, работать круглые сутки, вычерпывая эту воду... Но как моряк и дочь моряка я понимала: сутки не потребуются, «Ла Навидад» уйдет на дно раньше.

– Значит, уходим за пролив, – решилась я. – Воинов на берегу слишком много, чтобы все они были из здешних мест. Наверняка собрались со всего берега, из разных племен. Просто двигаясь вдоль Мадагаскара, мы рискуем опять попасть в такую же ситуацию.

Я отправила всех чем-нибудь заняться и немного всплакнула. В этой каюте я грызла ножки стола, когда резались зубы! Но все мои печали оказались преждевременными.

– Идут!!!

Вопль облетел весь корабль и возле бушприта мгновенно образовалась куча мала, каждому хотелось получше видеть. Бенёвский и Устюжин вышли из леса совершенно спокойно и больше не держали руки поднятыми.

– Ни звука всем! – я вскочила на бочонок. – Пристрелю, если хоть один закричит «Ура», пока полковник не на борту!

Да, моряки – народ суеверный. Очень важно не вспугнуть удачу в такой момент. А удачи Бенёвскому я желала ничуть не меньше других, потому что, помимо прочего, он мог дать шанс

моему кораблю. Когда наши счастливцы подошли ближе, стало заметно, что оружия на них нет.

– Ну, вот мы и дома! – сказал Бенёвский, перелезая через борт, и уж тут все заорали, как бешеные.

Я тоже пожала полковнику руку – не уверена, что решилась бы вот так, без оружия, прийти к врагам с миром. Хотя сама мысль о том, что теперь у дикарей оружие есть, да еще автоматическое, немного портила мне впечатление от праздника.

– Они с радостью приняли все подарки! – рассказывал счастливый Бенёвский. – Теперь мы подружились. Я рассказал им о Либерталии. Конечно, лишь насколько позволяли наши языковые проблемы... Но они поняли многое! Им интересно, они готовы принять Республику на своей земле, а потом, я думаю, с радостью станут ее гражданами. Конечно, пока они еще слишком недоверчивы, поэтому я пообещал им еще подарков. Прежде всего их интересует оружие, любое. Что поделать, это народ воинов. Но зато они честнее торговцев, так всегда бывает!

Моррисон оглянулся на меня. «Ага, – подумалось мне, – Рыжий малость успокоился и стал соображать. Отдавать свое оружие врагам совсем не хочется, да, боцман?». Но даже я еще не знала всего. С тем же радостным выражением лица полковник сообщил нам еще более интересную новость.

– Они хотят увидеть Храм! И я очень рад их интересу, потому что посещение Храма рыцарей свободы изменит их навсегда, мы по-настоящему подружимся и станем своими на Мадагаскаре. Но они недоверчивы. Это естественно, как я уже сказал, от белых к ним никогда не приходило добро. Поэтому наши новые друзья разместят на «Ла Навидад» отряд из тридцати воинов. Не вижу в этом ничего плохого. Людям надо верить, ведь я уже доказал вам это, а?

Вот тут уж у моих пиратов лица вытянулись. Личное геройство прекрасно, но это дело одного Бенёвского. А впускать на корабль три десятка головорезов и ставить под угрозу жизни

всех... Все больше голов поворачивалось ко мне с немым вопросом в глазах. А мне тоже стало невесело – чуда не произошло.

– Бенёвский, это неприемлемо, – сказала я. – На корабле не будет чужаков.

– Они могут нам с починкой! – взвился он. – Откуда в вас такое недоверие? Кто-то ведь должен первым протянуть руку, чтобы закончить войну! И нам, как более цивилизованным людям, пристало сделать это первыми. Тем более, на нас лежит тень чужой вины. Этих людей грабили и убивали пришельцы! Единственное, о чем они просят до начала починки – это впустить их на корабль. Тогда и мы сможем ходить к ним в лес, это же нормальные добрососедские отношения!

Я посмотрела на Моррисона. Боцман вздохнул и стянул с головы шляпу, будто был в чем-то виноват перед Бенёвским.

– Полковник, сэр! А если они решат нарушить договор? Имея этих парней на борту, нам не отбиться. Они же дерутся как черти! А в тесноте нам и мушкеты не помогут! Простите, сэр.

– Тогда я должен сказать вам, друзья, еще одно, – Бенёвский помрачнел. – Мы видели лодки, они пришли сегодня по реке. Большие лодки. Ночью они будут штурмовать нас и с лодок тоже. Мы окажемся в кольце.

Да, это действительно была скверная новость. Если так, то даже наша идея вечером уйти на шлюпках может провалиться, и следовало что-то делать срочно. Но «Ла Навидад»! Я погладила доски палубы, на которой сидела. Видимо, нам скоро придется проститься. И тогда я подожгу корабль, потому что если «Ла Навидад» не будет моим, то он не будет ничьим.

– Проще говоря, – продолжал полковник, – у нас нет выхода. Или мы верим дикарям, и тогда, я уверен, все будет хорошо. Или мы продолжим вести себя с ними как враги, и тогда нам конец. Я предлагаю всем определиться до вечера, потому что я и мои люди уйдем в лес. Каждый может при-

соединиться. Капитан Кристин! Я думаю, многое зависит от вашего мнения.

– Корабли! – Моррисон вскочил на ноги, натягивая шляпу. – Марсовый, какого дьявола ты еще сидишь! Наверх!

– Не нужно! – бинокль Бенёвского был еще у меня, и я взбежала на кормовую надстройку. – И отсюда все разглядим.

Это были те два восточных кораблика, которым мы помогли у мыса Доброй Надежды. Они подошли настолько близко, что в бинокль я разглядела следы от ядер на их бортах. Значит, они все-таки настигли злополучного «Дона Жуана как его там».

– К бою!

Я не оглядывалась – знала, что на эту команду мои люди реагируют всегда одинаково. Что-то кричал Бенёвский, призывая образумиться, но рев боцмана перекрывал его. За минуту канониры встали у пушек, стрелки заняли свои места. Несмотря на то, что перетащить пару стволов на кормы я не догадалась, мы могли достать эти маленькие корабли. Точнее, Роберт с помощью кобры – мог. Но я помнила о шкатулке, которую они пытались вернуть, и поэтому решила не торопиться.

У бушприта одного из кораблей кто-то отчаянно размахивал белым флагом. Я приказала ответить тем же. Говорить – так говорить. Стрелять-то нам уже надоело. Корабль двинулся к нам, в то время как второй направился к берегу в стороне.

– Дикари! – Джон тронул меня за плечо. – Они выходят из леса, встречают их. Как друзей.

– Плохо дело, – пришлось признать мне. – Не знаю, Бенёвский, как по-вашему, а обычно старым друзьям верят больше, чем новым.

Полковник ничего не ответил. Корабль подплыл к нам на расстояние крика и я узнала в человеке на носу толстяка Бартоломеу. Выглядел он неважко: весь то ли в грязи, то ли в крови, один глаз совершенно заплыл.

– Капитан! Мой судно потоплен! Не в добрый час мы вас встретить!

– Это точно, Бартоломеу! Прошу прощения, но бывает и так! – мне и самом деле было стыдно. – А где остальные, и капитан Диаш?

Вместо ответа Бартоломеу провел пальцем по горлу. Я прикусила губу. Значит, я даровала португальцем жизнь, не убив никого, кроме подлого Фария, а эти мерзавцы решили по-своему?

– Это арабский корсар! Или пират... Но он поклялся, что убивать всех христиан! Вы ему не верить! – Бартоломеу явно не потерял присутствия духа. – Я не говорить о ваша стрельба! Топить их оба и все! Сейчас!

– Погоди! – я ничего не имела против предложения Бартоломеу, но спешить было некуда. – Что хочет этот корсар?

– Басим Смертельный, так его звать! Не верить ему! Он хочет шкатулка! Не давать! – Бартоломеу в своей вспыльчивой манере притопнул ногой, и один из стоявших сзади воинов врезал ему по хребту. – Стрелять, а не шкатулка ему!

– А что он мне даст за шкатулку? – спросила я. – Скажи, что она мне нравится!

Бартоломеу перевел, долго слушал ответ, еще раз получил по хребту и снова закричал:

– Жизнь, говорит, всем! Но не верить! Басим Смертельный всем христианам смерть, клятва! Стрелять и все! Еще Басим говорить, что сакалава его друзья! Это, наверное, правда, я отсюда вижу как обниматься они!

Я повернула голову к берегу и увидела, как какой-то вождь дикарей обнимается со спрыгнувшим на песок арабом. Значит, наших чернокожих воинов зовут сакалава... Что толку мне от этого слова? Подружиться с ними уже не получится, затея Бенёвского провалилась, даже если еще и был какой-то шанс.

Клятва убивать всех христиан, которых этот Басим встретит, меня не впечатлила. Я таких клятв слышала сотни: убивать всех испанцев, убивать всех французов, убивать всех индейцев... Наговорит человек сгоряча, а потом, глядишь, вместе с теми, кого клялся убивать, идет походом городок разграбить. А потом при дележе добычи сцепится со своими же. Пиратское настроение меняется так же быстро, как погода на море, если только речь не идет о чем-то очень ценном.

— Скажи ему вот что, уважаемый дон Бартоломеу! Скажи, что у меня поврежден корабль, нужна долгая, серьезная починка. Потом я могу отдать ему шкатулку, но пока она мне очень нужна. Потому что я храню в ней порох!

Прозрачнее намека, кажется, и не придумаешь. Дюпон даже хохотнул и принял довольно закручивать усы. А бедняга Бартоломеу, когда перевел все мне сказанное, в награду получил тычок кулаком в живот.

— Басим говорит, со шкатулка хоть что-то случится — смерть всем! Отдавать шкатулка — он отпускать всех. И сакалава не тронут, будет починка!

— Дожмай его! — подсказал Клод. — Басиму нужна эта шкатулка куда сильнее, чем все наши души.

И началась торговля. Она продолжалась так долго, что и я, и Бартоломеу вконец охрипли и с трудом понимали друг друга. А уж сколько Бартоломеу получил тычков и пинков, пока переводил мои ответы! Я поклялась себе, что сделаю все возможное, чтобы выручить беднягу. Он мне нравился. Тем более, что все время призывал кончать разговор и расстрелять арабов вместе с ним. Английского корсара, видимо, совершенно не понимали.

А торговаться было о чем. У меня было больше пушек, почти только же людей. Если починить пробоину и позволить «La Навидад» отойти от берега — как Басим сможет отобрать у меня свою драгоценную шкатулку? Но и я не могла верить ему на

слово. Наконец, сошлись на том, что люди Басима под руководством Тощего Бена сами доставят все необходимое и с помощью сакалава починят наш борт. Потом мы можем дождаться прилива и сняться с якоря. Но все это время шкатулка должна находиться на берегу, и лично я – вместе с ней. Пришлось согласиться, другого варианта я не видела. Роберт отчаянно протестовал, но остальные молчали.

– Бочонок пороха! – прохрипела я, когда мы закончили. – Полный бочонок! Я хочу, чтобы полная пороха шкатулка стояла в бочонке с порохом, и случись что – кусочка бы Басиму не досталось!

Спустя час приготовлений и дополнительных переговоров все выглядело так: я сидела футах в ста от «Ла Навидад» верхом на бочонке и держала в руках шкатулку, в самом деле полную пороха. Руке у меня был заряженный пистолет, а вокруг – человек двадцать вооруженных корсаров.

Первым делом шкатулку осмотрели, прямо у меня в руках. Мы с Джоном догадались отмыть ее от чернил, прежде чем показывать, и проверка прошла хорошо. Сам Басим подойти не рискнул, ограничившись посылкой доверенных людей. А потом... Потом началось тягостное ожидание.

Хотя надо отдать должное: за починку Басим взялся со всей ответственностью. У сакалава корсар пользовался огромным авторитетом, так что в рабочих руках у нас недостатка не было. Когда стемнело, разожгли костры и продолжили работу. Бен, руководивший всем, время от времени показывал мне жестами: все в порядке. Указания от меня он получил простые, но строжайшие: чтобы все было сделано хорошо. Чуть что не так – работа прерывается, и мы возвращаемся к переговорам.

Поначалу меня эта ситуация забавляла. Все работают, а я сижу и наблюдаю. По личному указанию Басима – я бы не догадалась в суете! – надо мной соорудили навес из жердей и листвьев. По всей вероятности, араб боялся, что порох может

перегреться на солнце. И все же очень скоро мне стало и жарко, и скучно. Воды я старалась много не пить – ситуацию, когда нужно срочно отойти, мы не обговаривали, и возвращаться к ней показалось мне неудобным. В такой жаре вся влага может выйти с потом, нужно просто немного потерпеть.

Ночью я, наоборот, стала замерзать. От долгого сидения на одном месте все мышцы затекли, я встала, чтобы немного размять хотя бы ноги. Тут же кольцо вокруг меня сомкнулось, взметнулись шпаги. Я уже готова была стрелять и мысленно попрощалась с кораблем и друзьями, но люди Басима замерли. Я села на место, они расступились. Пришлось разминаться, болтая ногами.

Утром началась настоящая пытка. Я орала на Бена, потопливая его, но он только разводил руками – работа и без того делалась как можно быстрее. Джон и Роберт, которым и заняться-то было особо нечем, то и дело подходили к баку и пялились на меня, потную и злую. Я прогоняла их ругательствами – можно подумать, это мне как-то могло помочь! Вот уж не думала, что одним из самых тяжелых испытаний в моей жизни окажется просто сидение на одном месте в течение почти полутора суток.

На Дюпона кричать было бесполезно, он просто не реагировал. Иногда он спускался на берег и прогуливался поблизости, нервируя моих стражей. Иногда куда-то пропадал. Я искренне надеялась, что он своим холодным, расчетливым умом придумает, как закончить игру.

Как только «Ла Навидад» закачается на волнах, я должна была передать шкатулку людям Басима, еще перед этим отдав им же пистолет. Ситуация получалась глупой: как только я это сделаю, меня тут же схватят и в лучшем случае зарежут на месте. Я заставила корсара поплясать под свою дудку, а такие люди, как Басим Смертельный, такого не прощают. Я перебрала в уме много вариантов, но ничего не придумала, и свалила

все на друзей: выручайте как хотите. И теперь боялась, что кто-то мог погибнуть. Прежде всего, конечно, я сама. Ведь Басим не дурак и тоже готовится к каверзам с нашей стороны.

И еще, конечно, я старалась думать о Бартоломеу. Ему сохранили жизнь только для переговоров с нами – расправившись с португальским кораблем, Басим убил всех пленных и кинулся в погоню за шкатулкой. Ему повезло, ведь если бы не проклятый древесный ствол в море, мы были бы уже далеко от этих мест. Как выручить толстяка, мне просто в голову не приходило. Тем не менее, как только Басим закончит с нами, он умрет.

Сакалава очень старались, выполняя почти всю работу. Насколько я поняла, Басим подружился с их вождями и снабжал их оружием. Ночью, когда они сидели вдалеке у костра, мне удалось разглядеть, как дикари хвастались перед арабом автоматами. Вскоре прозвучало и несколько выстрелов, сопровождаемых восторженными криками. Это, с одной стороны, было скверно – ни к чему Басиму знать о нас много. Но имелась и другая сторона: можно солгать ему, что мы знаем, где добыть еще такого оружия, и... Я не могла придумать, что дальше – у меня ныло все тело и темнело в глазах. Но нужно было держаться.

Вечером начался прилив. Бен, подойдя насколько ему позволили, доложил, что в целом все хорошо, и хотя лучше бы постостоять еще денек в сухости... Я поняла его с третьего или четвертого раза.

– Бен! – у меня уже голова кружилась, и я с трудом могла его разглядеть. – Бен, починка закончена?!

– Ну, я же говорю, – снова начал он, – что в целом закончили, но хорошо бы просушить как следует, потому что смола она все же...

– Мы можем плыть, тощий дьявол, или я тут подохну?!

– Можем плыть, – признал Бен. – Прилив начинается. Скоро можем плыть. Хотя лучше бы...

– Заткнись и убирайся! Позови Дюона!

Француза ко мне не подпустили и на двадцать шагов, он казался арабам слишком опасным. Впрочем, и разговора у нас особого не получилось.

– Иду к Басиму! – крикнул он. – Теперь будем выкупать тебя!

– И Бартоломеу! – крикнула я ему вслед. – Скорее, я же своей задницы с утра не чувствую от этого чертовского бочонка!

Что мои друзья могли предложить в обмен на мою голову? Кое-что могли. Например, могли показать, что способны несколькими выстрелами из пушек уничтожить оба арабских корабля, хоть они и держались на большом расстоянии от нас. Но тогда Басим, скорее всего, вообще не решился бы меня отпустить – оказавшись на свободе я, видимо, так и поступлю. Могли предложить в подарок фигурку кобры. О, она в глазах Басима наверняка привлекательнее моей головы! Вот только получив кобру, он сможет, в свою очередь, потопить «Ла Навидад» и, конечно, этой возможностью воспользуется. Как не вспомнить Бенёвского с его криками о том, что людям нужно доверять. Нужно, но не таким, как Басим. И не таким, как я, уж прямо скажем. Потому что я арабов с удовольствием отправила бы на дно, просто в отместку за бессмысленно убитых португальцев. Не люблю такой резни. Мы живем в мире, где существует рабство – зачем же убивать тех, кто сдается?

Я увидела, как к костру Басима привели Бартоломеу, и начались новые переговоры. Потом Клод рассказал мне, что сперва предложил заменить меня собой или любым другим членом экипажа. Он пытался объяснить, что ставить под угрозу жизнь молодой женщины – не слишком достойное моряка занятие, но Басим его прервал. Он сказал, что порядочные девушки сидят дома, а та, которая надела штаны и шатается по морям, таковой уже не является, поэтому аргумент силы не имеет.

Тогда Клод стал предлагать золото, но Басим только улыбался. А потом сказал, что Дюпон явно не настолько глуп, чтобы не

понимать, что шкатулка скрывает в себе нечто более ценное, хотя никому, кроме него, Басима, это из нее не извлечь. Поэтому все свое золото француз может повесить себе на шею и идти утопиться. Затем Клод изложил корсару совместно с Джоном изобретенную хитрую схему, согласно которой я должна была отойти, а шкатулка осталась лежать на порохе до тех пор, пока меня не поднимут на борт. Басим начал сердиться, напомнил, что отлично знает, что будет с порохом, если в него выстрелить с корабля, и прогнал Дюпона ко всем чертям.

Между тем прилив уже отделил «Ла Навидад» от берега тонкой полоской воды. Клод вернулся, сердито фыркая, утер платком лицо и сказал:

– Все будет как всегда, Кристин.

– А как всегда – это как? – я уже ничего не соображала. – Клод, я не смогу даже встать.

– Потому что глупая затея. Надо было подумать пару дней, посоветоваться… – Француз снял шляпу, потом снова надел и широко зевнул. – Ну что, руки еще действуют? Кидай шкатулку за спину, как можно дальше.

– Что?! – не поняла я.

– Кидай шкатулку! – тем же игривым тоном, чтобы не беспокоить мою охрану, повторил Дюпон. – Кидай через голову как можно дальше!

Я глубоко вдохнула, выдохнула, и, мысленно завизжав от страха, швырнула шкатулку. Она раскрылась, и порох осыпал меня с головы до ног. Не знаю, далеко ли она отлетела, но стража от неожиданности на секунду замерла. И в эту секунду Дюпон, выхватив из-под камзола два пистолета, прикончил тех, что отделяли его от меня и кинулся вперед. Все, что я могла – это свалиться с бочонка ему навстречу.

А тихая ночь уже наполнилась грохотом – с «Ла Навидад» стреляли из всего, что могло стрелять. В воду посыпались пираты, и сразу оказались на берегу. Приятно было посмотреть со

стороны, как слаженно действовали парни – обычно-то я была вместе с нападавшими. Долго смотреть, конечно, не пришлось. Клод ухватил меня за шиворот и поволок по песку, отмахиваясь шпагой от наседавших арабов. Долго бы ему не продержаться, но рядом уже появился Джон, тут же Моррисон с тесаком, и вот я уже в воде.

– Хватайся, втянут на борт! – Дюпон сунул канат мне в руку и тут же отвернулся к подбегающим сакалава. – Еще немного, и все на борт!

Меня потащили вверх, к бушприту, и я увидела разыгравшееся из-за меня сражение сверху. «Ла Навидад» еще не мог плыть, прочно зарывшись килем в песок, но друзья решили сыграть на опережение и выиграли. Через полчаса Басим уже привел бы своих людей в полную готовность, но теперь основные силы врага еще только подбегали к берегу. Пуля ударила в борт корабля – кто-то попытался достать меня в последний момент, но мне снова повезло. Может быть, дельфин постарался? Впрочем, я и сама довольно удачливая. Еще миг, и я кулем повалилась на палубу.

– Выбрать якоря! – пора было командовать. – Всем на борт!

– Выбрать якоря!! – заголосил, повторяя, Руди. В бою от него толку не было никакого, зато кричал от страха громко. – Всем на борт!!

– Бартоломеу, сейчас или никогда!

– Бартоломеу, сейчас или никогда!! – Руди выкрикнул и усталлся на меня с удивлением. – А где он?

– Где-то по левому борту! Эй, не могу командовать лежа, поднимите меня!

Меня подняли и попытались поставить на ноги, но я их не чувствовала. Удалось кое-как уцепиться за борт. Уже почти совсем стемнело, но я увидела, как Бартоломеу со связанными за спиной руками мчится к воде словно пушечное ядро. Прежде, чем он скрылся в брызгах прибоя, в плечо ему вонзилась стрела.

– Сакалава взялись за луки, – вздохнула я. – Ну, сейчас будет как ночью, только хуже. Моррисон на борту?!

– Да, капитан! – боцман, появившийся на миг, вдруг исчез, и тут же его голова снова высунулась из темноты. – На ноге какой-то гад повис! Дайте хоть саблю!

Получив требуемое, он наконец избавился от лишнего груза и тяжело перевалился через борт.

– Да, капитан, боцман здесь.

– Мы отплываем, проследи чтобы все-таки подняли якоря! – я понимала, что команда занята боем, но нужно ведь и другими вещами заниматься. – Иначе мы сможем отплыть только вместе со всем Мадагаскаром, а это крупный остров! Руди, а ты кинь веревку Бартоломеу!

– Да где он?.. – немец хлопал белесыми ресницами, силясь хоть что-то разглядеть.

– Кидай же, у него руки связаны! Дай ему шанс, он зубастый! – сейчас, когда команда второпях втаскивала на борт своих, никто просто не мог заняться португальцем. – Кидай!

Руди хотел еще что-то у меня спросить, но стрела чиркнула его по волосам, и канат наконец полетел за борт. Мысленно пожелав Бартоломеу удачи, я занялась своими людьми. Джон уже оседлал бушприт и с него выпалил из пистолета вниз, Роберта я слышала, он требовал пропустить его к пушкам. Где же Клод? Не успела подумать, как чья-то рука ухватилась за борт прямо перед моим лицом, и француз позвал снизу.

– Что?! – я не чувствовала ног и мне приходилась висеть на руках, как и ему. – Залезай!

– Бартоломеу! Ты же хотела его?! Выбирайте канат!

Хотите верьте, хотите нет, а упрямый португалец и правда вцепился в канат зубами. Вот только вряд ли мы он выдержал бы подъем на борт, не придержи его Дюпон за волосы. Вдвоем с Руди мы кое-как помогли забраться на «Ла Навидад» обоим, а потом я почувствовала легкое, еле уловимое покачивание. Это

означало одно: корабль начинал всплывать. Нужно было продержаться совсем немного.

– Дельфинчик! – я полезла за пазуху. – Дай нам ветерка от берега, прямо сейчас!

И ветер пришел. Еще продолжалась стрельба, и даже бой на палубе по правому борту, но мы уже ставили кливера на фоке. Изящный разворот, последний залп, и «La Навидад» заскользил в темноту, набирая скорость. Сакалава снова зашвыряли нас горящими стрелами, но это нам не угрожало: в темноте канониры арабского корсара не могли рассчитать расстояние до цели, даже видя удаляющиеся огни. На глаза мне попался Бартоломеу – он разминал затекшие руки и с ненавистью смотрел на удаляющийся берег.

– Право руля! – я хотела решить все проблемы сразу. – На арабских кораблях горят лампы! Роберт, пора бы им понять, что это было последнее плавание!

– Прошу вас! – Бенёвский, до этого не попадавшийся мне на глаза, спустился на палубу с кормы. – Прошу вас, Кристин! Мы только что вырвались из боя. Спасая вас, погибли люди – не торопитесь снова проливать кровь!

Я хотела ответить резко, но тут мои ноги начали отходить. Тысячи иголок! Я выпучила глаза и сжала зубы. Только мысли проносились в голове: ну что он такое говорит?! Я попала в это дурацкое положение только потому, что спасала всех! И, в конце концов, если команда решила выручить своего капитана – то это ее решение, за которое, конечно, пришлось кому-то заплатить. Я никого на смерть не гнала.

– Всем пришлось нелегко! Но я ведь говорил вам всем, – Бенёвский обращался к матросам, и я поняла, что пока сидела на бочонке с порохом, он зря времени не терял. – Говорил, что дружба с дикарями и возможна, и выгодна. В этот раз нам не повезло. Хорошо еще, что мы выполнили условия сделки – вернули им шкатулку. Теперь дикиари знают, что мы честные люди.

Бой для них дело обычное. Но если мы вернемся сеять смерть после того, как нам помогли починить корабль... Сакалава этого не поймут. Тогда Либерталии придется долго налаживать с ними отношения.

– Капитан! – передо мной присел Моррисон. – Все очень устали. А здесь, совсем рядом, есть золото, и полковник обещает нам хорошо заплатить, если мы его туда доставим. Даже очень хорошо!

Он еще тайком подмигнул мне. Да, я знала, что Рыжий Моррисон – старый пират и сколько ему не заплати, все равно еще сам возьмет в три раза больше. Я даже была не против посетить этот Храм... Хотя какой же скользкий тип этот Бенёвский – то утверждал, что никто не сможет ничего взять, а теперь готов заплатить. Но команда действительно устала, и хочет не сражаться, а получить, наконец, то, за чем они плыли – добычу. А мое спасение, как ни странно, уронило мой же авторитет. Капитан это тот, кто спасает, а не тот, кого приходится спасать.

Я видела, как подобрались ближе и Джон, и Роб. Конечно, Клод где-то неподалеку, но затевать драку сейчас – глупо. Например, потому, что у меня ноги болят так, будто их глажут адские демоны, и я в заварушке участвовать не смогу. Я аккуратно сняла с шеи дельфина.

– Полковник! Ведите нас к своему Храму, мы все хотим на него посмотреть!

Лицо Джона просто побелело. Жаль, что он меня не понял... Что бы не говорил Прозрачный, а иногда надо ему показывать, что и у нас есть свое мнение.

Бенёвский снял шляпу, поклонился и принял фигурку. Потом встал, показал ее всем и сжал в кулаке.

– Идем на север! Бухта близко! Я уже ее чувствую!

– Виват капитану!! – закричал Моррисон и его тут же поддержали. – Капитану Кристин – ура!!!

– Может, и вы мне что-нибудь подарите? – спросила я.

– Я отплачу вам позже, отплачу сторицей! – Бенёвский вернулся ко мне, обнял, и я с трудом его оттолкнула. А то бы еще и целоваться полез. – А пока... Вот, примите! Жаль, мало патронов – только те, что в нем!

Он сунул мне в руку пистолет из двадцатого века, маленький, легкий и точный. Хорошая вещь. Но я-то, конечно, имела в виду бинокль! Не верилось, что он не понял. Наверняка в очередной раз ловко выкрутился. Я спрятала пистолет и протянула руку Джону.

– Помоги мне дойти до каюты, пожалуйста.

– Ты не можешь ходить! – Клод, выйдя из-за моей спины, подхватил меня на руки. Он понес меня к корме, и прошептал на ухо, щекоча усами: – Есть такая игра: политика! И только что ты обыграла этого шахматиста!

Оставалось утешаться этим. Впрочем, без дельфина я спала лучше.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Запретная бухта

Утром пришлось устроить панихиду. Печальное дело, но и без него никуда: люди хотят знать, что когда их не станет, их вспомнят еще хоть раз. Поскольку на песчаном берегу остался не один наш человек, рому было выпито немало. Но я не беспокоилась. Дельфин у Бенёвского, и он, явно всю ночь не спавший, торчал у самого бушприта, вытянувшись в струну, словно какая-нибудь носовая фигура.

В детстве я часто приставала к отцу, чтобы и у нас под бушпритом был какой-нибудь Посейдон или Афина, или хоть черт с рогами, но красивый. Я постоянно видела такие на других кораблях. Но отец говорил, что пока не найдет кого-то, для «Ла Навидад» подходящего, фигуры не будет. Потому что у него не такой корабль, чтобы тащить на него что попало.

А теперь Бенёвский напомнил мне Джона в то плавание, когда мы гнались за «Пантерой» и Моник на борту. Он, несчастный влюбленный, не спал и не ел, пока не приблизился к цели. А все страдания были из-за того, что Моник и Клод с двух сторон наивешали ему на уши. Что ж, пусть теперь помучается наш полковник. Одно меня задевало: он не просто смотрел вперед, он смотрел вперед в свой чудесный бинокль. Который обыкновенным образом украл у капитана, которого убил. Святой человек! Говорит, что надо заниматься честный трудом, а не разбоем.

Я сказала небольшую речь, вспомнив всех по именам. Имена двух португальцев, ушедших с «Дона» с Бенёвским, пришлось предварительно записать на руке. Ненадолго же они пережили тех, кто там остался. Из спутников Бенёвского в живых остался только Устюжин. Может быть потому, что сам был удачив, а

может быть потому, что всегда держался рядом со своим Маурицием. Неизвестно, кто кого хранил: у поляка и правда была своя, особенная судьба. Зато теперь с нами был Бартоломеу, который показал себя неплохим моряком и, несмотря на рану в плече, уже успел подраться с Тощим Беном по поводу качества починки. Что ж, хороших моряков много не бывает.

После совмещенного с панихидой завтрака я бродила по палубе, наблюдая за очередной приборкой: мы снова отдраивали кровь. Заодно я разминала все еще болевшие ноги, и не только ноги. Джон, пытавшийся на быстро бегущем вперед корабле рисовать карты побережья, дважды попался мне на пути, пробегая в каюту и обратно. На третий раз я поймала его за рукав.

– Давай, говори!

– Ты сама все знаешь! – он упрямко уставился мне в глаза. – Бенёвский – орудие наших врагов!

– Застрелишь его?

– Если понадобится! – и челюсть вперед выпятил, будто я его на драку вызывала. – Конечно, не сейчас... Кристин, он-то не виноват, он верит, что делает доброе дело! Но мы знаем, что все не так! Зачем ты дала ему дельфина?

– Чтобы он отвел нас к золоту, зачем еще? Мы же пираты, Джон! – мне нравилось ему про это напоминать, он всегда так смущался. – А игры с Прозрачными – так, развлечение. Команду надо, между прочим, кормить не только сухарями и солониной! Им нужно золото. А если его долго не будет, то парни потребуют берега, таверны и всего, что к ней прилагается.

– Золото у нас в трюме! – попробовал спорить Джон. – И уже давно! Это хорошая добыча.

– Так значит, курс на остров Оук? А потом назад, на Тортугу, пропивать?

– Нет, надо ждать, что скажет Прозрачный... Он пока не может назвать имя. Ты же понимаешь, у них все очень сложно.

– Да, скажи еще, что мне не понять! – вот это меня особенно злило в Прозрачном. – То мне чего-то не понять, то у него нет времени... Нет уж, пусть будет рад, что я его просто к чертям не послала до сих пор. Пора показать зубы. Сначала мы посмотрим, куда нас приведет Бенёвский, а там, может быть, что-то станет ясно и нам тоже.

Джон не нашелся, что ответить, и пошел дальше учиться рисовать карты. Довольная собой – не каждый раз удается упрямца переспорить! – я подошла к Бенёвскому. «Ла Навидад», подгоняемый сильным попутным ветром, рассекал волны неестественно ровно, почти не покачиваясь. Они сами расступались перед его носом.

– Далеко еще, полковник?

– Дня два, если ничего не случится, – нервно ответил он, не отнимая бинокля от глаз. – Спасибо вам, Кристин, я очень благодарен. Ваше решение твердо?

– Какое решение?

– Добраться до Храма, о большем я не прошу. Надеюсь, вы все поймете там. Ну, а нет, так нет. Просто не мешайте, прошу вас. А я всем заплачу, не сомневайтесь, и вам, как положено, двойную капитанскую долю.

Говорить вот так, с его затылком, мне не понравилось. Впрочем, дельфин на всех действует по-разному, как, наверное, и другие предметы.

– Не забудьте только, что у нас есть охотничье соглашение. Все погибшие указали своих наследников, а еще некоторые потеряли пальцы, один ступню, и один – глаз. За все это тоже положена компенсация. Я вам могу дать почитать, у нас все по-честному.

– Потом! – Бенёвский передернул плечами. – Все потом... Это неважно. Я заплачу, сколько потребуется. Там все есть, все! Только бы скорее!

Я отошла и, конечно, столкнулась с Устюжиным, который покуривал трубку на баке.

— Иван, вы бы снимали с него дельфина на ночь. Это позволит уснуть.

— Предлагал, да он не позволяет. А я и сам хочу побыстрее, Кристин. Ведь все, что было — так, тропинка к дороге. Доберемся до Храма и увидим дорогу настоящую. И ты увидишь, если захочешь.

«Ла Навидад» летел вперед весь день и всю ночь. Я прекрасно выспалась, да и все остальные тоже. Все, кроме Бенёвского. Что ж, тем спокойнее было мне: он не упадет и не выронит дельфина из рук, и не будет ни шторма, ни дерева в море. И вот, когда время подходило к полудню, а мои пираты от безделья взялись плясать под губную гармонику Руди, Бенёвский отошел от бушприта. Он был бледен, истощен, но счастливо улыбался.

— Это здесь!

Мы дружно подскочили к борту, вглядываясь в берег. Нет, никакой бухты мы пока не видели.

— Впереди! — пояснил полковник. — Я видел в бинокль. Там камни, как и писали либери в письме к Петру Великому. Камни, через которые провести корабль может только волшебная фигурка дельфина! Полагаю, нам разумнее взять лево руля, а потом пойти прямо к берегу!

Он встал за штурвал и начал маневр. Ветер, конечно, помог ему, так что за управление кораблем я могла не беспокоиться. Но ветер и волны — это одно, а как быть с камнями? Дельфин не сможет сдвинуть их с места! Хорошее настроение пропало. Я бросилась на бак, и сразу увидела, о чем говорил Бенёвский: море здесь глубоко врезалось в сушу, но узкий проход был закрыт мелкими скалами, едва торчавшими из-под воды. Прибой разбивался о них, и облако брызг мешало рассмотреть бухту.

— Полковник, остановитесь! Нам надо кое-что обсудить!

Я направилась прямо к нему, но он так круто взял вправо, что мне пришлось схватиться за шкот и подождать, пока закончится поворот. Оглянувшись, я увидела, что теперь мой корабль

летит прямо на скалы. Ветер усилился. Как быстро все произошло! Я поспешила к штурвалу.

– Шутки кончились, Бенёвский! Дельфин не научит «Ла Навидад» летать! Мы разобьемся в щепки!

– Мы разобьемся, если будете мне мешать! – полковник вцепился в штурвал так, что пальцы побелели, и шумно дышал, раздувая ноздри. – Тамплиеры были здесь! Проход есть, и дельфин укажет его!

Я сделала еще шаг, но Устюжин неожиданно схватил меня за плечи и отбросил в сторону, как котенка.

– Нет, Кристин! Умоляю, дай ему сделать то, что он должен сделать!

Краем глаза заметив, как на Устюжина кинулся Роберт, я снова оглянулась. Скалы были совсем близко! Ветер так усилился, что с мачты сорвало испанский флаг, который полетел вперед, обгоняя корабль, и первым скрылся в сплошном море брызг, поднимавшемся до самого неба. Поворачивать было поздно.

– Оставь его! – успела я крикнуть Моррисону, занесшему над головой Бенёвского пудовый кулак. – Поздно!

Устюжин пытался сбросить с себя вцепившихся в него Джона и Роба, и одновременно задержать рвавшегося к штурвалу француза. Услышав мой крик, все прекратили борьбу и уставились вперед.

– Держись! – закричал вдруг Моррисон. – Спасайся, кто может!

В следующее мгновение «Ла Навидад» влетел даже не в брызги, а в пену. Дышать стало тяжело, я больше не могла разглядеть в этой пелене даже штурвал. На ощупь я добралась до борта, чтобы хоть за что-то уцепиться. Но удара не было, как не было и минуту спустя. А еще через минуту мы сразу, без перехода, выскочили на чистый воздух и спокойную воду. Мы проникли в тайную бухту Храма.

Бухту окружали горы, сплошь покрытые зеленью. Я разглядела водопад – значит, вода здесь есть. Уже неплохо. Меж го-

рами куда-то вдаль уходила узкая, лесистая долина, но самое интересное было прямо перед нами. В двух милях впереди, в глубине бухты, мы увидели ровную площадку, на которой стояли какие-то длинные, низкие постройки.

– Там пристань, – спокойно сказал Устюжин, выплевывая выбитый кем-то зуб. – Можно смело швартоваться!

– Отставить смело швартоваться! – я встала и, подойдя к счастливому Бенёвскому, оттолкнула наконец его от штурвала. – Боцман! Готовить шлюпку для промера глубины.

– Дельфин не посадит нас на мель, Кристин… – прошептал полковник. – Теперь все будет хорошо. Дело тамплиеров не умрет и будет доведено до конца.

И, тем не менее, я заставила все как следует проверить. А потом с шлюпки мы высадили десант во главе с Дюпоном и Робом. Под прикрытием наших пушек они заглянули в одно из строений. Клод вышел и помахал шляпой.

– Кристин и вы, все! До сих пор вы занимались воровством мелочи! А если хотите золота – оно вас ждет!

Мы пришвартовались, перекинули трап, и я, пока еще с опаской, ступила на берег. Он оказался настоящим причалом, покрытым каменными плитами. Но южную растительность они остановить не смогли, и теперь все были покрыты трещинами. Жизнь торжествовала над камнем.

– Здесь давно никого не было, – уверенно сказал Клод. – Может быть, несколько веков. Постройки кирпичные, но крыши почти во всех рухнули от старости и деревьев, что на них выросли. Только это пустяки, мадмуазель! Зайдите внутрь, дверей тут нет.

Двери и правда сгнили. Я вошла и остановилась пораженная. Когда-то здесь, наверное, были крепкие стеллажи, на которые тамплиеры складывали привезенные в бухту сокровища, но теперь золото просто валялось на кирпичном полу. Кусты и даже маленькие деревца пробились и здесь. Цепкие корни искали

дорогу сквозь золото, опутывали его... Но сколько же его здесь было! Если все постройки полны, как эта...

Пристань наполнилась счастливыми криками команды. Мы нашли не просто сокровище, не просто богатую добычу. Наша находка была просто фантастична! О том, что на золото заявлял права полковник Бенёвский, все сразу забыли. Я прошлась между этими древними складами, заглянула еще в два – то же самое. И везде пьяные от восторга матросы.

– Кристин, я буду молиться за тебя всю жизнь!

Я натолкнулась на Моррисона и Тощего Бена, оба держали по два увесистых слитка в руках.

– Я не знаю, чей это храм: рыцарей, Соломона или Морского Дьявола, но мне все равно! – закричал боцман со слезами счастья на глазах. – Мы погрузим, сколько сможем, и еще немного больше!

– Не забывайте об этом! – я указала на пелену, скрывающую от нас выход из бухты. – Может быть, все не так просто?

– Чепуха! – отрезал Моррисон. – Дельфин вынесет нас, если дать ему приказ, я уверен! Может быть, полковник и не захочет отсюда уходить, но повесьте дельфина мне на шею – и мы вмиг улетим под всеми парусами!

– Или лучше мне! – попросил Бен. – Я когда с золотишком домой, то очень даже хочу побыстрее! Эх, оказаться бы завтра на Тортуге! На нашей Тортуге, конечно. Но ведь нам во времени прыгнуть – раз плунуть, верно?!

– Смотри, чтобы днище выдержало, – приказала я ему. – А ты, Моррисон, следи за ватерлинией! Тут хватит золота, чтобы потопить десять таких кораблей, как наш.

Они оба посмотрели на меня с грустью, а потом Моррисон опять просветлел лицом.

– Есть выход! – сказал он. – Тут же диких мест полно, верно? А если мы это все не перепрячем, мало ли что случится. Сделаем тайник...

– Много тайников! – перебил его Бен. – Нельзя вот такое в одно место складывать!

– Кристин! – ко мне подбежал запыхавшийся Джон. – Кристин, Бенёвский уходит. У него дельфин!

– Начинайте погрузку! – сказала я. – А мы разберемся с полковником.

Бенёвский, по словам бдительного Джона, ушел вместе с Устюжиним в ту самую долину. Мы быстро прошли между складами, где все еще вовсю веселились матросы, и увидели тихо стоявших в стороне Моник и Отто. При виде меня женщина вздрогнула.

– А вы почему не пошли с Бенёвским? – спросила я. – Не интересно?

– Растворялись, – мило улыбнулась Моник. – Столько золота! Но если вы пойдете, то и мы тоже.

Золота, конечно, было много, но голову я пока не теряла. Идти в такой компании слишком опасно. Я оглянулась, но нас уже догоняли Клод и Роберт, оба при мушкетах. Это меняло соотношение сил и делало игру интересной – зачем все же Бенёвскому Моник?

– Идемте, хочу догнать нашего полковника!

Я припустила бегом и вскоре оказалась в лесу, не настолько густом, чтобы трудно было идти. Вся компания, не отставая ни на шаг, держалась позади меня: сначала Моник и Отто, потом остальные. Когда впереди мелькнула широкая спину Устюжина, я перешла на быстрый шаг и оглянулась, рукой нашупывая в кармане пистолет. Автомат в руках лейтенанта фон Белова несколько уравнивал шансы, и все же нас было больше. Моник, немного запыхавшись, только улыбнулась мне. Зато позади я заметила еще одного – Руди.

– А ты что тут делаешь? – прикрикнула я на него, просто чтобы мои парни знали, что он здесь. – Иди помогай грузить золотишко, не отлынивай от работы!

– Простите, капитан! Там жутко как-то. Скелеты нашли, один – в ржавчине. Говорят, от лат рыцарских.

Руди вроде был славным малым, но он из команды Отто, и в такой ситуации поворачиваться к нему спиной не хотелось. Все, что я о нем знала, я слышала не от тех, кому полностью доверяла.

– Убирайся, я сказала!

– О, как вас много! – Бенёвский услышал нас и остановился. – А на берегу, наверное, праздник? Не боитесь оставить команду без своего начальства, Кристин? Ведь перепьются от радости до безумия.

– Рома не хватит, полковник. Когда пираты пьют до безумия – это и выглядит безумно. Только хватит мне зубы заговаривать, пора отвечать на вопросы. Почему вы говорили, что золото никто не сможет вывезти?

– Я не говорил – никто! – рассмеялся полковник. – Я могу. И те, кому я разрешу. Почему? Сами догадаетесь. Но я честный человек, и заплачу вашей команде и вам.

– Сколько же вы нам заплатите? – Мы догнали его и Устюжина, и теперь шли гурьбой. – Услуга уже оказана, а цену вы не назвали.

– Я не знал, сколько здесь золота. А увидев то, на пристани, просто удивился. Видимо, тамплиеры не успели доставить его в Храм, что-то случилось... – он задумался, но тут же потряс головой. – Нет, потом! Потом со всем разберемся. И я думаю, Храм нам подскажет. Он ведь живой.

– Вот оно как! – я все сильнее сжимала пистолет в кармане. Не нравилась мне эта прогулка. – И далеко до Храма?

– Уже видно. Вот он.

Бенёвский показал рукой, и я разглядела невысокую, заросшую пирамиду, сложенную из позеленевших от мха больших каменных плит. Храм меня, признаюсь, не впечатлил. Я ожидала увидеть что-то большее.

– И все?

– Главное – внутри, – Бенёвский остановился и переглянулся с взволнованным Устюжиным. – Сказано, что не все могут туда войти. Проверим.

Лес от пирамиды отделяли футов сто открытого пространства. Мы вышли на эту полянку, и сразу начали спотыкаться, что-то захрустело под ногами. Я преодолела примерно половину расстояния до храма, когда мысок моего сапога задел и подбросил вверх череп. Я ахнула и присела, чтобы лучше рассмотреть, что же скрывается в высокой траве.

– Кости! – удивился за моей спиной Роберт. – Они тут повсюду! Такие... Старые кости.

Я выпрямилась и встретилась взглядом с обернувшейся ко мне Моник. Она смотрела печально и холодно, а руку, так же, как и я, держала в кармане. Ничего не успев подумать, я вдруг заметила нечто черное, массивное, спускавшееся, как мне показалось, прямо с неба, за ее спиной.

– Там! – я показала пальцем, но Моник, усмехнувшись, не стала оборачиваться.

Спустя секунду она уже не могла ни говорить, ни двигаться, как и все мы. Огромный, полтора или даже два фута в брюхе, черный паук висел на толстой нити и медленно шевелил длинными лапами. На меня напало оцепенение, я была не в состоянии даже моргнуть. Мысли в голове проносились так стремительно, что я не успевала понять, о чем думаю, и поняла: это и есть паника. По лбу покатились крупные капли пота.

– Еда... – послышался старческий, дребезжащий голос. – Много еды молодым...

И это был уже предел ужаса. На этом пределе мои мысли потекли медленнее. Проще говоря, я смогла думать. И первое, что поняла – пауки не умеют разговаривать. Им просто нечем это делать. Значит, я слышу то, чего нет.

– Как много лет, – вздохнул паук за спиной застывшей Моник. – И как много лет впереди. А он опять не пришел.

Что-то еще двигалось слева от меня. Я, как могла, скосила глаза и увидела, что Бенёвский медленно поднимает руку.

– Нет, Паук. Я пришел. Я думал, ты ждешь меня в Храме. Как ты велик.

– У меня было много времени, чтобы расти и ждать. Но ты – не тот, кого я жду.

– Тот!

Я увидела, как полковник дотянулся до горла и вытащил наружу дельфина, сжал его в кулаке. Пауку это не понравилось, но он ничего не сказал. Просто я чувствовала, что ему не понравилось. И еще паук растерялся.

– У меня дельфин! – Бенёвский, пошатываясь, но все же двигаясь, показал фигурку Пауку. – А значит, я тот, кого ты ждешь!

Когда полковник заговорил, я поняла, что до этого он молчал. В этом тягучем, медленном мире Паука я лишь слышала мысли Бенёвского. Так же, как и мысли чудовища. Мне пришло в голову, что и меня кто-то может слышать, и тут же откликнулся Клод.

– Я слышу тебя, Кристин. Но ничего не могу сказать.

– И я тебя слышу! – думать только то, что хочешь, оказалось не так-то просто, но я старалась. – Полковник, вы слышите меня?! Убейте тварь!

– Нет, Кристин! – Бенёвский, совсем уже освободившись от чар, обернулся ко мне. – Я не знал точно, что нас ждет. Я не знал, что в Храм и правда может войти лишь тот, кто этого достоин. Я думал, что уже там, внутри, будет какое-то испытание... Но все проще. Прости, но ты не верила мне, не хотела верить. И ты, – он посмотрел мне за спину, – и ты, и ты... И даже ты, Моник, не верила мне никогда. Я даже рад, что твои услуги мне так и не понадобились. Что ж, значит, вам нет дороги в Храм. Вы стали бы только мешать. А я пойду, и принесу оттуда свет знаний и силу оружия, свободу людям и смерть тиранам, я узнаю, как добиться счастья для всех... Идем, Иван!

Он схватил Устюжина за руку и тот медленно, с трудом представляя ноги, пошел за ним. Шаг за шагом они шли к Храму, оставляя нас. Я почувствовала чей-то страх. Не такой, как мой, Клода или Моник, это был животный страх, который и сильных мужчин заставляет биться в судорогах и визжать.

– Кто здесь?! – позвала я. – Джон, Роб! Я не слышу вас!

– Это я!! – пробился вдруг слабый голос Руди. – Пауки... Пауки с ладонь! Их много и они ползут по мне! Они кусают меня, Кристин, помоги мне!

Легко сказать «помоги». Я не могла помочь даже себе. А Паук за спиной у Моник размышлял, я это чувствовала. Он был крайне недоволен поведением Бенёвского, он хотел убить его. Но он должен был держать в подчинении нас, чтобы поели «молодые», как он называл, видимо, тех пауков, что прямо сейчас кусали Руди. Я чувствовала, что он слабеет.

– Клод!! – мысленно закричала я. – Поговори с Руди, ему плохо! Позови кого-нибудь еще, не дайте ему умереть в одиночку!

– Ты слышишь Руди? – удивился Клод. – Я – только тебя.

– Моник! – кроме нее, я никого не видела. – Ты слышишь нас?!

– Что у меня за спиной! – ворвались в мой мозг ее мысли. – Что там, что?!

– Успокойся, – попросила я, немного оглушенная. – Просто Паук. Если считать с лапами, то с тебя величиной. Ты слышишь кого-то еще?

– Только тебя...

И голос Моник исчез, а ее глаза как-то потухли, что ли. Возможно, она упала в обморок. Вот так, не двигаясь. Думать о ней было некогда, я отчаянно старалась понять, почему только я слышу мысли своих спутников, и даже Паука. Проявился Джон, потом и Роберт, я слышала их страхи, но не отвечала. Надо было что-то понять...

Лягушка! Крошечная фигурка лягушки лежала у меня в кармане камзола с тех пор, как я с ее помощью «расспросила» шка-

тулку. У предметов есть свойства, о которых мы не знаем, мы ведь говорили об этом! И если дельфин помог Бенёвскому устоять против Паука, то на что способна моя лягушка? Увы, я не касалась ее пальцами. Все, что оставалось – мысленно попросить ее о помощи.

– Ну, дай мне силу! – повторяла я, думая только о ней. – Дай мне силу, фигурка! Хорошая, красивая, сильная лягушка! Дай мне силу залезть рукой в карман, ведь ты там!

И рука двинулась. Медленно-медленно! Я даже не сразу почувствовала под пальцами ткань. Дюйм за дюймом вверх, а вот и карман. Теперь вниз... Как только пальцы кольнуло прикосновение к волшебному предмету, тело обрело чувствительность. Но пока не полную подвижность. Что ж, Бенёвскому поначалу тоже было нелегко!

– Капитан идет на помощь! – мысленно рявкнула я для всех.
– Держаться!

Правая моя рука тоже была в кармане и сжимала тоже нечто металлическое – подаренный Бенёвским пистолет. Пауки твари живучие, но там должно быть несколько зарядов сразу. Я напрягла теперь правую руку, и она пусть медленно, но согнулась в локте. Стрелять от живота? Сколько угодно! Чуть правее плеча Моник. Не успела я это подумать, как в ее глазах опять загорелся испуг – очнулась! Вовремя, нечего сказать.

Я просто надавила пальцами на спусковой крючок, как объяснял Роберт, пистолет выстрелил. Негромко, сухо, будто головня в костре треснула. Паук вздрогнул всеми лапами, и в тот же миг наваждение спало. Не давая ему снова завладеть нами, я выстрелила еще раз, и одновременно со мной хлопнул выстрел почти над моим ухом – это Клод вскинул мушкет. У него калибр был серьезнее, от паука полетели ошметки. Я выстрелила опять, и Моник, упав на колени, выдернула из кармана свой пистолет, чтобы присоединиться к стрельбе. Сзади снова грохнул мушкет, тут же еще один: Роб и Джон. Живы!

Паук скрючился, я услышала его боль. Он дернулся раз, другой, а потом, быстро перебирая лапами, пополз вверх. Я взглянула туда и увидела паутину, прямо у нас над головами. Она была огромна! Теперь стало странно, как мы ее не заметили – в ней застряло много листьев, а кое-где виднелись плотные коконы. Я не стала рассматривать подробнее и, перестав стрелять, обернулась к Робу. Он как раз заканчивал заряжать.

– Он уйдет наверх, Роберт! Бей по нити!

Он кивнул и, дрожащими руками вскинув мушкет, выстрелил. Кобра не подвела, и паук грязнулся на землю, совсем рядом с Моник, которая, отбросив что-то блестящее, вроде бы снова заряжала пистолет – я не знала, как это делается. Паук, выкинув длинную мохнатую лапу в ее сторону, цапнул за сапог и потянулся к ней. И тогда вперед выскочил до сих пор не проявлявший себя Отто. Немец подскочил к пауку вплотную и высадил в него длинную автоматную очередь, под конец которой чудовище дергалось уже только от ударов. Закончив стрельбу, Отто отбросил опустевший автомат.

– Руди! – вспомнила я, когда над поляной повисла оглушающая тишина. – Руди, ты живой?!

Я обернулась и увидела Джона, топчущего что-то на земле рядом с телом Руди. Сам Джон выглядел молодцом, но немец не шевелился.

– Этих тварей тут сотни! – закричал Джон. – Но они убегают... Теперь! Посмотрите, да Руди весь покернел от укусов! Он мертв.

– Скажи ему спасибо. Если бы послушался меня и вернулся к пристани, паучки начали бы с тебя, – мне было чертовски жаль Руди, но именно поэтому следовало заняться каким-то делом. Реветь-то не время. – Моник!

Услышав свое имя, Моник вдруг начала снова стрелять в Паука. И я почувствовала, как от этих выстрелов погасший мозг странного часового Храма снова пробудился и почувствовал боль. Я ждала. Моник выстрелила восемь раз, и пистолет сухо щелкнул.

– Очень хорошо, – сказала я. – Теперь скажи, Моник, что за услугу ты должна была оказать Бенёвскому?

Она повернула ко мне мертвенно бледное лицо. Ей очень, очень хотелось солгать, я чувствовала это. Но что-то внутри мешало.

– Я обещала, что убью любого, на кого он покажет. Тебя, или кого-то еще. Я хотела только, чтобы он отпустил нас с Отто, чтобы мы могли жить где-то тихо. В спокойном месте, в Европе. Он обещал доставить нас туда.

– Мне не нужна твоя Европа! – вдруг сорвался молчаливый Отто на крик. – Мой фюрер послал меня сюда за оружием! Мы можем проиграть войну без него, ресурсы на исходе! Вся нация напрягает все свои силы, чтобы... – он выдал какую-то длинную фразу по-немецки, а потом неожиданно спокойно закончил: – Я должен принести ему Оружие Возмездия. И оно там!

Он повернулся к Храму. Моник с криком бросилась к нему и схватила за плечи, и тогда Отто, развернувшись, с силой ударили ее в лицо. Она упала, но когда немец посмотрел на Храм, в его лоб уперся ствол мушкета Дюпона.

– Хватит! – сказал француз. – Не шевелись, или уж наверняка больше не увидишь своего фюрера. Джон, найдется, чем скрутить ему руки? А ты, Роб, займись любезной Моник. И проверь сначала рукав – там обычно что-то есть.

Я шагнула к лежащей Моник и сама обыскала ее – Роберту такое доверять нельзя. Пусть он и умеет шарить по чужим карманам, а все равно простодушен донельзя. Стилет, конечно... И где она их вечно берет? Я отшвырнула его в траву. Моник не шевелилась и все смотрела, как связывают ее Отто. Из разбитой губы стекла на подбородок крупная капля крови.

– Свяжи ее, Роб! Так действительно будет лучше!

Я осмотрелась. В гигантской паутине над нами можно было рассмотреть бегающих «молодых», как их называл Паук. Но такого же гиганта я не заметила. Можно было надеяться, что он

сторожил Храм в одиночку. Потом я на всякий случай провела Руди – а вдруг парень еще жив? Я видела людей, парализованных ядом змеи. Пока человек жив, он дышит. Я держала зеркальце у его губ и носа, но оно не запотело.

– Мертв, – сразу определил подошедший Клод. – Смотрит прямо на солнце, а зрачки широкие.

Мне захотелось спорить.

– Всякое бывает! Тем более, мы не знаем, как действует яд этих пауков! Давай его...

Я схватила Руди за руку, и в тот же миг забыла, что хотела сказать. Плоть под кожей была будто жидкая. Яд стремительно разлагал труп. Я отдернула руку и вскочила.

– Что ж, мы помянем его ромом, не забудем! – Клод потянул меня за руку. – Надо поскорее проведать наших друзей в Храме. Я всерьез нервничаю!

– Нет!!! – истошно закричала Моник и упала на колени. – Нет!! Не ходите в Храм, давайте вернемся все на корабль и уплывем! Пусть они там гибнут, а я не хочу! Отто, скажи им тоже, пусть мы все вернемся на корабль!

Я бы тоже не пошла в Храм. Он чем-то пугал меня. Казалось, что там обитает нечто пострашнее Паука, или другой Паук, еще больше и сильнее. Но без дельфина «Ла Навидад» не мог покинуть проклятую бухту.

– Оставим их здесь? – спросила я Клода.

– Идем все! – bukanье рывком поставил всхлипывавшую Моник на ноги. – Соберись, ты же ко всему привыкла!

– Не надо... – последний раз пропищала Моник, но Клод уже волок ее ко входу в Храм.

– Держимся вместе! И перестань шуметь – это может нас погубить. И твоего Отто тоже!

Лейтенант шел к Храму, мрачно глядя себе под ноги. Ох уж эта мне мрачность! Мне захотелось его пристрелить. Весь в своих мыслях, и все они о себе, любимом: он предал, он полю-

бил, он страдает... А на то, что происходит вокруг, таким наплевать. Хотя на самом деле просто тряпка – если уж выбрал между женщиной и долгом женщину, то так и держись своего выбора! Знала я, что от Отто ничего хорошего ждать нельзя. И как теперь быть с этой парочкой? Я постаралась выбросить эти мысли из головы. Проверила пистолет – тот, что торчал за поясом. Все в порядке.

– Все готовы?

Мы собирались перед темным входом в пирамиду. Оттуда веяло каким-то вековым холодом, идти мучительно не хотелось. Но нам был нужен дельфин! Я хотела шагнуть первой, однако Клод схватил меня за плечо.

– Нет, сначала я, – он выставил вперед мушкет. – Если выстрелию – сразу назад! Джон, ты отвечаешь за Кристин. А ты, Роб, прикрой нас сзади и присматривай за влюбленными.

Он шагнул внутрь, и там загорелся мягкий зеленый свет. Я сунулась следом, готовая стрелять, но Клод, жутковато выглядевший в этом освещении, приложил палец к губам.

– Я наступил, и ступень засветилась. Это ступени, Кристин! – прошептал он. – Присядь!

Мы осторожно ощупали холодный камень. Потом Дюпон шагнул на ступень ниже, и та точно так же мягко засветилась. Проклятая магия! Я не могла понять, опасно это или нет.

– Внизу, далеко внизу, видишь? – он показал рукой. – Будто мигает зеленое что-то. Я думаю, это они, Бенёвский и Устюжин.

– Тут так глубоко?! – изумилась я. – Где мы, черт возьми?

– Мне кажется, эта пирамида хорошенько вросла в землю, – Клод опустился еще на ступень. – Просто чувствую, что здесь огромные пустоты со всех сторон. Но наш дельфин внизу, верно? Значит, идем!

Мы пошли за ним. Джон, войдя, споткнулся и негромко выругался.

– Кристин, это и правда обитель какого-то зла, Прозрачный был прав!

– А Подземелье Оука, значит, не обитель зла? – заспорила я просто из желания возразить. – Там башня Сатаны!

– И тут что-то не лучшее, – проворчал шотландец. – Идемте быстрей, может, еще догоним их. Там, внизу, наверное, есть то, с чем лучше не связываться.

Мы бы так и поступили, но Моник, оказавшись на светящейся лестнице, вдруг начала верещать во весь голос. Роб стащил ее на несколько ступенек вниз, но она не унималась. Отто между тем спокойно шел за нами.

– Так дело не пойдет! – решил Клод. – Роберт, посторожи их здесь! Слышишь, лейтенант фон Белов? Ты тоже остаешься! И если двинешься, Роб пристрелит тебя. Сразу.

Улыбнувшись чему-то, только ему понятному, Отто остановился. Мы втроем поспешили вниз почти бегом. Ступени загорались под нашими ногами и вскоре гасли позади. Это было страшно: мы будто бежали в пустоте по короткой зеленой лесенке, которая стремилась выскользнуть у нас из под ног. Тем не менее, зеленая точка внизу стала расти, и скоро мы разглядели такую же лесенку, по которой шагали Бенёвский и его штурман.

«Черт возьми, Кристин, ну почему ты не послушала Джона?! – думала я, стараясь не отстать от длинноногого Клода. – И в какую преисподнюю ты сейчас спускаешься, прихватив лучших друзей? Если мы сложим здесь головы, то скелеты всей команды составят компанию тем, что уже разбросаны по всей бухте. И виновата в этом будешь ты, капитан Кристин Ван Дер Вельде!»

Я уже решила, что лестница уведет нас в самый ад, но шедшие впереди остановились. И тогда перед ними начало разгораться иное свечение. Не зеленое, а желтое. Спустя несколько мгновений мы увидели, что это было. Внизу пирамиды, в самом ее центре стоял и горел ярким золотым огнем огромный бык.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Крах мечты и прощание

– Какой огромный бык! – вырвалось у меня. – Он что, из золота?

– Почем мне знать, – пожал плечами Клод. – Но он разгорается все ярче, и... Господи, ты видишь, что под ним?

Я начала понимать, что огромный желтый четырехугольник вокруг быка, который рос по мере того, как он сиял все ярче – наваленные груды золота. Золотые вазы и золотые монеты, золотые слитки и золотые украшения... Четырехугольник рос, на быка стало больно смотреть. Все основание огромной подземной пирамиды было засыпано золотом. Те сокровища, что мы нашли на пристани, не шли ни в какое сравнение с этим богатством. Клод медленно спускался все ниже, а я стояла, будто оглушенная, жмурясь от этого теплого, завораживающего света.

– Это телец, – сказал Джон за моей спиной.

– Какой еще телец?

– Золотой телец. Может быть, тот самый, из Библии.

– Все-то ты читал... – с завистью сказала я. – Мне ее только Френк Безрукий иногда читал вслух, когда маленькой была. Ничего не помню. Идем за Клодом, ни к чему нам разделяться.

Прежде чем спускаться, мы оглянулись вокруг. Пирамида была просто огромной! Я слышала про египетские, но никогда не думала, что могут быть строения настолько большие. Почему она еще не рухнула, похоронив под собой все это золото?! При свете мы увидели далеко наверху Роба и наших пленных. Роберт помахал нам рукой. Я ответила и пошла вниз. Вместе с Джоном мы бегом догнали Клода в тот момент, когда он снова остановился.

– Смотрите!

Бенёвский упал на колени перед золотым тельцом и окружавшими его сокровищами. Стоявший рядом Устюжин, прикрывая глаза от ослепительного света, внимательно рассматривал пирамиду.

– Вот оно! – донеслись до нас слова полковника. – Вот оно, Иван! То, о чем мы мечтали в остроге на Камчатке! Храм это... Это и золото, и оружие, и свобода – все вместе! Это – деньги! Здесь золото тамплиеров, и его достаточно. Ты чувствуешь его силу?

– Чую, – кивнул Иван. – Странная сила. Я ждал другого.

– Замолчи! – приказал Бенёвский. – У тебя нет дельфина. Он проводник между мной и Храмом. А я сейчас понимаю все и прозреваю будущее.

– Построим на это золото Либертиалию? Получится?

– Получится! Только не на это золото, Иван... Это золото не-прикосновенно! Золото должно лежать в Храме, и не только здесь. Частицы Храма мы создадим по всему миру, как хотели тамплиеры. В них будет лежать золото. И своей силой приносить богатство тем, кому принадлежит. Те, кого мы посвятим в тайну, будут знать, как использовать его силу. Сначала нам придется платить золотом, Иван. Только сначала. Хватит того, что на пристани. И армия туземцев однажды высадится в Европе, чтобы принести туда свободу и свет. Мы пройдем по всему миру, заглянем в каждый уголок, и передушим всех, кто встанет у нас на пути. А потом... Золота не станет, его сила нужна избранным, чтобы сделать других счастливыми. Дать им еду и кровь, труд и обязанности. Все будут счастливы, по всей земле. И им не будут интересны поповские сказки. Рай построится на земле. Потому что когда плоть удовлетворена, человек спокоен и счастлив. Не станет войн, не станет бедности. Потому что самый бедный будет сыт. А все тираны умрут, и сожженный Жак Моле будет отомщен.

– Как же без золота? – глухо спросил Устюжин.

– С золотом. Именно с этим золотом и этим Храмом. Но не нужно им платить. Достаточно его силы. А платить можно бумагами.

– Векселями? – Иван почесал затылок. – Не понимаю я всего этого. И как можно управлять всем миром – не понимаю.

– Ты мне просто верь. А поймешь, когда я смогу тебя посвятить. Но сначала я сам должен стать магистром. Ты видишь ту дверь?

Бенёвский протянул руку, и теперь и я разглядела в углу пирамиды большой символ: глаз, вписанный в треугольник.

– Я должен пойти туда, Иван, – полковник поднялся с колен. – Жди меня здесь. Когда я вернусь, я посвящу тебя во все таинства, и ты поймешь, что мы будем делать, и как. Великий Архитектор давно начертал план.

Клод вскинул мушкет, но не успел выстрелить. Бенёвский шагнул на золото, и Телец вдруг засиял не желтым, а кроваво-красным, зловещим светом. Откуда-то, будто из-под земли, послышался жуткий вой.

– Нет! – Бенёвский сорвал с шеи цепочку и протянул Тельцу дельфина. – Это же я! Я наследник! Я пришел взять свое!

Кровавый свет становился все глуше. Вой приближался. Нужно было на что-то решаться – скоро станет совсем темно. Я толкнула Клода в спину, но снова вскинула мушкет, но в это время позади нас раздался предостерегающий крик Роба. Мы огляднулись, и в сгущающемся мраке увидели бегущее к нам зеленое пятно – что-то стремительно мчалось по лестнице прямо на нас, зажигая ступени. Джон и Клод одновременно схватили меня за плечи и оттащили в сторону, к самой стене пирамиды. Только когда черный клубок промчался мимо нас и сходу ударили Бенёвского, сбив его с ног, я поняла, что это Паук.

– Живучая тварь! – почти восхитился Дюпон и огромными прыжками кинулся вниз. – Оставайтесь здесь!

Внизу Устюжин, сорвав с плеча автомат, палил в паука. Когда заряды кончились, он принялся в ярости бить неподвиж-

ное тело прикладом. На подбежавшего Дюпона Иван не обратил никакого внимания. В гаснущем свете я еще успела разглядеть, как Клод схватил выпавшего из руки поляка дельфина.

– Клод! – позвала я. – Бежим!

Подземный вой приближался! Я чувствовала, что мы или покинем этот Храм сейчас, или останемся здесь навсегда. Джон схватил меня за руку и потащил вверх. Я упиралась.

– Клод! Тебе нужна помощь?!

– Нет, мадмуазель! – я увидела, как загорелась зеленым ступенька, когда он вернулся на лестницу. – Джон, бегите! Я за вами! Иван, уходи, брось его!

Я все еще хотела дождаться Клода, когда сзади и наверху вдруг раздался выстрел. Роб! Неужели Моник и Отто смогли его провести?! Я помчалась вверх по лестнице, обогнав Джона. Впереди не было зеленого пятна – все трое покинули Храм. Минуту спустя и я с пистолетом наготове, запыхавшаяся, выскочила на воздух.

Роб лежал на земле, скрючившись от боли, а над ним стоял Отто. Ногой он давил на готовую вот-вот сломаться шею Роберта, и что-то кричал по-немецки. Увидев меня, он успел выкрикнуть:

– Это должно принадлежать Рейху! Это все должно...

Я выстрелила. Пуля пробила его лоб, и Отто, запрокинув голову, сделал несколько шагов назад прежде, чем упасть. Только тогда я увидела Моник. Она стояла на коленях с опущенной головой, точно ей собирались отрубить голову.

– Роб, ты цел?

– Да как сказать... – он попытался встать, но снова упал. – Не знаю, как он так сумел... Совсем обезумел! Чего хотел-то?

– Он хотел, чтобы его убили, – брякнула я первое, что пришло в голову. – Жди здесь, заряди мушкет!

Снова бегом ко входу в Храм. На мое счастье оттуда уже выходил Клод, поддерживая подвернувшего ногу Джона. Я про-

пустила их и заглянула внутрь, ожидая увидеть скачущего по лестнице демона. Демона не было, и жуткого воя я сверху не расслышала. И все же по лестнице кто-то поднимался – далекое зеленое пятнышко постепенно приближалось.

– Устюжин? – Клод заглянул мне через плечо. – Я бы на его месте не грустил о Бенёвском. Надеюсь, выберется... Только что-то медленно идет.

Я молча забрала у него мушкет.

– Иди, посмотри, что с Робом. Отто, оказывается, не только стрелять умел.

Клод, усмехнувшись, отошел. Я присела в дверях Храма, чтобы убедиться: к нам идет именно Иван, а не какая-нибудь тварь, заслуживающая только пули. Что-то колышло меня сквозь одежду. Лягушка! Тот, кто шел по лестнице, был еще далеко, и я быстро достала фигурку. Мне захотелось послушать Храм. Но со мной заговорил не он.

– Другой... – старый, дребезжащий голос говорил медленно, с каждым словом слабея. – Другой придет, не ты. Успеет вырасти новый Паук, и только тогда придет тот, кто построит на золоте Храм на весь мир и сделает из людей тварей сытых, бессловесных. Но не ты. Тебя обманули...

Голос умолк и я поняла: Паук наконец умер. Если новому Пауку еще только предстоит вырасти, то мы пока в безопасности. Увидев Устюжина, я совсем успокоилась. Вот только с Бенёвским мы так и не распрошались: покраснев от натуги, Иван тащил его вверх по лестнице.

– Оставь! – крикнула я. – Он мертв!

– Жив! – прохрипел Устюжин. – Дышит Мауриций. В шею его Паук зацепил, но не сильно, вскользь пришлось. Не вышло у нас, но все еще наладится... Ты не стрелять в меня собралась?

– Нет, поднимайся! – я опустила мушкет. – На вас больше никто не напал?

– Никто, – Иван выбрался на свет и с облегчением положил Бенёвского на землю. – Посинел весь... Но должен выжить! Мауриций где только не пропадал – а жив! Судьба такая.

– И как же теперь ваша Либертalia?

– Не знаю, – Устюжин достал трубку, повертел ее в руке и сунул обратно в карман. – Мауриций ведь хотел раньше, чтобы войны прекратились, чтобы люди не гибли.

– Паук сказал, что его обманули.

– Паук сказал? Я не слышал. Сдох Паук. Но если Мауриция обманули, и он не наследник... Что ж, жизнь не кончается, и борьба тоже! Может быть, мы сюда еще вернемся, – Иван, крякнув, поднялся и снова взялся за безвольно лежащего Бенёвского. – Надо бы на корабль вернуться, как ты думаешь, капитан?

Я в последний раз прислушалась. В Храме было тихо. Золото тамплиеров продолжило свой сон, ожидая прихода настоящего наследника. Хотя мне бы вообще не хотелось, чтобы оно проснулось.

– Кто такой Жак Моле?

– Тамплиер главный. Сожгли его в Париже, – Устюжин взвалил Бенёвского на плечи. – И однажды отмщение придет, с нашей помощью, или без нее. Идем?

– Ступай, мы догоним.

Клод и унылый Роберт сидели на траве. Я, проходя, потрепала Роба по волосам, пусть немного успокоится. Моник все также стояла на коленях, опустив голову.

– Что теперь? – спросила я.

Она посмотрела на меня совершенно сухими, холодными глазами.

– Теперь ты со мной рассчиталась. А мне надо рассчитаться с Отто.

– И что это значит?

– Отто считал, что у него есть долг. Теперь этот долг мой, – объяснила Моник. – Но тебя это не касается.

– И на том спасибо. Все, мы возвращаемся к кораблю и покидаем это проклятое место как можно скорее!

– Я возьму Отто, – неожиданно сказал Клод. – И Руди хорошо бы забрать.

Увы, забрать тело Руди не получилось. Мы его просто не нашли. Наверху, в паутине, мне почудился свежий, белый кокон. Что ж, у каждого своя судьба.

Когда мы вышли к бухте, первым, кого я увидела, был Тощий Бен. Он сидел, задрав лицо кверху, и отчаянно ругался, поливая ромом ранку в носу. Рядом хохотал Моррисон, оттирая от крови шило.

– Вы чем тут занимаетесь? – спросила я как можно более сурово. – Погрузка окончена?

– Да, больше «Ла Навидад» просто не унесет! – боцман высыпался, и я увидела, что его волосатые пальцы унизаны золотыми кольцами. – А Бен вот себе в нос колечко захотел, потому что уже и в ушах золото, и на пальцах, и на запястьях, а ему все мало! Ну, я и проколол!

– Придурки! – ну что тут еще сказать? – А как же доли считать, если каждый обвешался?

– Да мы решили, капитан, что с таким грузом можно не мечтаться. И что на себе, то не в счет. Вы бы выбрали себе, кому что нужно, – он наконец заметил тела и посерезнел. – Что у вас там приключилось?

– Все хорошо, боцман. И меньше вопросов. Созывай всех на борт, ждать не буду!

Себе я ничего из этого золота брать не захотела. Если уж вся команда в кольцах и серьгах, чем отличиться капитану? Тем, что на нем их не будет. Остальные тоже не проявили интереса к драгоценностям, кроме, разве что, Роба. Но, глядя на нас, и он постеснялся что-либо взять.

Иван отнес Бенёвского на борт, где больного сразу окружили заботой. Все были благодарны полковнику за то, что он привел

их в такое чудесное, как казалось матросам, местечко. На радостях они, конечно же, неплохо выпили в мое отсутствие, и теперь много шутили, делились планами. Все были уверены: «Ла Навидад» покинет бухту тамплиеров, и дельфин быстро, безо всяких хлопот отнесет нас к острову Оук. Потом мы вернемся в старый добрый 1650-ый год, а потом – если не на Тортугу, где мы сильно провинились, то на Барбадос или Ямайку, в любимые таверны, к друзьям и подругам. Рассказы, тосты за тех, кто не вернулся, золото польется рекой, ведь его много, очень много у каждого... Я чувствовала, что этого не случится, но молчала.

– Как ты думаешь: Прозрачные ошиблись? – спросил меня Джон, когда я уже стояла у штурвала с дельфином на шее. – Те, что ведут войну против наших и послали сюда Бенёвского?

– Ваших, наших... – проворчала я. – Спроси у своего Прозрачного приятеля, когда покажется. Может быть, есть силы, с которыми и им не совладать? Мне снова хочется выйти из игры, Джон. И не потому, что я испугалась. Хотя да, я испугалась! Будущее страшно, и я хочу поменьше о нем знать.

– Но нас как раз и просят помочь сделать его не таким ужасным! – возразил шотландец. – Мы же знаем, что Дрейк изменил мир к лучшему? Пусть немного, но изменил.

– Мы пока знаем, что все может измениться. И Васко да Гама может пройти вокруг Африки позже, а не раньше Колумба. И война, на которой сражались Отто и Руди, может оказаться совсем другой. А потом вмешаются те, кто не хочет этого, и все вернут обратно... Я не понимаю уже, в каком мире мы живем! – полоса мелких брызг, зависших в воздухе и скрывавших за собой океан, приближалась. – Все, Джонни, теперь оставь меня, и держитесь все за что-нибудь!

И снова это удивительное ощущение... «Ла Навидад» будто парил в какой-то пене. Это было прекрасное, но в то же время тревожное ощущение. Однако через пару минут мы вырвались! Впереди расстилалась морская гладь, а сзади ревел бьющийся о камни прибой.

– Ура капитану! – закричал Моррисон.

Под дружные вопли я мельком взглянула на компас и обомлела.

– Джон! Этого не должно быть, проверь!

Он посмотрел на прибор и побежал в каюту, свериться. Мгновенно крики смолкли, возле меня сгрудилась половина команды. Все высказывали разнообразные предположения о странной ориентации «Ла Навидад» после выхода из бухты, но ничего толкового я не услышала. Вернулся Джон и подтвердил: компас в моей каюте показывает то же самое.

– А еще похолодало, вы заметили? – он выглядел встревоженным, а мне наоборот стало весело. – Будто бы это другое море.

В довершение ко всему на море опустился туман, и стало понятно, что ночью мы звезд не увидим. Куда тогда плыть, к чему стремиться? Я просто не знала, о чем просить дельфина, и мы не плыли, а скорее вяло дрейфовали на слабом ветерке.

– Давайте похороним здесь Отто! – ко мне подошла Моник, но обращалась она будто ко всем сразу. – Он был очень хорошим. Вы просто его не могли понять, потому что... Я все испортила.

Мне не хотелось ей ничего отвечать, просто кивнула боцману. Спустя полчаса все было готово: мешок из парусины и ядро. Честно сказать, ядра мне было немного жаль – их осталось совсем немного, а куда нас занесло, мы не знали. Я даже хотела предложить обменять ядро на золото – вот уж этого добра на «Ла Навидад» хватало! Но и у Джона, и даже у Клода были такие печальные лица, что я сочла неуместным вмешиваться.

Мне как капитану полагалось сказать пару слов.

– Это тело лейтенанта Отто фон Белова. Я не знаю, с какой войны он сбежал. Я не знаю, каким он был человеком. Я не знаю, чего он хотел. Все, что можно к этому добавить – без него мы не добрались бы до того золота, которое лежит у нас в трюмах. Но он этого, кажется, не хотел. Я не жалею, что я застрелила его, но и не радуюсь этому. Все, я похоронными службами не

увлекаюсь. Если больше никто не хочет ничего сказать, пусть моряк упокоится в воде.

Никто говорить не стал, даже Моник. Она только поцеловала его последний раз, уже сквозь мешок, а в следующее мгновение подводник Отто отправился на глубину в последний раз. Он не сыграл большой роли в моей судьбе, и я не думала, что буду его вспоминать. Вот только Моник забыть Отто не смогла, и вспоминать пришлось.

А тогда мы шли в тумане, по неизвестному морю, и хронометры наши показывали явно неправильное время. Бенёвский дышал и явно собирался поправиться, но пока я могла от него отдохнуть. Я как раз думала, как бы избавиться от назойливого и неспокойного пассажира, когда вахтенный ударил в колокол.

– Кажется, корабль! – матрос указал рукой направление. – Ушел вправо.

– Так право руля! Нам бояться некого, если только тут нет подводных лодок!

Неизвестность томила меня, я хотела найти хоть кого-то, и дельфин помог: минут через десять мы увидели силуэт парусника. И тут Устюжин уронил трубку.

– Постой! – Он схватил меня за руку. – Не приближайся!

– Что случилось? – я не люблю, когда мне оставляют синяки.

– Бояться нечего, он меньше нас в два с лишним раза!

– Есть чего бояться! Это наш пакетбот, – Устюжин побледнел, как полотно. – Тот, на котором мы ушли из острога! Ты видишь человека на рее? Это я.

Все мы дружно уставились на Устюжина, а он совершенно безумными глазами продолжал глядеть на корабль.

– Вот! – воскликнул он. – Я так и сделал тогда, помахал рукой! Но корабль исчез в тумане. Я был уверен, что нас видели, и это было странно...

– Когда «тогда»? Иван, скажи яснее! – потребовала я. – Это не шутки! Где мы?

– Мы возле Формозы. Встретили загадочный корабль на подходе к ней. Через несколько часов туман развеялся, и мы увидели берег.

Я закрутила штурвал, уходя влево. Джон потащил Устюжина в каюту, отмечать наше местоположение. Формоза! Проклятье, да ведь это китайский остров! Тут полно своих пиратов, и чужаков не жалуют. Но самое страшное – время.

– Клод, ты не помнишь, из какого года немцы вытащили Бенёвского?

– Помню, из 1771-го. Поздравляю, Кристин, теперь мы на сто лет в будущем по сравнению с тем годом, куда хочет вернуться команда. И как мы сюда попали – совершенно непонятно, хотя… – Дюпон вдруг хлопнул себя по лбу и полез во внутренний карман. – Мне ведь еще показалось, будто был щелчок…

Он вытащил Ключ и мы внимательно рассмотрели загадочный механизм. Рычажок, который отмечал оставшиеся «повороты» Ключа, перескочил в следующее отверстие. Мы трижды пересчитали, но ошибки не было.

– Теперь осталось шесть «поворотов» Ключа. Не так уж мало, но я надеялся, что без нашего ведома такого не произойдет.

– Проклятый Храм! – я никак не могла понять, что теперь делать. – Формоза, Клод! Мы на другом конце мира! И мы не подводная лодка, чтобы пройти к Оуку «северным путем»!

– Все не так страшно! – попробовал успокоить меня Клод. – У нас есть золото! А с золотом мы и тут не пропадем.

Вернулся Джон, показал карту. От Мадагаскара нас отделяли тысячи миль. А мир вокруг нас был совершенно другим, мы не знали о нем почти ничего.

– Нужно расспросить Устюжина обо всем! Запиши все, что услышишь, Джон! Кто чем владеет, кто с кем воюет, важно все! – и тут же мне в голову пришла просто прекрасная мысль. – Сделай это как можно быстрее. Через несколько часов мы, вероятно, простимся и с Иваном, и с Маурицием Бенёвским.

– Что ты задумала?

– Высадим их на Формозе! – я еще раз взглянула на карту, и в наши паруса подул ветер. Дельфин почуял мое желание! – Я больше не хочу, чтобы на моем корабле находился этот сумасшедший. Пусть играет в свои игры без нас. Если в своем прошлом Бенёвский исчез с Формозы, уплыв на подводной лодке, то сейчас полковник все же доберется до своего корабля. Иван о нем позабочится. Иди, Джон, и скажи, что мое решение не обсуждается.

Как я и ожидала, Устюжин возражать не стал. Немного подумав, он сказал, что лучше высадить нас на острове даже раньше, чем туда доберется их пакетбот. С местом мы определились точно и в нужное время, выйдя на берег, оба скитальца снова окажутся среди друзей, в своем времени. Там и должна была продолжаться их настоящая, а не измененная ложью Прозрачных, судьба.

– Знаешь, – сказал Джон, когда вернулся, – я предложил Ивану остаться с нами. Хороший штурман.

– Хороший, – кивнула я. – Только я знаю, что он отказался.

– Да, он Бенёвского не бросит. Впрочем, и полковник его никогда не бросал.

– Зато нас бросал! – напомнила я. – И в очень неприятной ситуации.

Когда мы бросили якорь и готовились спустить шлюпку, я зашла попрощаться. Бенёвский уже хлопал глазами, понемногу приходя в себя. Я осмотрелась и взяла лежавший рядом с больным бинокль.

– Извини, Иван, это я оставлю себе на память. И у ваших друзей меньше будет вопросов.

– Я бы нашел, что соврать... – Устюжин нахмурился было, но тут же рассмеялся. – Бери, Кристин. Тебе пригодится. Рад был познакомиться, и не поминай, пожалуйста, нас лихом.

– Тогда прими подарок! – я протянула ему увесистый слиток золота. – Вам ведь нужен другой корабль.

– Да, вот это нам в Макао пригодится! – обрадовался он и сунул золото за пазуху. – Нам ведь еще долго плыть.

– Куда?
– На Мадагаскар! Мы еще повоюем с Маурицием, вот увидишь!
– Лучше услышу. Счастливо вам встретиться с друзьями. Не хочешь прихватить с собой Моник? С ней весело!

Он ничего не ответил, только улыбнулся и покачал головой. Так мы и простились. Высадка прошла тихо, вроде бы никто из местных жителей нас не заметил. Мы подняли шлюпку, и я просто пожелала уйти от острова. Куда – мне пока не приходило в голову. Но дельфин сам рассудил, что я хочу на юг. И правильно, не люблю мерзнуть.

– Не могло такого случайно произойти! – сказал Джон, когда мы сели ужинать. – Кто-то решил исправить ошибку и отправил нас из Храма прямо сюда, чтобы Бенёвский вернулся к своей настоящей судьбе.

– Кто-то, или сам Храм. Ведь полковник говорил, что Храм живой, – напомнил Клод. – Хотя много ли он знал об этом Храме... Думаю, Прозрачные попытались завладеть им, и ничего не вышло.

– Значит, есть и то, что им неподвластно?
– Если бы они все могли, то ни о чем не просили бы нас, – резонно заметил француз. – Но они, кажется, сами мало что могут.

– Мне иногда хочется выбросить все волшебные предметы за борт, – пожаловалась я. – И снова пойти грабить корабли.

– Ты, наверное, простудилась! – засмеялся Клод. – И вообще устала от всей этой истории. Я тебе разогрею вино с приправами, это должно помочь. А грабить корабли мы сейчас просто никак не можем – в трюмах просто нет места, чтобы туда еще что-то положить. И ведь не выкинешь ничего, все золото, чистое золото... Ты на вершине пиратской славы, Кристин! О тебе еще будут ходить легенды, когда мы, наконец, вернемся на Тортугу. Золота хватит, чтобы губернатор простил тебе все.

Я пожала плечами. Конечно, Клод прав, но жизнь стала какой-то слишком сложной. Может быть, дело не в предметах, а в том, что я стала капитаном и теперь отвечаю за команду и корабль?

И если «Ла Навидад» пока еще цел, то от тех, кто когда-то отплыл с Тортуги, осталось чуть больше четверти.

Дюпон и правда приготовил мне горячего вина по своему рецепту. Я согрелась и легла спать, отдав на всякий случай дельфина Джону. Лягушка вернулась в сундук, и я быстро, крепко уснула, но Прозрачный все-таки пришел ко мне именно в эту ночь.

– Ты все правильно сделала, – сказал он. – Я не успевал тебя предупредить, но ты поступила верно. Бенёвский должен вернуться на свой путь.

– Вот спасибо, что похвалил! – лениво откликнулась я. – А я так боялась, что ты будешь ругаться: я ведь пустила Бенёвского к Храму.

– Не все можно предусмотреть. Но все сложилось хорошо. Теперь мы знаем больше, это поможет нам в будущем. Я пришел назвать тебе имя того, кто должен получить дельфина. Вы найдете его в этом году.

– И как же зовут счастливого обладателя попутного ветра? – я заранее знала, что никогда не слышала этого имени. Ведь теперь мы в будущем. – И как, интересно, нам его искать? И зачем?

– Его имя – Джеймс Кук, ты запомнишь, – Прозрачный смотрел на меня как-то нежно. – Найти его поможет дельфин, как только ты этого захочешь. Зачем? Ты уже чувствуешь, что предметы тяготят. Есть люди, готовые отдать за них все, но ты не такая, и твои друзья тоже. Вы любите свободу. Но с предметами ты никогда не свободна полностью. И когда ты захочешь избавиться от дельфина, он исполнит твое желание.

Я не захотела больше говорить и накрылась одеялом с головой. Мне показалось, что Прозрачный какое-то время еще находился в комнате. И я чувствовала исходящее от него добро. Первый раз. Может быть, Джон чувствовал это всегда?

Потом мне приснился Клод, и это был чудесный сон.

ЭПИЛОГ

Южнее острова Формоза (Тайвань), 1771 год

Итак, мы знали, в каком месте и времени находимся. Храм отправил нас сюда, или это была воля Прозрачного? В любом случае теперь нужно было выбирать: или выполнить его волю, или двинуться на другой конец мира, к острову Оук, чтобы вернуться домой. Мне хотелось отомстить тем, кто прислал Стрелка, но играть втемную было просто унизительно. Я пока не могла определиться. А раз я сама не знала, куда стремлюсь, то и дельфин не приманивал ветер к парусам «Ла Навидад». Мы медленно дрейфовали к югу.

Все мы немного нервничали. По словам Устюжина, корабли в его время были и вооружены лучше, и быстроходнее, чем наш. Все изменилось. Мы больше не были сильнее всех – наоборот, с точки зрения какого-нибудь пирата представляли легкую добычу на устаревшем судне. Конечно, наличие в моем распоряжении дельфина и кобры многое меняло, но не все. Особенно если учесть, что «Ла Навидад» нес предельный груз золота. Ради этого богатства какой-нибудь монарх мог бы отправить за нами весь свой флот!

Чтобы немного отвлечься от невеселых мыслей, я затащила друзей в каюту и показала всем карту, которую мы с Джоном отпечатали со стенок шкатулки.

- Что вы об этом думаете?
- Там, наверное, какой-нибудь клад зарыт! – предположил Роберт, разглядывая испещренный пометками остров. – Или много кладов... Вон, по всему побережью какие-то значки.
- Зачем нам клад? – Джона, кажется, карта мало интересовала. – У нас и так золота столько, что все Береговое Братство

может гулять год без перерыва. Ко мне приходил Прозрачный. Он сказал, что ты тоже знаешь о Джеймсе Куке.

— Знаю, знаю! — ворчливо согласилась я. Вот же гад, этот Прозрачный! Не поверил мне, сказал еще и Джону. Значит, не доверяет. — Ласковый такой был... Это и смущает. Чтобы доверять, надо проверять. А как его проверишь?

— Кристин, он помогает людям! — уверенно заявил Джон. — Неужели ты не чувствовала? Он не враг!

— Может быть, у него предмет есть, который умеет внушать доверие к своему обладателю? Ты же понимаешь, что им, Прозрачным, слишком просто обмануть нас.

— А я говорил об этом! — напомнил Клод. — Рад, что и ты поняла: нам никто не скажет всей правды.

В каюте повисла тишина. Джон хмуро поглядывал на Клода, да и Роб тоже, а француз то ли делал вид, то ли и правда увлеченно изучал карту.

— Но есть еще одно, — продолжила я, чтобы Джон правильно меня понял. — Я хочу избавиться от предметов. И раз уж мы здесь... Почему бы не начать с того, чтобы отдать Куку дельфина. Вот только это наверняка будет непросто. А в трюме полно золота, и команда хочет домой.

— Точнее, в кабак! — уточнил Клод, отрываясь от карты. — Бесполезно ее рассматривать. Единственный человек, который бывал в тех краях, откуда пришла к нам шкатулка, и достаточно грамотен, чтобы хоть что-то понять, это Бартоломеу. Может быть, показать карту ему?

— Почему бы нет. Он, кажется, заслуживает доверия, и болтать не станет. Заодно надо спросить его наконец: чего он сам хочет? Вернуться в свое время или остаться с нами?

— На Ключе осталось не так уж много «поворотов»! — напомнил букиньер. — К тому же, как выяснили немцы, Подземелье может и ошибиться. Вообще, там все выглядит довольно древним, и если механизм острова постепенно разрушается, то сей-

час он в худшем состоянии, чем был в 1650-м, к примеру. Я бы не тратил свойства Ключа на одного человека. К тому же, не на Оуке же его оставлять? Придется еще куда-то его доставить.

– Да, – согласилась я. – И не только с Бартоломеу предстоит решить некоторые вопросы...

Я выпроводила их из каюты, попросив каждого еще раз все обдумать, и отправилась на поиски Моник. Сколько можно откладывать этот разговор? Я нашла ее в трюме, сидящей на своем прежнем месте. Выглядела Моник неважно, будто за нее вдруг взялась морская болезнь.

– Давай-ка поговорим! – я уселась рядом. – Что ты собираешься делать дальше?

– Я... – Моник явно была не готова к прямому вопросу и заметно встревожилась. – Я не знаю. То есть я знаю, чего хочу, и хотела бы тебя попросить кое о чем, но мне кажется, теперь не время. Мы можем поговорить об этом потом?

– Когда это «потом»? – возмутилась я. – На этом корабле ты пролила кровь моего отца! Тебе здесь не место!

– И что ты собираешься делать? – Моник отчаянно испугалась и постоянно сглатывала слюну, будто борясь с тошнотой. – Ты ведь не бросишь меня там, где мне просто не выжить?

– Нет, на необитаемый остров я тебя не высажу, хотя стоило бы. Но как только мы найдем место, где европейка может выжить, то там ты и останешься. Насколько я тебя знаю, не пропадешь. Поэтому если у тебя есть какие-то пожелания – говори, только я не обещаю, что стану их учитывать.

Моник часто закивала, но прежде чем ответить, напилась из фляги. У нее тряслись руки.

– Может быть, мне не стоит даже об этом говорить... Но Кристин, я готова сделать для тебя что хочешь, если ты поможешь мне! Я готова убить, украсть – все, что прикажешь! Но мне очень нужно попасть в двадцатый век.

– Это еще что за глупости? – опешила я. – Постой... Ты за Отто там долги отдавать собираешься или не пустить его в плавание? Зачем?

– Нельзя не пустить его в плавание, – обреченно покачала головой Моник. – Есть вещи, которые нельзя изменить. Ведь тогда мы не встретимся, а это сделает всю мою жизнь бессмысленной. Кристин, Отто предал свое отчество, свой фатерланд ради меня и тем погубил себя самого. Я должна оказаться там, чтобы хоть чем-то помочь его родине. Тем, кому он верил. У Отто были идеалы, Кристин! Он был порядочным человеком, человеком долга. Не таким, как я. И я хочу помочь его делу. А еще там осталась его мать, которую он очень любил и часто вспоминал. Он говорил, что был бы счастлив познакомить меня с ней... Но все вышло не так! Бенёвский меня просто использовал.

– И мне тебя ни капельки не жаль, – честно призналась я. – А этот фатерланд, насколько я понимаю, принес людям немало бед. Да и что ты сможешь для него сделать? Я уже не говорю о том, как была бы счастлива мать Отто тебя увидеть и выслушать твою историю. Думаю, на порог бы не пустила, приняла за мошенницу. Кем ты, в общем-то, и являешься.

Моник поникла головой, а потом вдруг запустила руку в карман и извлекла маленькие золотые часы на ремешке.

– Это их семейная реликвия. Все мужчины в семье были моряками, и все носили эти часы. Я хотела бы вернуть матери Отто хотя бы их. Кристин, ведь ты можешь для меня это сделать! Он говорил, что остров Оук в его время находится недалеко от города! Я бы добралась, мне только оказаться там – и все!

– Забудь и думать! – я поднялась и пошла прочь. – Ты с нами до первой стоянки, где я смогу тебя оставить с чистой совестью!

У нас и правда осталось не так уж много «поворотов» на Ключе, Дюпон прав. И в двадцатом веке Подземелье стало еще стар-

ше, пользоваться им опаснее. Это не говоря уж о том риске, которому я подвергну корабль и команду, отправившись в век железных подводных кораблей и летающих по воздуху машин!

– Кристин! – она пошла за мной. – Есть еще кое-что, если это тебя не убедит, то...

– Не убедит! – крикнула я, не оборачиваясь. – Не хочу тебя видеть и слышать!

Поднявшись на палубу, я встретила Клода. Он смотрел насмешливо, и я поняла, что была еще одна причина, по которой я хотела избавиться от Моник. Когда-то они с Клодом были слишком близки, в самом простом смысле. И мне это не нравилось.

– Где Бартоломеу? – нашлась я, чтобы не заводить разговора на опасную тему. – Я подумала, что и правда лучше показать ему карту. Может быть, вспомнит что-то интересное. Легенду какую-нибудь, или еще что-нибудь.

– Так вот зачем ты ходила в трюм? Бартоломеу на баке, пьет с Моррисоном ром и травит байки.

Я позвала португальца, и вместе с Клодом мы вернулись в мою каюту. Бартоломеу внимательно выслушал историю шкатулки, а потом рассмотрел карту.

– Нет, я ничего не знать и не вспоминать. Но я могу показать, где мы брать шкатулка, на какой остров. Только надо сначала к остров Оук. Мне рассказывать, как вы сюда попадать.

– Ты что же, предлагаешь нам плыть к Оуку, возвращаться в твое время и опять плыть к индийским островам? – Дюпон рассмеялся. – Бартоломеу, у нас полный трюм золота, ты знаешь. Зачем нам еще гоняться неизвестно зачем? Мы интересуемся просто так, из любопытства.

– Любопытства? – повторил толстяк и обиженно запыхтел.
– Басим Смертоносный – вот мое любопытства! Надо возвращаться, чтобы его убивать! Вот зачем! А шкатулка, карта, мне наплевать!

– Куда еще возвращаться, Бартоломеу? – он все-таки был очень забавным. – Мы сейчас в том времени, когда Басим уже давно умер и истлел, даже если жил долго. Забудь о Басиме.

– Ты бы забыла о Басим, который твоя команда вся убивать?!

– тут же вскипел Бартоломеу. – Ты бы забыла, кто твой корабль топить, тебя мучить?!

– Месть – хорошая штука. Но зачем отправляться туда, где Басим жив, и убивать его, если здесь он уже мертв? – я говорила и понимала, что сама начинаю запутываться. – Убьешь его, и окажется, что на год раньше он еще жив. Снова на Оук, снова назад во времени, и снова убить?

– Хоть тысячу раз убивать! – уверенно заявил Бартоломеу. – Я Басим убивать тысячу раз с удовольствием! И это мало ему!

Мы с Клодом переглянулись, не зная, что ответить, но тут закричал марсовый. Впереди была земля. И если в этом мире хотя бы моря и суши всегда остаются на своих местах, это был какой-то остров. Что ж, если есть возможность пополнить запасы воды – это было бы очень кстати. В несколько предназначенных для воды бочонков мои жадные пираты положили золото, тем самым уменьшив наш запас.

– Договорим потом! – обещала я Бартоломеу. – А пока помалкивай, так всегда лучше. Клод, спрячь карту!

В бинокль я увидела, что островок совсем небольшой, и почти весь покрыт скалами. Ни одного дымка, ни одного следа присутствия людей обнаружить не удалось. Зато я заметила ручеек. Что ж, и ручеек может дать нам достаточно воды.

– Готовьте шлюпку, – приказала я. – Только пусть сперва произведут разведку. Тут нужно быть очень осторожными. Моррисон, ты готов побродить по суше?

– Позволь мне! – попросил Клод. – Похоже, что остров необитаем. Что ж, тогда поохочусь немногого на птиц, разнообразим немногого меню.

Я согласилась, взяв с Дюпона слово, что он будет осмотрителен. Неожиданно из трюма высунулась бледная Моник и попросилась на остров.

– Кристин, прости, но мне нездоровиться. Хотя бы почувствовать твердую почву под ногами!

– А не боишься, что там я тебя и оставлю? – спросила я и увидала, каким ужасом наполнились глаза Моник. – Обойдешься, сиди в трюме. Я же сказала, что не хочу тебя видеть.

– Пусти ее, – вдруг попросил Клод. – Посторожит шлюпку, в конце концов. Стрелять-то она умеет. И ей действительно скверно.

Я даже зашипела от злости. Давай, Клод, показывай мне, как ты заботлив по отношению к бедняжке Моник! Но капитан должен уметь скрывать свои чувства.

– Да как хочешь, мне наплевать. Бери ее. Можете и уединиться там где-нибудь, если решили вспомнить старое.

Дюпон положил руку мне на плечо, собираясь что-то сказать, но я сбросила ее и отвернулась. Отвернулась, чтобы увидеть преданные и немного радостные глаза Роба. Ну конечно! Я рассердилась на Клода, и Роберт решил, что у него теперь больше шансов. Что за глупости! Будто забот других нет.

Шлюпка отправилась к берегу, и вскоре матросы с оружием в руках рассыпались по скалам. «Ла Навидад» в любой момент был готов поддержать их пушечным огнем, но этого не потребовалось. Вскоре наши люди вернулись, и Клод трижды помахал мне шляпой. По нашему договору это означало: остров необитаем, все спокойно.

Моник сидела на борту шлюпки с мушкетом в руках, и в бинокль я могла за ней наблюдать. Похоже, никаких подлостей с ее стороны пока ждать не приходилось. Матросы занялись наполнением бочек, что заняло некоторое время – маленький ручей не мог дать много воды сразу. Дюпон, как и собирался, отправился охотиться.

Время тянулось медленно, и от безделья я все чаще поглядывала на берег. Мне тоже хотелось прогуляться, но капитану следовало оставаться на борту. Что делать, если вдалеке покажется парус, а я буду среди скал стрелять птиц? Приходилось терпеть.

Я видела, как Дюпон вернулся и минут десять о чем-то говорил с Моник. Сердце мое сжалось, но о чем бы ни был разговор, им дело и кончилось. Потом Клод, оставив небогатую добычу, снова ушел в скалы. Еще через некоторое время матросы наконец наполнили бочонки и двое из них пошли искать буканьера. Их не было долго, и я начала волноваться. Наконец матросы вернулись и начали о чем-то совещаться, часто поглядывая на «Ла Навидад». Это было уже слишком.

– Шлюпку на воду! – закричала я. – Роберт, будь у пушек и не забывай о кобре! Джон, ты со мной? Кажется, Дюпон слишком задерживается.

– Не так уж много прошло времени… – Джон смотрел на меня с удивлением. – Впрочем, как скажешь. Давай проверим.

Действительность оказалась еще хуже, чем я ожидала. Матросы нашли шляпу Клода, а его самого будто след простили. Если он сорвался со скалы, то в этом каменном лабиринте искать его можно было достаточно долго.

– Прежде всего, мы должны быть осторожны! – решила я, хотя сердце сжалось от желания немедленно бежать на выручку. – Будем обыскивать остров. Если понадобится, то весь, но рисковать не станем. Плывите к кораблю, пусть присылают всех свободных людей. Всех, кроме канониров! Моррисон остается за меня. Роберт тоже пусть идет сюда с коброй, я чую недоброе!

Первой в шлюпку забралась Моник. Мне нечего было возразить – пусть убирается! Она первой попала бы под подозрение, но я точно знала, что Моник не удалялась от берега. Я вспомнила, что прихватила с собой волшебную лягушку, достала ее

и «послушала» шляпу. Но ее всего лишь сдуло ветром с головы охотника.

– Не переживай раньше времени! – потребовал Джон. – Конечно, случилась какая-то беда, но людей здесь нет и крупных животных тоже. Наверное, сорвался в какую-нибудь расщелину, сломал ногу... И наверняка ударился головой, раз не отзывался на крики. Потерял сознание.

– Спасибо, утешил! – заорала я. – Еще мог бы сообразить, что если мы не видели людей, это еще не значит, что их здесь нет! А еще мог бы вспомнить о змеях! О пауках ядовитых, о скорпионах! И...

Я не могла стоять на месте. Уже вырываясь из рук Джона и шагая к скалам, я поняла в чем дело: дельфин! Он знал, где Клод, и готов был отвести меня туда немедленно. Но я – капитан! Чудовищным усилием воли мне удалось снять цепочку с фигуркой. Стало легче и тяжелее одновременно.

– Что они там так возятся?!

– Уже отваливают! – откликнулся Джон. – Первая шлюпка идет к нам, еще две почти готовы – грузят мушкеты.

– Нельзя разделяться! – как заклинание повторяла я себе, расхаживая вдоль линии прибоя. – Нельзя разделяться, нас и так осталось немного!

Наконец вся моя маленькая армия собралась. В последний раз оглянувшись на «Ла Навидад», я повела ее от берега. Дельфин, снова оказавшийся на шее, уверенно указывал путь. Но путь этот был нелегок – Клод исхитрился забраться в самую гущу скал. Оглянувшись в какой-то момент, я с удивлением увидела среди следующих за мной Монику. Бледная, тяжело дышащая, она упорно шла наравне со всеми. Это было очень странно, но я думала только о Клоде.

– Самбо что-то想要 сказать! – сказал мне Бартоломеу, указывая на одного из двух наших негров, решивших плыть на Мадагаскар. – Самбо – охотник!

Я остановилась. Если не считать француза, на моем корабле находились одни лишь моряки, следы читать никто не умел. Если не считать негров. Прозванный пиратами Самбо, один из них очень быстро выучился неплохо болтать по-английски.

– Много людей! – размахивая руками, негр прыгал от куста к кусту, показывая какие-то оборванные листья и сломанные веточки. – Дюпон один там, тут много-много!

– Он говорить, что мсье Дюпон был сначала один, а в этом месте повстречать многих людей! – добросовестно перевел Бартоломеу, хотя никто в этом не нуждался. – Опасно!

– Всем быть наготове, но без моей команды не стрелять! – приказала я. – Идем дальше, он недалеко, я чувствую.

Теперь дорога пошла вниз. В центре острова находилась низина, вся усыпанная огромными валунами. Это напоминало каменный лабиринт. Я чувствовала, что Дюпон рядом, но не могла его видеть. Более того, я чувствовала, что он движется. Я кричала, даже выстрела один раз, но Клод не отзывался. Двигаясь небольшими отрядами, постоянно перекликавшимися друг с другом, мы уже почти вышли к скалам, когда меня отозвал Бартоломеу.

– Капитан, ваш Роб пошел туда! – он указал за обломок скалы, и я сразу почувствовала, что именно там сейчас Клод. – Мне показаться, его кто-то позвать. Но мы все тут, а там кто тогда?

– Я знаю, кто!

Стараясь не бежать, я направилась в указанном направлении, но Клод вышел мне навстречу раньше. Не в силах себя сдерживать, я обняла его. За моей спиной начали собираться повеселевшие товарищи.

– Кристин, ты догадалась взять с собой лягушку? – тихо спросил меня Клод.

– Да! Но где Роб, что с ним?

– Дай мне ее. С Робертом все хорошо, он сейчас придет. И дстань дельфина, я тебе кое-что покажу. Ни о чем не спрашивай, сама увидишь.

Я послушно вручила ему лягушку и вытащила из-за воротника цепочку с дельфином. Клод сложил предметы вместе, а потом вдруг сорвал с меня цепочку и отступил на шаг.

– Какого дьявола!! – закричала я, потирая шею. – Мне больно!

– Мне тоже! – Клод выхватил пистолет и направил его прямо мне в лицо. – Мне тоже больно, Кристин. Нехорошо предавать тех, кто тебе верит.

Мое сердце просто остановилось, так же как и мысли. Я не желала, просто не в состоянии была даже попытаться понять, что происходит. Рядом со мной мгновенно оказался Джон с мушкетом.

– Отдай предметы!

– Не делай глупостей, Джонни! – ответил Клод, глядя мне в глаза. – Все уже решено. Оглянись.

За его спиной появились вооруженные люди в черной восточной одежде. Двое вытолкнули к нам Роба, потиравшего затылок в полном недоумения. Его глаза были одинакового цвета – значит, Клод оглушил его и забрал кобру. Но зачем? Кого мог он встретить на этом проклятом клочке суши? Между тем люди в черном оказались и на валунах вокруг нас. Они целились из мушкетов и, учитывая выгодность позиции, могли перебить всех в течение пары минут.

– Ты должна меня помнить! – возле Дюпона остановился сухощавый смуглый человек, и я сразу вспомнила его костистое лицо. Вот только когда мы виделись последний раз, его правый глаз не был зеленым, а левый голубым. И еще он не говорил по-английски. – Меня зовут Басим Смертоносный. В прошлом слуга Аллаха, но, как метко заметил мсье Дюпон, я поменял хозяина. Как ты видишь, Кристин, сопротивление бесполезно. Впрочем, мне не нужны ваши жизни. Хотя кое-чего я еще не получил.

Моник, протолкавшись через столпившихся матросов, подошла к арабу. Она вытащила из-за пазуху какой-то свиток, и протянула ему. Басим развернул его, и я узнала карту. Карту,

которую спрятал в моей каюте Клод. Она возвращалась на «Ла Навидад», чтобы стащить ее из каюты! Дюпон сказал ей, где искать, а уж справиться с дверным замком для воровки не проблема. Моник что-то заворковала, кокетливо поправляя волосы. «Опять за старое, – безразлично подумалось мне. – Давай, покажи свой талант обольщения». Басим спрятал бумагу, посмотрел на нее с усмешкой и вдруг приставил пистолет к ее животу.

– Бум!! – крикнул он и расхохотался. – Бум!

Моник в ужасе отшатнулась, и только теперь я поняла, что на моем корабле плыл человек, о котором я не знала. Между тем Басим принял от Клода волшебные предметы, убрал в карман и снова обратился ко мне.

– Капитан Кристин, я получил все, что хотел. Шкатулка, видишь ли, оказалась для меня недосягаема, поэтому очень хорошо, что у тебя есть эта карта. Теперь, полагаю, мы можем расстаться. Не пытайтесь меня остановить – я забрал все козыри. Прощайте!

– Прощай! – из-за моей спины выскочил Бартоломеу и выстрелил Басиму в грудь. – Убираться к своей Сатана!

Пуля вошла прямо в сердце. Басима подхватили под руки, но стрелять в нас отчего-то не начали. Бартоломеу гордо отшвырнул пистолет в сторону и сложил руки на груди. Араб, умирая, рванул воротник своего халата, и на его смуглой груди я увидала прочный ремешок, на котором висели серебристые фигуры, целая гроздь. Басим что-то шептал на ухо своему человеку, хотя глаза его уже закатывались.

– Опрометчивый поступок! – сказал Дюпон, обращаясь к португальцу. – Басим человек злопамятный, да к тому же бессмертный. Опасное сочетание, дон Бартоломеу!

Я покачнулась и поняла, что падаю в обморок.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

ИГОРЬ ПРОНИН

Родился и живет в Москве, образование экономическое. Больше десяти лет работал в «банковской сфере», пока не заскучал, и с тех пор писатель. Издал (чаще под псевдонимами) более двадцати романов, не считая повестей и рассказов в сборниках. Предпочитает сочинять фантастику, в ней и стал лауреатом нескольких премий. Печатался в таких сериях, как «Ведун», «Сталкер» (А. Степанов). Новеллизировал сценарий кинофильма «Черная молния», работал над телепроектами...

Собирается так и продолжать.

8 ВОПРОСОВ АВТОРУ «ПИРАТОВ 2»

1. Насколько историчны все события, происходящие в книге? Ведь у вас частенько действуют люди, существовавшие в реальности - Дрейк, Бенёвский, теперь вот еще Кук, наверное, появится.

С одной стороны, эти люди действительно существовали и оставили заметные «отпечатки» в истории. Но за конкретными фамилиями стоят герои, придуманные авторами. Так происходит всегда, когда дело касается художественной литературы. В «Войне и мире» Лев Толстой писал о Кутузове и Наполеоне, но наделял их теми чертами, которые были ему нужны для решения некоторых художественных и философских задач. Ставя при этом, само собой, не потерять связь с прототипами. Примерно так же дело обстоит с моими «пассионариями».

Кроме того, реальность проекта «Этногенез», как можно заметить, не равна той, в которой мы с вами живем, хотя и очень похожа. Я, собственно, об этом упоминаю в книге: перемещаясь во времени, мои персонажи волей-неволей влияют на какие-то детали, даже на очертанность географических открытий. И, надо полагать, не только они. В таком случае тот мир, в котором мы живем, и в котором знаем Дрейка или Кука, сформировался как итог сложного, древнего противостояния сил, возможности которых намного превосходят человеческие.

2. Почему Кристин так вольно распоряжается предметами? Создается впечатление, что она ими не особо дорожит - то Джону отдаст, то Роберту. Она что, не понимает, что всей своей добычей и репутацией обязана исключительно предметам?

Кристин понимает, что она может (а пока это вовсе не так!) оказаться обязана предметам всем. И именно этого она не хочет. Не та девушка! Кристин амбициозна, и хотя в силу возраста пока не имеет каких-то великих замыслов, одно знает точно: она всего должна добиться сама, и она способна на это. Предметами приятно обладать, ими можно увлечься, но жизнь становится какой-то ненастоящей, как бой с португальцами у берегов Африки. В таком бою нет места азарту, состязанию удач, всему тому, что нравится Кристин в пиратской жизни. Это не бой, это или избиение, или хладнокровное изъятие чужих средств без малейшего риска.

Кристин только еще начинает понимать (от чего стремится сбежать подсознательно): обладание предметом накладывает на его хозяина немалую ответственность. А ответственность – это не совсем то, к чему Кристин готова. Хотя приходится понемногу учиться, все же она капитан... Но можно ли ощущать ответственность за команду, большинство членов которой в два раза старше и в житейском смысле умнее? В общем, девушка растет, и ей еще многому предстоит научиться. Иногда и против своей воли.

Наконец, играет роль потомственное повышенное чувство опасности. Предметы не созданы людьми, предметы никогда не будут людьми до конца поняты. Каждый из них может таинить в себе массу сюрпризов, и конечно, не всегда приятных. Поэтому предметы для Кристин – как прирученные змеи. А змей она не любит.

3. Главным героям вашей книги - 16-17 лет, но они кажутся значительно старше. Та же Кристин ведет себя как кто угодно, но не как шестнадцатилетняя взбалмошная девчонка. Почему?

Есть такая поговорка у старших: «Время было другое!» В данном случае именно так дело и обстоит. Детей во все времена старались щадить и по возможности ограждать от взрослых неприятностей, но шестнадцатилетних в описываемые времена детьми просто не считали.

Даже если дело касалось принцев. А уж мои персонажи росли вдалеке от дворцов. Только у Кристин, как ни странно, был шанс на благополучное детство. Дочь капитана никто не смел обидеть, и даже на корабле у девочки были все шансы избаловаться. Не позволил характер и манера постоянно соваться туда, куда не просят. И, конечно, от в общем-то спокойной жизни у родственников в Лондоне она тоже упрямко отказывалась. Что до Джона и Роберта, то один вырос с дедом на ферме и уже годам к тринадцати или четырнадцати был, по сути, главным кормильцем, а второй и вовсе не имел дома. Хотя характер все равно накладывает отпечаток: не склонный много думать Роб взрослеет медленнее рассудительного Джона. И, конечно, медленнее, чем Кристин, которой приходится помнить, что она – капитан.

4. Почему во второй книге так изменилась Моник? Вместо смертельно опасной авантюристки перед нами практически всегда безобидная клуши, которая практически не действует, а только и может, что умолять?

Если попробовать из-под такой «клуши» забрать пару яиц себе на завтрак, то легко остаться как минимум без руки. Все навыки Моник при ней. Но, напомню, во-первых, ей пришлось совершить чрезвычайно увлекательное путешествие на подводной лодке в компании с сумасшедшим капитаном-садистом и его «доктором». Можно не сомневаться, что в отношении боли Моник стала настоящим экспертом. Такие приключения накладывают некоторый отпечаток на характер. Например, способны сильно умерить пыл и заставить более тщательно взвешивать возможные риски. Во-вторых, оказавшись эмоционально уязвимой, совершенно беззащитной в брюхе страшного «железного кита», Моник нашла друга – лейтенанта Отто фон Белова. Она была просто обречена его полюбить, и это стало своеобразным наказанием за прошлое. Теперь Моник пришлось думать не только о себе.

Ну и, наконец, изменилось еще кое-что. Будущая мать без какой-либо защиты и без надежды на понимание иногда действительно только и может, что умолять. И ждать счастливого случая, который, возможно, нашел-таки ее в лице Басима Смертоносного.

5. Почему Дюпон предал своих товарищей?

Ага, вот так я и рассказал. Разве что наврать? Вот, слушайте: у него разболелся живот, а таблетки были только у Басима. Он сгонял за ними в аптеку 21-го века, и теперь дорого торгуется ими в 18-ом. Клод понимает, что с него три шкуры дерут, но как торговаться при большом животе? Шучу, конечно. Зубы у него болели.

В общем, запишите, что автор «ушел от ответа»!

6. Почему герои вашей книги так легко согласились играть на стороне Прозрачных? Даже не столько играть, сколько добровольно согласились дать себя использовать втемную?

Согласился помочь Прозрачному Джон. Почему? Потому что поверил ему. Да и как было не поверить, если Джон сам видел: у Дрейка нет моральных сил, даже чтобы заполучить «серебряный караван». А в своем детстве он слышал от деда рассказы совсем о другом человеке, о герое, о «железном пирате королевы!» Кроме того, Джон воспитан патриотом и одна только мысль о том, что испанцы смогут высадиться на британских островах, выводила его из себя.

Почему Кристин помогла Джону? Да просто потому, что подружилась с ним. Конечно, дельфин ей и самой понравился, но потеря друга для нее куда важней. Ведь друзей-сверстников у Кристин до Джона и Роберта не было.

Мысли о том, что их используют втемную, стали посещать Кристин позже, когда ее фактически вынудили искать Дрейка второй раз. Конечно, Прозрачный как мог постарался на нее повлиять, показав «картинки из возможного будущего», но не имел достаточных возможностей, чтобы воздействовать на Кристин всерьез. Она ведь не патриот, как Джон, ее дом, семья, родина – это «Ла Навиад». Поэтому Кристин с одной стороны, увлечена разворачивающимся приключением, а с другой все время думает, как сняться с крючка. Даже после объявленной ей войны таинственными врагами, пославшими навстречу корабль Стрелка, Кристин решает позволить Бенёвскому добраться до Храма – просто чтобы Прозрачный не считал ее своей верной слугой. В конце второй книги Кристин опять в раздумьях: прислушаться к Джону и выполнить просьбу Прозрачного, или плыть своей дорогой.

Наконец, Дюпону игра с Прозрачными не нравится в принципе, ни под каким соусом. И не пытается выйти из этой игры он только по одной причине: Клод надеется разгадать тайну и поквитаться за то, что его «использовали». О чем он думал, распивая вино на «Ла Навиад», и к чему это его привело, расскажет третья книга.

7. А что это за Либертalia такая, которую постоянно поминает Бенёвский?

Реальная Либертalia существовала на Мадагаскаре, хотя и несколько в другое время. Сбросив в море офицеров, взбунтовавшаяся команда, договорившись с пиратами, создала свое государство, где было и равенство, и братство, не говоря уже о свободе. Многие историки склонны считать и эту Либертанию легендой, но я в нее верю – уж очень закономерен оказался ее печальный конец. Туземцы, подкупленные врагами, однажды просто перебили своих друзей-мечтателей. И эта страна появилась слишком рано.

Либертalia погибла, а Бенёвский, не сумев создать ее с помощью героев романа, вернулся в свое время и продолжил попытки. Судьба его оказалась нелегка, но от мечты полковник так и не отказался. Хотя второй раз Храм не нашел – неизвестно, находится ли он на Мадагаскаре, или там лишь ворота к нему, но без дельфина пройти через эти ворота невозможно. Согласно большинству версий, там, на Мадагаскаре, Бенёвский и погиб, пытаясь защитить свою Либертанию.

8. В первой книге действие происходит в районе Америки. Во второй - смещается в сторону Африки. Куда поплынут герон в третьей?

От острова к острову. Остров Демона открыл одну тайну, остров Паука приоткрыл другую, и тут же отправил к третьей. Следующий остров, завершающий историю, находится в Тихом океане. Вот только я затрудняюсь сказать, у берегов какого континента, потому что уж очень он от всех берегов далеко. Так далеко, что просто непонятно, каким образом люди туда попали, не имея не то что пароходов, а даже крупных парусных судов. А ведь не просто «попали», занесенные бурями, а прибыли семьями, именно для поселения. Или – не сами прибыли?.. Точного ответа на этот вопрос специалисты не дают, так что я решил заняться этим сам.

Еще могу рассказать, что на острове есть удивительные, огромные скульптуры. Их много, они стоят на берегах и смотрят вглубь острова. Создавались эти исполины, когда на острове властвовала раса «длинноухих». Вот, пока, и все. Подробности – романом.

Содержание

ПРОЛОГ	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ Наследник тамплиеров	16
ГЛАВА ВТОРАЯ Счастье для всех	28
ГЛАВА ТРЕТЬЯ Ультиматум и договор	41
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ Будущая война	54
ГЛАВА ПЯТАЯ Переговоры и предательство	66
ГЛАВА ШЕСТАЯ Гранаты и чужая война	79
ГЛАВА СЕДЬМАЯ Неизвестный враг	92
ГЛАВА ВОСЬМАЯ Простить и не простить	110

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ Воровство против упрямства	127
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ Свобода и скука	143
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ Ром и дыра в борту	158
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ Берег злых дикарей	172
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ Дружба и доверие	185
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ Запретная бухта	204
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ Крах мечты и прощание	222
ЭПИЛОГ	236

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (My-My), т. (495) 687-45-86
- м. «Алтуфьево», Дмитровское ш., д. 163 А, ТРЦ «РИО»
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр Лэнд», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL - 2», т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская»/«Таганская», Бол. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Маяковская», ул. 1-ая Тверская-Ямская, д. 8, т. (495) 251-97-16
- м. «Менделеевская»/«Новослободская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимировская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пражский Пассаж», т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Бол.Черкизовская, д. 2, корп.1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1, 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый стан», Новоясеневский пр-т., вл. 1, ТРЦ «Принц Плаза»
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Тульская», ул.Большая Тульская, д. 13, ТЦ «Ереван Плаза», т. (495) 542-55-38
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Шукинская», ул.Шукинская, вл. 42, ТРК «Шука», т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т., д. 21, ТЦ «Столица», т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, ТЦ «Эдельвейс»
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», т. (496)(24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская площадь, д. 3, Дом Торговли, т. (496)(61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32А, ТЦ «Счастливая семья»
- М.О., г. Электросталь, ул. Ленина, д. 010, ТЦ «Эльград»

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 65-00-95
- Белгород, Народный б-р, д. 82, т. (4722) 32-53-26
- Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Сулимова, д. 50, ТРК «Парк Хаус», т. (343) 216-55-02
- Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТЦ «Столица», т. (3412) 90-38-31
- Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», т. (861) 210-41-60
- Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- Курган, ул. Гоголя, д. 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Радищева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- Новосибирск, ул. Ватутина, д. 107, ТЦ «Мега», т. (383) 230-12-91
- Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- Пермь, ул. Революции, д. 60/1, ТЦ «7 пятниц», т. (342) 233-40-49
- Ростов-на-Дону, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», т. (863) 265-83-34
- Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», т. 8-908-374-19-60
- Санкт-Петербург, Гражданский пр-т, д. 41, ТЦ «Академический», т. (812) 380-17-84
- Санкт-Петербург, ул. Чернышевская, д. 11/57, т. (812) 273-44-13
- Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-53-11
- Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- Тюмень, ул. М.Горького, д. 44, стр. 4, ТРЦ «Гудвин», т. (3452) 79-05-13
- Уфа, пр. Октября, д.26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472)293-62-88
- Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22
- Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Игорь Пронин

ПИРАТЫ 2

Книга вторая

Остров Паука

Автор идеи Константин Рыков

Главный редактор Кирилл Бенедиктов

Редактор Вадим Нестеров

Выпускающий редактор Дмитрий Гусев

Арт-концепт Алексей Маслов

Арт-директор Алексей Гонтов

Компьютерная верстка Кирилл Соколов

Корректор Антон Нелихов

Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин

Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,

Сергей Пименов

Правовое сопровождение Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»

Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д.4, стр.1,

тел./факс +7 (495) 668-37-40 (41)

www.etnogenez.ru

Подписано в печать 15.12.10 г. Формат 164x215

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 12 pt

Условных печатных листов – 16

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:

123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»

или на сайте www.shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:

тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ

www.ast.ru

129085, Москва, Звездный бульвар, д.21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10

zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного электронного оригинал-макета

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

тел. (8422) 41-11-07

факс (8422) 41-11-32